ГЛАГОЛЪ
АССОЦИАЦИЯ В ПОДДЕРЖКУ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ · ПАРИЖ ·

«НОВЫЙ ГЛАГОЛЪ»
литературный альманах
№ 3 — Париж, 2025 год

Ответственный редактор:
Александр Рыбкин

Составитель
и литературный редактор:
Елена Улиссова-Пианко

Члены редколлегии:
Владимир Алексеев
Ирина Алексеева,
Татьяна Моженок-Нинэн,
Татьяна Жоброн

Обложка:
Даниил Иванов

Люксембургский сад,
статуя «Греческий актёр», фото
Георгий Шишкин

Репродукция картины
«Посвящение Чайковскому»

© 2025 Ассоциация «Глаголъ»
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-911546-40-9

Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo@gmx.de

Printed in Germany

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Рыбкин	«Новый Глаголъ» продолжает свой путь	5

ПРОЗА

Олег Антипов	Три маленькие зарисовки	9
Владимир Гудаков	Воспоминания антрепренёра	14
Ольга Дробышевская	Первое свидание	19
Галина Дрюон	Подарок богов	27
	Жан-Пьер Алибер	43
Наталья Купча	Георгий Горчаков — литературный и музыкальный секретарь Прокофьева	67
Марина Рахманова	Грогий	74
Елена Ленёва	Пролог *(Из дневника Ноэля Кареля)*	84
Людмила Маршезан	Шпаги звон и звон медалей потомка Александра Дюма	91
Валентин Нассонов	Серебряная свадьба	99
Елизавета Павлова	Моя Илона	107
Вера Трэмон	Прощай, Париж! *(О поэте Викторе Сосноре)*	127
Владимир Чернин	Ишхан как состояние души	157
Ида Юнкер	Энтузиазм *(отрывки из одноимённой книги)*	171

ПОЭЗИЯ

Олег Антипов	Ноты	181
Валерий Валесов	Фергана	184
Виктория Канаева	«Как мало человеку надо!..»	186
Ольга Кляйн	«Самородок я, самоцвет…»	189
Дмитрий Макаров	«Ах, гусеница, труженица…»	195
Людмила Маршезан	Концерт П.И. Чайковского в храме Val-de-Grâce	200
Ольга Сердюкова	Скульптор Михаил Милькович	203
	Жан-Пьер Полак. Переводы	204
Ольга Оливье	Переводы поэзии Жерара де Нерваля	207

МЕМУАРЫ

Марк Казарновский	О Владимире Алексееве	217
Людмила Маршезан	«Жить без любви нельзя…»	220
Елена Улиссова-Пианко	Дар свыше	222
Катя Эткинд	Чёрный портфельчик	224
	Некто в штатском	229

ПУТЕШЕСТВИЯ

Галина Бларэ	Каникулы в Будапеште	233
Людмила Маршезан	Из Бахрейна в Узбекистан	245

ЭССЕ

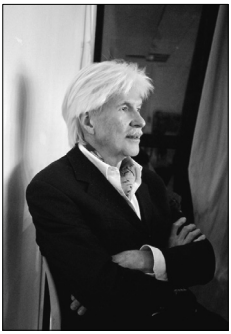
Елена Аркатова	Чехов. Зайцев. Бунин	281
Елена Ленёва	Русские избы в Париже	289
Лела Мигиров	Spira Mirabilis	293
Елена Аркатова, Инна Корнеева, Ангелина Тиматкова	Бунин в Грассе	295

ИСКУССТВО

Галина Бларэ	Иллюстрации к рассказу Чехова «Детвора»	307
Наталья Келеннек	Забытая могила. *О Серафиме Судьбинине*	310
Татьяна Моженок-Нинэн	Выставка «Ван Гог в Овере» в музее д'Орсэ	319
Ирина Ченакал	Тайны творчества	328

НАШИ ИНТЕРВЬЮ И БЕСЕДЫ

Денис фон Мекк	Денис фон Мекк о своих предках *интервью взяла Е.Улиссова-Пианко*	335
Фредерик Блэн	Кукольник из Монружа *беседу вела Е.Улиссова-Пианко*	344



Александр РЫБКИН

«НОВЫЙ ГЛАГОЛЪ» ПРОДОЛЖАЕТ СВОЙ ПУТЬ

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!

И.С. Тургенев, 1882 г.

Дорогие читатели!

Эпиграф И.С.Тургенева, отвечающий призванию нашего альманаха, остаётся неизменным. Как и в двух первых номерах, мы ведём разговор с читателями на русском языке.

В 2025 году мы отмечаем памятные даты: 185 лет со дня рождения Петра Ильича Чайковского, 165 лет — Антона Павловича Чехова, 155 лет — Ивана Алексеевича Бунина. В третьем номере стихи, рассказы и статьи, посвящённые этим замечательным деятелям русской культуры. Денис фон Мекк, племянник в третьем поколении Петра Ильича Чайковского и внук в третьем поколении баронессы Надежды Филаретовны фон Мекк, в ноябре 2024 года рассказал в интервью, которое мы печатаем в альманахе, о своих знаменитых предках. Сотрудники музея И.А. Бунина в городе Орле посвятили писателю эссе «Бунин в Грассе», а Елена Аркатова — заведующая музеем — написала статью «Чехов. Бунин. Зайцев». Искрящийся юмором текст «глагольца» Владимира Гудакова «Мой Антоша Чехонте» дополняет притягательный облик Чехова и учит не унывать, а Галина Конопицкая-Бларэ проиллюстрировала чудесный рассказ Чехова-Чехонте «Детвора».

На заключительной обложке — репродукция картины «Посвящение Чайковскому» кисти Георгия Шишкина. (пастель 2008 г. О художнике см. первый номер «Нового Глагола». стр. 258–264). На заглавной обложке — фотография Даниила Иванова «Люксембургский сад, статуя «Греческий актёр», скульптор Шарль-Артур Буржуа. Выбор Парижа не случаен: этот город стал второй родиной для Бунина, а Чайковский и Чехов посещали его неоднократно. «Очагом цивилизации», — так назвал Чехов столицу Франции.

Мы не обошли стороной и другую яркую дату: открытие мемориальной доски в Париже на здании книжного магазина Les Editeurs Réunis по случаю 50-летия публикации «Архипелаг Гу-

лаг» в издательстве «ИМКА-Пресс». Екатерина Эткинд рассказывает на страницах нашего сборника о своих встречах с Солженицыным (рубрика «Мемуары»).

По-прежнему мы публикуем стихи и прозу многочисленных авторов и привлекаем наших французских единомышленников. В этом номере вы познакомитесь с известным поэтом Жан-Пьером Полак в переводах Ольги Сердюковой. Ольга Оливье предоставила для нашего альманаха несколько своих переводов Жерара де Нерваля (её книга опубликована в 2025 году в Санкт-Петербурге, издательство «Алетейя»). В рубрике «Наши интервью» вы узнаете о кукольнике из Монружа Фредерике Блэн и его театре с четырьмя тысячами марионеток. По просьбе читателей появился новый раздел — «Путешествия».

Лела Мигиров, профессор медицины и представитель современного интеллектуального искусства, делится с читателями (рубрика «Эссе») своими размышлениями о распространённой форме во Вселенной — Spira Mirabilis. Татьяна Моженок-Нинэн (рубрика «Искусство») повествует о выставке Ван Гога в музее д'Орсэ.

В третьем номере мы с грустью вспоминаем Владимира Алексеева, редактора сборника «Из Парижска. Русские страницы», покинувшего нас в ночь на 23 января 2025 года.

Ваши отзывы и впечатления присылайте на мейл «Глагола» glagolparij@gmail.com

Третий номер «Нового Глагола» издан на средства от продажи второго номера, а также благодаря финансовой поддержке Елены Улиссовой-Пианко.

P.S.

Мы радуемся полифонии голосов авторов. Некоторые пишущие уже знакомы читателям по первым номерам, другие же публикуются нами впервые. Надеемся, что вас увлечёт чтение их произведений. Напечатанная книга всегда была и остаётся человеческой ценностью. Латинский и французский языки дают ключ к пониманию кровной, родственной связи между книгами и деревьями: эластичная поверхность под корой дерева называется LIBER, она питает другие органы дерева. А книга кормит ум своими интеллектуальными соками! Из LIBER-луба прежде делали свитки с письменами. Латинское слово LIBER этимологически связано с LIVRE и LIBERTE! Вот так переплелись навек три понятия: дерево, книга, свобода.

Приятного и свободного вам чтения!

Составитель и литературный редактор Елена Улиссова-Пианко

ПРОЗА

Олег АНТИПОВ

Родился 1962 году в г. Калининграде Московской области, сейчас г. Королев. После школы окончил техникум, сейчас это Технологический университет имени А.А. Леонова. Принимал участие в проектах связанных с орбитальным космосом, станция МИР, МКС, работал на космодроме Байконур и в международных проектах во Франции, Нидерландах и Германии. С 2006 года живет во Франции. С 2009 по 2014 год работал в Геофизическом институте Парижа, затем в Испытательном центре «Рено». Сейчас фрилансер. В 2020 году переехал в Ниццу. Там увлекся краеведением Лазурного берега, Приморских Альп и Ниццы. Ведет страницу в фейсбуке, где размещает свои впечатления, фотографии, короткие тексты, реже стихи.

УРОК ФРАНЦУЗСКОГО

Как-то давно уже я согласился сопроводить вплавь дочь-подростка моей знакомой до острова. Только с Олегом! Девочка очень просилась, но одну ее не отпускали. Дело было на озере где-то в Бургундии. Я всегда был неплохим пловцом. Ее мать и наша компания остались на берегу пикниковать. Девочке было лет 12–13, высокая и спортивная по имени Клара. На перегонки с

ней у меня не получилось, и я быстро выдохся, за плечами у меня уже был полтинник или близко к нему. Она ушла далеко вперёд, и вдруг я понял, вернее, увидел, что до острова не так уж и близко, я устал, а силы у меня заметно кончаются, и вдруг я стал неожиданно тонуть. Какая то напала паника, сердцебиение, тяжесть во всем теле. Я порядком хлебнул воды. Обернулся. Назад далеко и вперёд далеко, а тянет вниз, вниз. Темно в глазах! Рядом со мной, тонущим, плыли лодки с людьми, но я тогда не знал, как по-французски «Помогите! Тону!», захотел было крикнуть «Аааа» или «Хелп ми!», но в горле застряло только немое «Мама!» и ничего не вышло, я продолжал барахтаться. От этой дилеммы мне неожиданно стало дико смешно, обуяла какая-то странная смесь паники и смеха. И, наконец, немного успокоившись, я сумел перевернуться и лечь на спину. Отдышавшись, я снова медленно поплыл к острову, но теперь уже в своём ритме. Клара давно была на острове, ей уже порядком надоело там. Она посмотрела на меня когда я, как краб, с трудом выполз на берег и рухнул на песок вниз белым лицом. Она равнодушно спросила: «Ça va? On revient?» (все в порядке? возвращаемся?) Ну уж нет, мать, делай что хочешь, а я ещё полежу здесь. Плыви одна, я потом. Она пожала плечами, побежала к воде и быстро вернулась вплавь одна. Я, полежав еще немного, отдышавшись и уже совсем успокоившись, тоже медленно поплыл обратно, вернулся. Никто ничего не заметил на берегу, а я никому ничего не сказал тогда, мы продолжили наш пикник. Но потом, в течение нескольких лет, я уже долго не мог заплывать далеко, как раньше, наконец выучив французский крик о помощи: Au secours!

ГЛАЖКА

В комнате пахнет голландской печью и морозным бельём с улицы. Мне 4–5. Мать принесла со двора эти гремящие квадраты и прямоугольники и гладит их на круглом столе, покрытым байковым одеялом поверх скатерти. Вкусный, морозный пар от глажки. Утюг шипит, он живой.

За чёрным окном зима, жёлтый огонёк уличного фонаря дрожит через снег. Снегопад. Между замёрзших, в кристаллах стёкол окна, как сугроб, вата с заснувшими мухами. Вечер. Темно.

Я хожу вокруг стола, вокруг мамы, ныряю под шнур утюга, мешаю. Наконец-то я не в саду, не на пятидневке. Я приболел, но уже иду на поправку. Я дома, ура!

— Что ты крутишься? Не мешай.

— Мама, заверни меня.

— Ты же видишь, я глажу.

— Ну мам, ну заверни, как раньше.

— Ты уже большой (я самый маленький в группе, а позже в классе). Ну ладно, сейчас, подожди.

Складывает глажку на стул стопкой. Кладёт на одеяло светлый платок. Я радостно жду. Мама берет меня на руки и кладёт на стол, поперёк одеяла, головой на платок. Двумя руками она делает складки и туго перевязывает платком мою голову, как у старушек в церкви. Щеки торчат из платка, как у «Аленки». Затем одеялом, натягивая и подсовывая края, туго оборачивает меня коконом. Руки по швам, не пошевелить ими.

— Вот видишь, даже одеяло стало уже мало, не хватает на ноги. Ты вырос.

Я смотрю вверх, на желтый абажур с бахромой и тусклую лампочку. Молчу.

— Погреть?

— Даа (шепотом).

Мать поворачивает мой кокон на бок. Неудобно руке, но я молчу. Утюгом она гладит мою спину через одеяло. Тепло двигается по спине и ниже, снова вверх.

— Тепло?

— Даа…

Шепчу «даа» и не вижу, но чувствую, как мама улыбается тоже.

Тепло.

КОГДА

Когда, ни с того ни с сего, этой ночью вдруг обошлось без кошмаров, когда, наконец, проходит голова или отпустило спину, когда не часто просыпаешься посреди ночи. Когда ночью шумит дождь и не давит так тишина. Когда в этой своей одежде не видишь изъянов тела, а без одежды стараешься не слишком разглядывать себя, а если случайно посмотрел, то вроде пока терпимо, пока сойдет. Когда скоро должны приехать сын или мать, или друзья, или хоть кто-то. Когда неожиданно позвали в гости и велят быть обязательно и рады тебе, и ждут, и ругают, что куда-то пропал. И просят помочь уложить младшего или уговорить сыграть в шахматы среднего, поговорить со старшим. Когда друзьям вкусно то, что ты для них приготовил из еды, а после нее не устават слушать и слышать друг друга, и болтать перебивая. Когда всем весело даже без вина, ну или с вином, и не хочется уходить, хотя и надо. Когда просят остаться у них, не уходить, посидеть еще, сыграть, спеть ещё то, что ты сам хочешь.

Когда после дождя и ливня, ветер сдувает все, и открывается солнце, и все как вдруг заблестит: и деревья, и земля, и дома, появляются люди и счастливые птицы.

Когда весь продрог и садишься в кафе под красную лампу, и сверху горячий воздух, и вдруг, разомлев от этого тепла, в кармане зазуммерит телефон: «Ну как ты? Перезвонишь мне?»

Когда рядом сидит пара, и то, как они улыбаются друг другу, и сразу видно, как им хорошо сейчас вместе, и никого во всем мире кроме них, вокруг них, и никто и ничто им сейчас не нужно, и она целует его руку и прижимает ее к своему лицу и закрывает блаженно глаза.

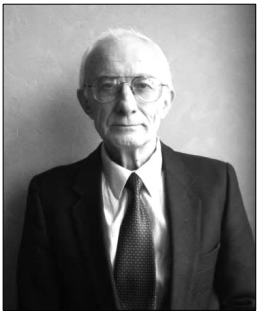
Когда собака курящей, нелепой дамы, увлеченной меню за соседним столиком, протягивает ко мне свой мокрый нос и виновато косится на хозяйку. А в чёрном небе над тобой и над всеми нами/ними точки самолетов и звёзд со сладким запахом каминов из бесчисленных парижских труб.

Когда голос матери в телефоне без пауз: «Уже лучше, иду на поправку, ты давно не звонил, спасибо, очень кстати, ужасно понравилось, спасибо, а помнишь, мы как раз вспоминали, ты был тогда прав-не прав, не пропадай, не грусти, и мы тоже любим, звони...»

В эти *к о г д а* окунаешься, как в свет, в негромкую радость, в редкость, в надежду.

Владимир ГУДАКОВ

Родился в Краснодаре. Окончил факультет иностранных языков в Краснодарском педагогическом институте, факультет истории и социологии Кубанского государственного университета. Во Франции с 1989 года. Литератор, культуролог, доктор социологических и исторических наук.



ВОСПОМИНАНИЯ АНТРЕПРЕНЁРА ПОД ДИВАНОМ

Грехи наши тяжкие… Ох…
Мой Антоша Чехонте

Однажды поэт, писатель, драматург, артист и режиссёр Жан Кокто сказал: «В Париже все хотят быть актёрами, никто не хочет быть зрителем». Недавно я убедился в точности этого наблюдения.

Весной 2018-го года «Русский портал во Франции» опубликовал следующее сообщение: «13 марта в Париже состоялась премьера спектакля «Дорожные записки Антоши Чехонте», которая имела огромный успех. Концертный зал Русского Духовно-Культурного Центра был переполнен. Многие не смогли попасть на премьеру».

Я сыграл в этом спектакле две роли. Первая — «Антрепренёр под диваном» и вторая — член банка в «Юбилее». И играть их в этих юморесках было увлекательно, тем более что Антон Чехов всегда был одним из моих любимых писателей и драматургов. Каждый день работал над своими ролями, получая огромное удовольствие от общения с творчеством одного из самых блестящих умов человечества. Я снова вернулся к Чехову, а Чехов ко мне.

С детства одним из моих самых любимых писателей был Антоша Чехонте, который позже стал великим писателем Антоном Чеховым. Было прочитано в своё время его полное собрание сочинений и просмотрены почти все его пьесы. И даже прочитаны его записные книжки. В одной из них была запомнившаяся мне и время от времени всплывавшая в памяти строчка, ставшая изречением одного из героев: «В этом мире всё относительно, приблизительно и условно». Поэтому самым главным в теории относительности Альберта Эйнштейна является то, что она относительна, приблизительна и условна.

С годами открывается Чехов мыслитель и философ. Вот послушайте: «Жизнь, по сути, очень простая штука и человеку нужно приложить много усилий, чтобы её испортить». Или: «Где нас любят и где нам верят, там нам скучно, но счастливы мы там, где сами любим и где сами верим» (Запись в альбоме А. Ф. Онегина).

И вот ещё одно наблюдение и размышление чеховского гения: «Человек одарён разумом и творческою силой, чтобы преумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а разрушал. Лесов всё меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днём земля становится всё беднее и безобразнее…»

А теперь скажем о том, что антрепренер, прежде чем залезть под диван, был с юности театралом, и, будучи театралом, то играл на трубе, то пел в хоре и даже занимал-

ся вокалом. А оперным певцом не стал только потому, что увлёкся чем-то другим. Но театр всегда сопровождал его, о чём свидетельствуют некоторые его дневниковые записи и стихи:

— Актёр вживался в образ Каштанки. На улице, проходя мимо каждого столба, поднимал ногу, а дома лаял на жену и тёщу.

— Вся наша жизнь — театр и все мы в нём актёры.

— Театр — это фресковая живопись, то есть, роспись по сырой штукатурке. Как наложил линию, так и будет навсегда. Кино же — это масляная живопись с множеством предварительных этюдов.

— Жизнь — это сплошное представление: утром — цирк, днём — кино, а вечером — театр.

— Жизнь — трагикомедия, но мы это понимаем слишком поздно.

ЖИЗНЬ — ЭТО ИГРА

Игра по правилам, без правил…
Кто выдумал её для нас
И нас играть в неё заставил,
Распределив нам каждый час.

Смешной вопрос. Вся мудрость света
Никак не может дать ответ.
А потому — играй в поэта.
Ответ, быть может, даст поэт.
—
Жизнь — игра
И я играю тоже,
Потому что
Наша жизнь похожа
Лишь на то,
Что это всё игра…

—
Скажу я вам, друзья:
Всё в мире переменно,
Бессмертно вещество,
А форма вечно тленна.

Поэтому живите
И жизни доверяйте!
И роль свою, пока
На сцене вы, играйте!

Вернёмся к Антону Чехову. Ещё при жизни его пьесы начали завоёвывать всё большее внимание театральной публики, и сейчас, в начале XXI века, он является одним из самых популярных в мире драматургов. И понятно, почему. Чехов создал совершенно новое направление в искусстве представления драматических произведений на сцене. «Чехов перенёс центр тяжести в развитии конфликта на действенно выражаемый процесс осмысления событий драмы её героями» [Блок Вл. Система Станиславского и проблемы драматургии. Всероссийское театральное общество, Москва, 1963, с. 89]. Ключевое понятие чеховских пьес — это «процесс осмысления событий».

НАШ ДОРОГОЙ АНТОН

Когда Чехов впервые побывал в Париже, он написал о своём первом впечатлении в письме своему другу и книгоиздателю А. С. Суворину: «О Париже вспоминаю с большим удовольствием. Какой это чудесный город!»

Чехов полюбил Париж, и Париж полюбил Чехова.

Один из последних спектаклей (с 7 июня 2018 года) о Чехове и по Чехову в парижском Художественном Театре (Artistic Théatre) так и называется «Notre cher Anton». Это прекрасный моноспектакль почётного члена Комеди

Франсез (Comédie-Française) Катрин Салвия (Catherine Salviat). Вот извлечение из программы спектакля: «Наш дорогой Антон — это мозаичный портрет человека театра, который, производя впечатление, что он ни к чему не прикасается и даже иногда сильно скучает, оставил нам, благодаря свободе и остроте своего взгляда, очень точное свидетельство о своём времени и о мире…» (*Перевод мой — В.Г.*).

Ольга ДРОБЫШЕВСКАЯ

Поэт, прозаик, переводчик, журналист, филолог. Член Российского союза писателей. Удостоена медалей «Антон Чехов. 160 лет», «Святая Русь». Публиковалась в нескольких альманахах в Москве и в Париже. Пишет стихи с детства. Основной деятельностью было и остаётся преподавание английского и русского языков как в России, так и во Франции.

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Так уж случилось, что первое свидание с «железной дамой» Парижа произошло ранним декабрьским утром. Ещё в воздухе не витал запах свежеиспечённого багета, а волнующий аромат кофе и французской булочки «не звали» оставить всё на потом и заглянуть в кафе на какой-нибудь парижской улочке. Я спешила с одним желанием — взглянуть на «изящную француженку», пока парижане ещё досматривали свои предрассветные сны под соловьиное пение, город не грохотал, не пыхтел и не тонул в несметной толпе туристов. Ещё издали я увидела её. И она меня сразу же заинтриговала. Передо мной явилась таинственная незнакомка, чьи плечи были кокетливо

прикрыты полупрозрачной пелериной. Я долго стояла, не сводя взора с этого прекрасного создания. Её силуэт притягивал, приглашая спуститься по ступенькам к подножию. Я не спеша стала спускаться вниз, стараясь ничего не упустить из виду. Как вдруг рядом со мной с веточки взметнул ввысь пушистый воробышек. В его полёте чувствовалась безмятежность и свобода. А передо мной возник образ Великой Эдит Пиаф, и с губ непроизвольно слетело «...падам, падам, падам...». Я пела всё громче и громче, перепрыгивая через ступеньки. Чем ближе я приближалась к «парижской красавице», тем больше пелерина сползала с её плеч и в какой-то момент, как по волшебству, совсем рассыпалась и растаяла в волнах Сены. Утренний молочный туман дымился над полусонной рекой, бился о холодный гранит набережной и затягивал реку густой пеленой всё больше и больше. А тем временем в стройный силуэт «дамы» вплетались первые робкие лучики солнца, и это делало её ещё более величественней и по-французски изящной. Потом было много встреч с «железной дамой Парижа», но та первая запомнилась навсегда.

БУЖИВАЛЬ
(отрывок)

Спелая огненно-рыжая луна грузно опустилась на ветку огромного платана. И одарила своим пронзительным взглядом вечерний Буживаль. В ярких, мигающих огнях уличных фонарей легкомысленная луна качалась на ветке, потом медленно перекатилась на другую, а через полчаса скрылась совсем за крышей старого дома. А внизу тем временем мчался оглушительный, беспрерывный поток машин из Парижа. Этот светящийся рой с гулом, повизгиванием спешил в необозримую даль. Стены старых

домов удивлённо глазели на всю эту грохочущую суматоху. Вздыхая, поскрипывая, они вспоминали те времена, когда на этом месте можно было слышать сладкоголосое пение соловьёв, мягкий шелест листвы, лёгкие вздохи Сены... Гудок баржи точно в 7.30 разбудил меня и всю округу. А когда я подошла к окну, просторные волны прибивались к берегу. Баржа, кряхтя, ползла и, наконец, исчезла за поворотом проснувшейся Сены. Я любила смотреть в окна моей небольшой квартиры. Стена делала полукруг, и мне открывался чудесный вид на Сену, парк по ту сторону реки. У окон росли густые величавые туи, вековой тис, увешанный красными плодами. На их игольчатых ветвях плясали чёрно-белые суетливые сороки. Каждый день птицы прилетали полакомиться вкусной яркой мякотью тисовых ягод. Словно стрекозы, они перелетали с дерева на дерево и, откушав сочных плодов, уносились к набережной Сены. Буживаль (*фр*. Bougival) — западный пригород Парижа.

НАШ ТОПОЛЬ

(Из детских дневников)

Он стоял на отшибе, за оградой школьного двора и хорошо был виден из моей детской спальни. Его исполинское «тело» казалось могучим и бесконечно большим по сравнению с молоденькими, худенькими акациями. Неподвижные тополиные «лапы» были невероятной толщины, а его ствол был невиданных размеров и, чтобы обхватить его потребовалась, по меньшей мере, девчоночья скакалка. Даже при неистовом ветре он оставался невозмутимо-уравновешенным. Казалось, ничто и никогда не сможет «сдвинуть» с места этого тополя-богатыря. По весне он был особенно в центре внимания и пользовался большим успехом у чёрных, как смоль, ворон. Казалось, птицы слетались со всего мира, чтобы поглазеть вокруг и поболтать,

облюбовав крепкие ветви местного геркулеса. В сизо-голубой дымке вешнее, чуть мёрзлое утро начиналось с гортанных напевов птичьей орды. Их упоительные серенады прогоняли напрочь сон — с этого начиналось моё каждодневное весеннее утро. Это становилось каким-то символичным, привычным ритуалом (вместо утренней зорьки). Этот рассветный, весёлый гам до сих пор стоит в ушах и с каждым годом становится всё более мелодичней и родней. Летом наш «здоровяк» спасал нас, детей, которым не хотелось бежать домой от неминуемой жары. Мы стояли, опираясь на его могучее «тело», прячась в его гигантской кроне и тени от нещадных лучей. Как будто кто-то предвидел, что стайка детей станет завсегдатаями этого места, поставив рядом колонку с водой, превращая пространство в зону отдыха. Мы словно возвращались к жизни, испив холодной воды и, насладившись прохладой в тени тополя, чтобы вновь допоздна радоваться летнему желанному приволью. Но однажды его не стало. Грузное *«тело»* тополя лежало поперёк улицы, загромождая всё пространство вокруг, и перекрывало движение на несколько часов. Наш «гулливер» был повержен. Его бездыханное, беспомощное «тело» оставалось лежать несколько часов кряду. Зияющую пустоту — вот что я теперь видела из окна моей детской...

ХРУПКИЙ ЦВЕТОК НАДЕЖДЫ

Ландыш. Скромно-склонённый, бодр и задумчив, он незаслуженно спрятан огромными мясистыми листьями и необузданными травами. Как бы ни пытались они спрятать его, он, так или иначе, тянется в бездонную синеву и к щедрому солнцу. Он не внушает робость и несмелость, а его белизна дышит пёстрыми запахами леса: угловатых рощ, вековых дубрав, дооблачных сосновых боров, пер-

вой, липкой зеленью и первой недолгой грозой. Белые жемчужные колокольчики ландыша звонят о безоглядной радости, неподдельном счастье, отчаянной безмятежности, неистовой надежде во всё благое.

Во Франции со времён Карла IX этому несмелому, изящному цветку по праву отведено достойное место. Каждый год 1 Мая французы и француженки с любовью и радостью дарят друг другу букетики этого нежного цветка — символа чистой любви, нежности и счастья.

Ландыш, этот хрупкий цветок — предвестник Весны новой жизни всего живого.

Ландыш белоснежный, тоненький, живой.
Колокол мятежный — колокольчик твой.
С мёдом утра бодро свежестью зовёшь.
Росною зарёю всем весну несёшь.

Как благоухаешь в звонком гаме птиц,
Как прельщаешь взор мой сдержанных ресниц!
Почитаю нежность ландыша весны.
Так цвети с надеждой, бедам вопреки!

Пусть гремят раскаты, в небесах темно...
Ты цвети, мой ландыш, горестям назло.

ОБЛАСКАННАЯ ПОЛУДЕННЫМИ ЛУЧАМИ...

«Осень — последняя, самая восхитительная улыбка года».

Роскошна ранняя осень! Как я люблю её хрустящие шаги пёстротканных листьев, гонимых ещё тёплым, мягким, но уже мудрым ветром.

Как прекрасны сполохи бушующих злато-рубиновых крон! Их ноктюрн восхищает. Радует глаз смелые мазки на полотне юной осени.

Безмятежно-нежное, лазурное небо неспешно проплывает над пылающим костром осени. Ближе к полудню тайны синевы нарушают распустившиеся крыла белоснежных, накрахмаленных облаков.

Доброе солнце разбрасывает золотисто-озорные лучи. Обласканная полуденными лучами, осень необыкновенно приветлива и красива.

В сумрачную пору запахи становятся ярче и богаче: пахнет пожелтевшей хвоей, костром палых листьев, с лёгким налётом доносятся запахи перебродившего вина и пряных слив... То тут, то там затаились невесомые кружева паутины меж склонившихся, пожухлых трав.

А в полупрозрачном воздухе витают надежды на скорую встречу с младой поющей весной.

Редеет лес с травой поникшей,
Бледнеет разноцветие в лугах.
А небо в сизокрасных крыльях
Лежит у леса на плечах.

Совсем беззвучно облаков дыханье
На склоне осеннего дня.
Слушаю молча листьев дрожанье...
Как безмятежна их желтизна!

ОСЕНЬ В БУЛОНСКОМ ЛЕСУ

В булонских аллеях падает лист —
Звонкой поры знакомый каприз.
В потоках прохлады прозрачной воды
Рассыпалось небо узором весны.

Каскад ниспадает и гладью стоит,
Листва же на дне позолотой блестит.
Как тихо в лесу! Лужайки пусты.
Уж скоро коснётся всех свежесть зимы.

Не падай, снег! Не надо
Как будоражит счастья хруст!
И сердце холодом объято.
Я в завтра заглянуть боюсь,
Не падай, снег! Не надо.

Метели, вихри дум моих
Взывают к разуму жестоко.
Былых нам дней уж не вернуть,
И больно от того и скорбно.

Но ещё теплится в душе
Надежда в счастье вековое.
Приди ко мне. Зажги во мне
Луч веры в что-то неземное.

НЕЗНАКОМКА ИЗ ОНФЛЁРА

Майским днём, прогуливаясь не спеша по Онфлёру, бродя по узеньким, уютным улочкам, где царят тепло и радость, в витрине небольшой галереи я увидела незнакомку, удобно разместившуюся в мягком цвета тёмного шоколада кресле. Её волосы, аккуратно уложенные в пучок, открывали её молодое, загорелое, крайне задумчивое лицо.

О чём может грустить милая, юная девушка? Может о Нём, которого так долго ждёт, в чью встречу так горячо верит? И тут передо мной возникает её стройный силуэт. Её тихую фигурку нельзя спутать ни с какой другой. Её ниспадающие волосы развиваются на свежем ветру. Да, конечно, это она — моя незнакомка. Я часто её вижу одну на Plage du Butin ранним утром.

Каждый день Стефани приходит к полусонному морю в рассветный час и слушает его.

— Здравствуй, море! Сегодня ты похоже на послушное дитя. Как я люблю, когда ты такое! И её взор устремляется в безмолвную даль, каждый раз упираясь в упрямый горизонт.

— Где он? — спрашивает она у моря. Но в ответ бесшумные волны прячут её следы в мокром рыжем песке.

Стефани переводит взор на яркую синь неба.

— Где он? — спрашивает она у бездонного неба, бросая почти безнадёжный взгляд. И только расшумевшиеся чайки возвращают её в реальность.

— Здравствуйте, мои белые птицы! Вы так высоко парите, нигде не видели Его? — спрашивает Стефани с мольбой в потускневших глазах, обращённых в небо. А белокрылые птицы кричат на все лады, то взмывая в лазоревую синеву, то кружа над её головой.

А вот и солнце! Слегка растерянное, робкое, оно нежно обнимает её.

— Здравствуй, моё Высочество! Как я рада тебе! Прошу тебя, не играй со мной в прятки, как ты это сделало вчера. Когда ты со мной, я верю, что вот-вот Он появится в моей жизни и не исчезнет никогда. И задористые лучи окутали всё её тело.

Неожиданно приветливый ветерок коснулся её просветлённого лица. Он осторожно перебирал пряди пшеничных волос, ласкал солёную кожу лица. Но вскоре пропал так быстро, что Стефани и не заметила.

С каждой минутой сатиновый берег всё проворней утопал в густых лучах щедрого солнца.

Новоиспечённый по-вешнему чудесный день настал.

Стефани прибавила шаг и скоро растворилась в толпе никуда не спешащих туристов и доброжелательных жителей маленького Онфлёра.

Галина ДРЮОН

Родилась в Бурятии. Училась в Москве. С 1997 года живёт в Париже. Президент Европейской ассоциации ГРАЛТАН. С 2002 года проводит ежегодные фестивали «Все краски России», привозит во Францию этнические коллективы. Член Ассамблеи народов Евразии. Директор международного фестиваля «Краски Евразии».

ПОДАРОК БОГОВ

Он дотронулся до моего плеча. Да-да, подошел и тихонько так пальчиками — по плечу. Получилось совсем, как в том кино: «Не виноватая я, он сам ко мне пришел!» Сам пришёл, сам постучался. Было это двадцать лет назад.

Концерт только что закончился, меня плотно окружили зрители, мы оживленно обсуждали концерт. Артисты приехали в Париж из далекого далека, аж из самой Сибири! Я пригласила их на фестиваль бурятской культуры, который начала проводить во Франции. А как родился фестиваль, расскажу: ларчик открывается просто.

— Кто вы? — этот вопрос мне задавали с первого дня моего приезда во Францию. Я послушно ответствовала: «Бурятка». У французов недоуменно-непонимающе вытягивались лица, всегда переспрашивали: «Кто-кто?» Стано-

вилось ясно, что не знают ничего: ни кто такие буряты, ни где они обитают. Всякий раз начинала я с жаром объяснять-рассказывать, что есть под солнцем такое прекрасное место — Сибирь, которую называют второй Швейцарией, это очень далеко, почти на другой стороне планеты, это моя родина, Байкал, святое озеро, да что говорить — оно священное! Что вокруг Байкала живут буряты, а, кроме них, и другие российские народы — нас там больше ста самых разных национальностей!

Справедливости ради нужно сказать, что я все это разъясняла с превеликим удовольствием, и однажды моя дочка Таня — она в то время была студенткой Сорбонны — сказала: «Мам, почему бы тебе ни организовать фестиваль? Ведь у тебя получится! — и добавила шутливо: — Наша задача — использовать в благородных целях бьющую из тебя энергию!»

Я буквально вытаращила на неё глаза, потому что она тонко почувствовала меня: мне действительно уже хотелось не только рассказывать, но и реально показывать французам красивое самобытное искусство нашего народа, знакомить с бурятскими артистами. А иначе каким образом французы смогут узнать о нас? Кто расскажет им о бурятах, если не мы сами?

И пригласили мы своих давних друзей — хореографа Дандара Бадлуева и его театр танца «Байкал», в котором когда-то танцевала моя дочка. Это были наши самые первые артисты из Бурятии. После первого же их приезда у нас появились поклонники среди французов, они начали осаждать нас настойчивыми просьбами: «Можно ли ещё раз? Хотим ещё раз увидеть ваших артистов! Как они экзотичны, красивы, оригинальны!» И мы поняли: надо продолжать и стали ежегодно приглашать наших артистов. Так начался фестиваль бурятской культуры в Париже.

Кто-то дотронулся до моего плеча. Я быстро оглянулась. Передо мной стоял мужчина. Он был высок, строен, голубоглаз. Светлые волосы спадали волною до самых плеч. Боже мой...

— C'est moi, — он поднял левую руку вверх. Получилось немного театрально, он тут же смущенно усмехнулся, застеснялся. Высокий, мне пришлось даже чуть-чуть запрокинуть голову. Черные брюки и черная кожаная куртка, облегающая фигуру, делали его зрительно еще выше.

— Вы из Сибири? — спросил он.

— Да! Из Сибири, с Байкала, Бурятии, — с жаром ответила я, разгорячённая после концерта.

— Мне понравился концерт... просто в восхищении. Я историк, интересуюсь народами мира.

Он пристально смотрел на меня. Это правда, смотрел на меня во все глаза, задавал вопрос за вопросом, а слушал с таким неподдельным интересом, что меня понесло. Мне ведь только волю дай. И я разошлась вовсю: Сибирь... Байкал... озеро священное, силу всем дает... шаманы, музыка, буряты... фестиваль...

Мы проговорили довольно долго. В конце беседы мой словоохотливый собеседник попросил телефон, и я записала свой номер на бумажке, которую вырвала из своего маленького блокнотика. Нет, я ничему не придала значения, но, вернувшись домой, на автоответчике услышала уже знакомый голос: «C'est moi!». Вздрогнула, задержала взгляд на телефонном аппарате, и... не поняла, что произошло, будто стрелой меня пронзило. «Твой чудный образ мне являлся, незримый ты мне был уж мил...».

Непонятное предчувствие (радости? счастья? чего ещё?) заполнило меня всю, так и полетела бы!

Сердце забилось, застучало. Я села в кресло. Закрыла глаза и слушала его голос. Сидела и слушала.

Вдруг вспомнилось, как сердце мое впервые взволновалось... Когда же это было? Ах, да, в седьмом классе. В седьмом классе у нас полагалось влюбляться. И девчонки будто соревнование устроили: всех мальчишек в классе вмиг расхватали в «женихи». Всех поделили между собой.

Мальчиков у нас было в два раза меньше, посему были расхватаны быстро, я даже не успела вписаться в процесс. В то же время не слишком-то и жалела об упущенных вариантах, так как из наших далеко не каждый мог вызвать пусть мало-мальски сердечное чувство. Но чёрт-те что наступило. У всех секреты появились!

Девчонки ходили с загадочными лицами, шептались друг с другом, на переменках тайно следили за своими избранниками, впрочем, некоторые уже вступали в более сложные отношения, то есть ходили, осторожно взявшись за руки. Я поняла: надо торопиться. Высмотрела себе комсорга школы, из десятого класса, «лидера». На три года старше. Слово «жених» не произносила, звучало оно для меня чуть ли не уничижительно.

Комсорг школы был совсем не красавчик, ему далеко было до моего киношного кумира Олега Видова, но он был — лидер, да. Он командовал всеми школьными парадами, и мы, только что вступившие в комсомол семиклашки, его побаивались. Вот в него решила влюбиться, а в кого ещё? Больше не в кого. Ну, ладно, влюбилась. Влюбилась, а что дальше делать... дальше-то что? Письма любовные писать? Нет, эта идея сразу была отброшена, как бессмысленная и даже опасная, вдруг узнают?

На переменках подгребала к их классу и наблюдала за ним с обязательным придыханием, незаметно поглядывая на свою грудь: вздымается ли. Так было положено. Он, конечно, меня не замечал, да и на что ему маленькая толстая семиклашка, когда у них в классе вон какие девушки, одна красивее другой. Я «страдала», так было положено.

Прошел примерно месяц. И вдруг он пришёл в гости, к старшему моему брату, на три года старше. Никогда не приходил. Впрочем, может быть, приходил, да я не замечала, он же тогда ещё не был мой «жених». А тут пришёл. Я вернулась из школы, вбежала в комнату забросить портфель, а там он сидит в кресле — мой возлюбленный. Я оторопела, замерла на месте. Сердце бешено заколотилось. Смотрела на него расширенными глазами, а сердце так бешено и громко стучало, что, казалось, слышно всем: бам-бам-бам... Внезапно, сама того не ожидая, я зажмурилась и пронзительно завопила: «Ааа! Хватайте вещи! Спасайся, кто может!». Парни дико вскрикнули и в ужасе повскакали с мест.

— Что, что, что случилось? — вопрошали они с перепуганными насмерть лицами.

Когда через некоторое время выяснилось: ну, пошутила, пошутила, а что такого-то? — мой «жених» посмотрел на меня испепеляющим взглядом и сказал яростно: «Дура набитая!».

Он резко развернулся и пошёл, а я, глядя в его сердитую спину, заплакала. Плакала и клялась себе, что больше никогда никого не полюблю... сердце разбито навеки!

Зазвонил телефон и отвлек от некстати нахлынувших воспоминаний.

— Как вас зовут? — спросила я, спохватившись, что в суматохе даже не узнала его имени.

— Бернар.

Он сразу рассмешил меня, начав рассказывать историю бурят. Да-да, начал рассказывать историю моего родного народа, кому? Мне! А сам при этом признался, что в Сибири никогда не был, коренного народа никогда не видел.

Я засмеялась: «Так что ж, выходит, я первая бурятка, которую вы живьём увидели?».

— Да, — подтвердил Бернар. — Вы первая бурятка в моей жизни, но историю вашего народа знаю с эпохи ацтеков. Ведь древние сибиряки — предки индейцев и ацтеков. А вы что, никогда не видели их фотографий? Это же одно лицо! Их родство генетически доказано.

Настала моя очередь внимательно слушать ученые изыскания.

— Они жили в Сибири, а потом перешли Берингово море, когда еще была суша на этом месте, и заселили север Америки, краснокожие.

— Да ну?

— Не веришь, а ведь есть портретные изображения мужчин с длинными косами и бородами, похожих на индейцев.

Позже он привез мне книгу «Ацтеки», в которой я увидела тех самых мужчин с длинными косами, имеющих сходство с моими сородичами.

А еще убедилась, что Бернар просто кладезь занимательных историй и может рассказать о любом народе столько интересного, чего никто не знает. Он, в свою очередь, сильно удивился, насколько близко я знакома с французской литературой. Не ожидал. Без хвастовства скажу, что действительно очень неплохо знаю французскую классическую литературу и по очень простой причине — у нас на филфаке был специальный предмет, назывался он «Зарубежная литература», и мы, студенты-филологи, обязаны были всех французских, и не только французских, авторов читать и знать, поэтому свободно варьировала именами: Гюго, Сент-Экзюпери, Ромен Роллан, Рабле (Гаргантюа, Пантагрюэль), Монтескье, Мопассан, Дюма, Оноре де Бальзак, Вербер, Стендаль, да-да, читано. И «Немного солнца в холодной воде», и «Письмами к незнакомке» зачитывались. Франсуаза Саган и Андрэ Моруа, Эрве Базен, Уэльбек.

— Потрясающе, — говорил Бернар, — хотел бы я так же знать вашу русскую литературу!..

Я хитрила, но не буду же ему признаваться, что нас силком, чуть не под страхом исключения из института, заставляли читать! Так и не призналась — ещё чего!

Это была хорошая тема, которая объединила нас, тем более, что Бернар к литературе имел самое прямое родственное отношение, ибо состоял племянником писателя Мориса Дрюона, автора серии «Проклятые короли» и «Сильные мира сего». Да и вся семья тесно связана с литературой, если вспомнить, что известный писатель Жозеф Кессель, автор знаменитого «Гимна партизан», также приходился Бернару родным дядей.

— Французская литература всегда занимала одну из важных позиций в европейской культуре. Служила вдохновением для авторов всего мира. Была своего рода эталоном. Согласитесь, самые пронзительные истории создали именно французские писатели. Один Стендаль чего стоит!..

— А мне нравится Марк Леви, он так тонко чувствует женскую душу, такие истории любви...

— Ну, можно и без Леви пережить такой шквал чувств, какие писателям и не снились. Жизнь сама сочиняет истории...

Наши ежевечерние телефонные разговоры о литературе, музыке, актерах, спектаклях и многом другом продолжались подолгу. Мы говорили, потом спохватывались, что уже очень поздно, начинали прощаться: до завтра, a demain! И снова он что-то спрашивал, и разговор продолжался, никак не расстаться было. Слова, мысли, музыка нежными волнами вплывали и плотно наполняли собой квартиру. Хорошо помню то необыкновенное ощущение абсолютной легкости, словно я сама уже становилась облаком.

В тот вечер вспоминали французских шансонье, и Бернар неожиданно запел. Низким голосом запел песню Жака Бреля: «O, mon amour, mon doux, mon tendre, mon merveilleux amour...» — почти шепотом он пел эту нежную печальную песню.

О, боги, какое волшебное совпадение! именно эту песню я знала! Тихо стала подпевать ему, и так вдвоём в унисон пели мы по телефону эту прекрасную песню о великой вечной любви...

Я рассказала ему, почему знаю именно эту песню! Совершенно необыкновенная история, в которую трудно поверить. Я и сама ни за что не поверила бы, если бы она не произошла на моих глазах в моем родном городе.

Среди множества байкальских преданий бытует легенда о том, что Байкал дарит святую любовь. И эта история осталась в нашем городе легендой о любви, светлой и нежной, словно самому Богу угодно было, чтобы два юных человека, две песчинки во Вселенной, поднялись с разных концов земного шара, полетели навстречу друг другу и столкнулись здесь, над священным Байкалом.

Я в то время работала на Бурятском телевидении. Однажды шла через городскую площадь и увидела молодого человека, одиноко сидящего под тентом в открытом кафе. Накрапывал мелкий дождик, но он не замечал этого. Сидел, вальяжно откинувшись на стуле и покачивая ногой в открытой босоножке, все пальцы наружу.

Может быть, он и не привлек бы моего внимания, но он громко говорил по телефону... по-французски!

— Француз? — промелькнуло у меня, — откуда? В нашей сибирской глубинке?

Перед ним на столике были разложены бумаги, толстая пачка белых листов. Прохожие с удивлением поглядывали на этого странного человека: не принято в нашем маленьком городе работать в кафе за столиком.

— Слушайте, — сказала я, зайдя в отдел телестудии, — только что на площади видела француза. Откуда он взялся?

— А ты что, не знаешь? — сообщила равнодушным голосом коллега. — Приехали французские актеры, целый театр, не помню, из какого там города... спектакль будут ставить.

— Спектакль? Французские актеры? — О, такое я не могла пропустить! Тем более что работала в отделе художественных программ и курировала именно культурные проекты. Я немедленно отправилась в театр. Оказалось, всё правда.

Приехала из Франции молодежная театральная труппа во главе с режиссером, который задумал интерспектакль на двух языках: русском и французском. Проект был уникален, такого в России ещё не было.

Но идея соединить две разноязыкие труппы с разных концов планеты в один художественный организм совсем не случайно пришла в голову Сирилю — так звали увиденного мною на площади молодого парня, он-то и оказался режиссером.

Эта история началась, когда самого Сириля еще не было на свете. Его мама, французская актриса, ждала своего первого ребенка, девочку. Однажды она увидела фильм, где героиней оказалась русская царица Екатерина Великая. Романтичная француженка впечатлилась так сильно, что когда дочка родилась, назвала ее царским именем. Катрин, Екатерина, Катя. Сколько девочка себя помнит, она всегда играла в театр, что совсем немудрено в семье, где мама актриса, а папа режиссёр.

И как вы думаете, кем стала Катя, когда выросла? Правильно! Актрисой, кем же ещё она могла стать?

Есть во французском Тулоне древняя, одиннадцатого века, башня, которая возвышается над всем городом, а перед ней прямо под открытым небом, ещё в те стародавние времена была построена сцена. Здесь и выросла Катя — с раннего детства вместе с младшим братом Сирилем играли они именно на этой сцене, где их отец ставил спектакли, на которые сбирался весь город.

Как случилось, что она, вполне благополучная французская актриса, вдруг решила поехать в Россию, понятно — ведь интерес к России подогревался уже самим именем, при рождении ей данным. Но почему она выбрала далекий театр в сибирской глубинке за Байкалом, тайна сия велика есть.

Уже после всего Катя рассказывала мне, что накануне отъезда приснился ей сон: будто приносят ей на день рождения в подарок большую коробку, она начинает развязывать ленты... долго-долго развязывает, и вот наконец последняя ленточка... коробка открывается, оттуда вываливается «подарок»: большой синеглазый парень!

Ну, сон есть сон, подумаешь, приснился, она о нём забыла и не вспоминала вовсе, пока однажды в баре улан-удинского театра не увидела огромные синие глаза. Сон вещий?

А бездомного Витьку знали все в нашей округе. Сирота, ни отца ни матери, добрый безвредный городской бродяжка, ходил себе босиком по улице и зимой и летом. Был он худой, да что там, тощий-тощий, а его большие глаза как будто вобрали в себя весь синий Байкал. Его жалели, подкармливали, кто как мог.

Облюбовал он под свое жилище театральный подвал, однажды ночью забрался туда, да так и прижился. Витька поднимался наверх из своего убогого жилища, незаметно проникал в театр, пробирался за сцену, стараясь, чтобы

его никто не приметил, и просиживал в уголочке, смотря все спектакли подряд, с интересом наблюдал репетиции с актерами. Так стал завсегдатаем молодежного театра.

Ему все там нравилось: закулисные запахи, сумбурная бесшабашная жизнь артистов. Витька случайно познакомился с одним из молодых актеров и, благодаря новому другу, иногда присутствовал на их посиделках, когда после спектакля расстилались на столе газеты и начинались веселые актерские пирушки. Витька бесконечно радовался, что его не гонят, значит, считают в некотором роде соучастником, значит, пусть подсознательно, видят в нём сотоварища. Тайно мечтал он стать актером. Несбыточная мечта.

И вдруг в театр приехала молодая актриса аж из самой Франции. Смотрел на неё наш Витя с восторгом, как на волшебную фею из сказки.

А Катя, фея из сказки, возьми да и влюбись в его синие глаза!

Вот когда она свой сон удивительный вспомнила про «подарок» в коробке.

Вещий сон-то, вещий!

А влюбилась француженка по-нашему, по-русски, безоглядно, бесповоротно...

И был Катин день рождения, и все веселились, как безумные. И Витька сидел, как всегда, в уголочке в театральном баре, с молчаливым восхищением следя за каждым движением её, не смея мечтать ни о чём.

Фея из сказки сама подошла к нему.

А назавтра Катя и Витя стали жить вместе. Прямо здесь, в театре, в малюсенькой комнатке без окон.

Счастливые часов не наблюдают, но время летит быстро. Через два месяца закончилась Катина стажировка в театре, пришла пора уезжать домой. Нет, Катя и Витя не

могли расстаться. Она осталась в России, прожила в Улан-Удэ еще один месяц, а когда и этот месяц закончился, родители дружно запротестовали, потребовали, чтобы блудная дочь вернулась домой. Тогда на свой страх и риск Катя решила взять «синеглазый подарок» с собой. Но у Вити не было загранпаспорта.

— Ну, нет так нет, что ж теперь, не жить? — и влюбленная французская девчонка увезла Витю без документов и, преодолев все преграды, все препоны, спрятав его в багажнике, тайно провезла через таможню и четыре границы!

А в городе разнеслась весть: Витьку, городского бродяжку нашего неприкаянного, босоногого Витьку увезли во Францию.

Город был взбудоражен — тогда, тридцать лет назад, уехать за границу было все равно, что в космос полететь.

Я остановилась передохнуть.

— Занятно... как в сказке, — сказал Бернар, — а чем все кончилось?

— А чем сказки заканчиваются?

— Не знаю.

— Свадьбой, конечно. Все русские сказки заканчиваются свадьбой.

— Не может быть! — воскликнул Бернар.

— А вот и может. Они поженились во Франции. Витя начал учиться и выучился актёрскому мастерству, причем выучил французский язык в совершенстве так, что его мечта, казавшаяся совсем несбыточной, исполнилась — он стал актером, работает во французском театре вместе с Катей. И Сириль подрос, как видишь, профессиональным режиссером стал.

— Ну... а дальше, что было дальше? — нетерпеливо спросил мой друг.

— Прошло семь лет. Они вернулись через долгих семь лет. Снова город был взбудоражен: «Карлсон вернулся»! Приходили толпой посмотреть на Витьку, теперь уже французского актера. Ведь никто с самого начала не верил в эту сказку. И не чаяли снова когда-нибудь увидеть нашего Витьку. Неслыханно, утверждали. Будто он навсегда в космос улетел.

А он прилетел обратно, да еще привёз с собой целую актерскую команду. Приехали и поставили спектакль «Это возможно» о том, что это действительно возможно — чтобы люди с разных концов планеты открывали друг другу сердца, говорили на разных языках, понимали друг друга, влюблялись и были счастливы.

Я делала репортажи для телевидения, ежедневно снимала их репетиции и провела рядом с ними все три месяца. Какое волшебное время мы прожили! Время летело... и пролетело, словно одно счастливое мгновение, когда ощущение всеобщего дружелюбия, добра, любви, блаженства поднимает ввысь так, что хочется плакать и петь.

И эта песня: «O, mon amour, mon doux, mon tendre, mon merveilleux amour...», она звучала всё время.

— А... вот откуда ты знаешь эту песню!

— Да, музыка любви была разлита вокруг... Какое счастливое время было прожито. Представь себе, все молодые, красивые, все актеры... влюблялись, понимали друг друга или, наоборот, не понимали... сходились, расходились, рыдали... разбитых сердец там осталось немало... Но любовь рождалась на моих глазах. Ведь там создалось четыре пары влюбленных!

— О, вот как!

— Да, и они все живут здесь. Вернулись во Францию вместе. Например, можно поехать в Тулон к Кате и Вите, или в Шатоваллон к Жанне и Ивану. О, это такие истории, если рассказать...

— Расскажи...

И я рассказывала. Шли дни и месяцы, дружба моя с Бернаром прорастала...

Однажды утром я решила спуститься за багеткой к завтраку, открыла входную дверь, и... о, боги! на двери с той стороны скотчем была прикреплена бордовая роза. Я так и села прямо на ступеньки.

Чувства... они не умещались, они выплывали за двери, за окна, я уплывала вместе с ними куда-то. Он приезжал рано утром, когда я ещё спала, и крепил на дверь цветок!

Это было как волшебство — и оно стало традицией. Теперь каждое утро, когда я открывала дверь, меня встречали цветочки, прикрепленные скотчем на дверь.

Рано или поздно в жизни встречаешь человека, с которым тебе становится хорошо. Просто тепло. И тогда не важно: какой у него цвет глаз, какой разрез глаз... Важно другое: какое место ты занимаешь в жизни этого человека.

Каждый является нам с определенной самим Богом целью — так думаю я. Бог посылает нам человека, и потом мы отдаём ему место в нашем сердце. Или выбрасываем из сердца. Ничего не бывает просто так в нашем бренном мире.

Душа моя пела, хотелось жить, дышать, мой французский друг с каждым днём занимал все больше и больше места в моей жизни. Он сказал: «Я не могу купить тебе весь Париж. Но что-то — да!».

Нет, я не изображала из себя барышню, выросшую с брильянтовыми подвесками в ушах, мои притязания не были разрушающими. Например, он купил мне куртку. Я приехала из России в красивом длинном пальто и носила его, успешно подметая полами парижские улицы. А в Париже все ходят в коротких курточках. И он купил мне куртку. Я очень сопротивлялась. Мои ощущения, прямо скажу, не были радостными, совсем наоборот.

Зато какие путешествия он мне устраивал! Мы садились в машину и ехали. Никогда в жизни не бывало у меня столь познавательных поездок! Находясь где-нибудь в центре Франции, как бы между прочим Бернар говорил: «А вот теперь мы проезжаем мимо замка Людовика такого-то, он его построил в двенадцатом веке и подарил своей кузине такой-то...». Он знал истории всех замков Франции! Он помнил имена всех королей, их кузенов и кузин!

Я восхищалась и признавалась себе в душе, что это лучший гид в моей жизни, какого только можно вообразить.

Однажды Бернар пригласил меня поужинать в ресторане. Я, разумеется, прихорошилась и полетела, как на крыльях. Он встретил меня у входа, выглядел торжественно в черном кожаном пиджаке. Мы прошли внутрь, сели за столик, о чем-то говорили.

Потом Бернар опустил руку в карман и вытащил оттуда кольцо старинного образца (позже сказал, что это кольцо его бабушки), и вдруг... он опустился на одно колено... о, боги! Что угодно могла я предположить, но вот такого уж точно не было в моей жизни!

Никогда в жизни ни один мужчина, ни бурят, ни русский, да и никто другой, не становился предо мною на колени! А вот французы, оказывается, как были, так и остались романтичными.

И так, стоя передо мной на коленях, великий романтик Бернар попросил моей руки и сердца. Сказать, что я испытала шок, ничего не сказать, да я просто потеряла дар речи!

А когда дар речи вернулся ко мне, я, конечно, приняла его предложение — сердце моё уже давно ему принадлежало.

«Всё начинается с любви... Твердят: Вначале было Слово, но я провозглашаю: всё начинается с любви...» — в эти строки Роберта Рождественского, поэта моей юности, я бесконечно верю.

Все начинается с любви. С любви и благодарности. Благодарности за жизнь и за всё, что дарит она нам, наша жизнь. Помню, когда мы были совсем еще молодыми, беспечными, меня удивила однажды моя подружка.

— Нужно быть благодарным, — серьезно сказала она.

— Это кому и за что? — со всей юношеской самонадеянностью спросила я. Тогда казалось, все сами сделаем, никто нам не помеха.

— Богу, — ответила моя подруга.

Я засмеялась, будучи оголтелой атеисткой. Честно, удивилась её словам. Но на мой смех подруга серьезно возразила, что всегда что-нибудь есть в твоей жизни, за что можно благодарить. Я смеялась. И тогда моя подруга сказала: «Сегодня мы с тобой живы и здоровы. Вот за это благодари».

Помню, что только с годами я начала понимать, как сильно это влияет на мою жизнь. Когда у меня наступили трудные времена, — а я перенесла сложнейшую операцию на сердце, то есть в буквальном смысле стояла перед лицом смерти — днём и ночью истово благодарила Бога за то, что он оставил меня жить! Права была подружка. Какие мы есть сейчас, такими сделали нас переживания, трудности, что были с нами в прошлом. И часто повторяю слова моей давней подруги: «Сегодня мы живы и здоровы, благодари». Жизнь — это дар бесценный. И я благодарна за всё, за каждый свой день. Вот уже двадцать лет мы с Бернаром вместе. У нас на двоих трое детей — все три девочки, и они подарили нам девять внуков! Десятого ждём.

Да, чуть не забыла рассказать. В мой день рождения с утра Бернар вышел в гараж и примерно через час вернулся. В его глазах сверкали огоньки.

— Пойдём, — сказал он, загадочно улыбаясь. Мы спустились в гараж. Его машина марки Рено — LAGUNA стояла на своем месте. Он подвел меня поближе и... как бы небрежно провел рукой по надписи. Я ахнула.

Бернар переклеил буквы! Он снял их и переставил местами. Получилось: GALINA!

Надо было видеть его счастливое лицо. Он даже прикрыл глаза от удовольствия. Вот же человек. Настоящий подарок Богов.

И теперь этот неисправимый романтик Бернар ездит по Парижу на машине единственной и уникальной марки в мире — GALINA.

ЖАН-ПЬЕР АЛИБЕР

Буряты, жившие на горе Ботогол, звали его Иван Петрович, а некоторые запросто — Петрович. Он очень дружил с ними, любил с ними разговаривать и всегда просил, чтобы к нему обращались именно так, по-дружески: Петрович!

Хотя на самом деле он был высоко над ними: и по должности, и по положению, ведь он был практически их хозяином, а, кроме всего, и по происхождению: чистейшей воды француз.

Он родился во Франции, настоящее имя его было — Жан-Пьер Рене Мишель Алибер. Но в Оке все звали его Иван Петрович. Ему нравилось.

Да-да, именно в Оке, далеком Окинском районе Бурятии, почти на вершине Восточных Саян, на горе Ботогол жил этот француз, возвышенная душа Жан-Пьер Алибер,

потерявший голову от романтики собственных приключений. Здесь ходили и до сих пор ходят невыдуманные легенды об удивительном характере этого выдумщика и большого оригинала, о его фантазиях, о необыкновенных способностях бизнесмена и промышленника, его доброте и щедрости!.. Здесь любого спроси: старого или малого — все знают Алибера. Все знают Ивана Петровича...

История исключительная. Французский купец и авантюрист, первооткрыватель сибирского графита, Жан-Пьер Алибер — родом из Монтобана в Тарн и Гаронне. Он родился 23 марта 1820 года. В многодетной семье богатого купца Алибера мальчик был восьмым ребенком. Родители были драпировщиками, занимались тканями, драпированием тканей. Семья была большая и дружная, и не сказать, чтобы маленький Жан-Пьер рос наособицу, но, утопая в живописных тканях, наслаждаясь невиданными их экзотическими рисунками, он жил богатой внутренним воображением жизнью. Мальчик постоянно удивлял домочадцев своими фантастическими выдумками и часто вовлекал старших братьев в самые невероятные авантюры, поражая смелыми до головокружения вылазками. Все дружно восхищались его фантазерством. А Жан-Пьер таки выкинул штуку — в четырнадцать лет сбежал из дома в поисках приключений! Он сел на корабль, отплывающий в Финляндию!..

Все по хитроумному сценарию. Он спрятался, несовершеннолетний мальчишка, в трюме среди мешков, набитых разными товарами, всякой снедью, еще каким-то грузом, а, когда его обнаружили среди этого добра, жалобно тер глаза кулаком, исподволь хитренько подглядывая за моряками, ломающими голову, что же делать с этим непрошеным путешественником: малой ведь! Да и в любом случае не выбросишь человека за борт...

В финском городе Хямеэнлинн, который в то время принадлежал шведскому господству, юный Жан-Пьер, сойдя с корабля, неспешно фланировал по городу, прогуливался по городскому рынку, с любопытством разглядывая всевозможные товары, как вдруг его внимание привлекла витрина с роскошными мехами...

Наш герой поражен красотой и богатством сверкающих меховых переливов! Лондонская пушнина... О, он сделал перед продавцом вид, что понимает толк в мехах!..

А в голове его уже созревает безумно рискованная идея, но разве Жан-Пьер боится риска? Кто не рискует, тот не пьет шампанского! Он вскоре находит первую шкурку соболя и перепродает ее коммерсанту. К его неописуемой радости, бизнес по торговле шкурами начинает с невероятным успехом процветать. Изощренный острый ум подсказывает начинающему бизнесмену, что это прекрасный стратегический выбор, который позволит ему быстро выйти на российский меховой рынок, особенно на роскошный рынок Петербургского двора. И очень скоро Жан-Пьер становится для петербургских коммерсантов основным поставщиком меха из Финляндии.

Его блистательный ум развивает дальнейший план...

И Жан-Пьер отправляется в Англию. Вот он уже в Лондоне!.. Он сообщает письмом своему отцу, что хочет обучиться профессии гранатомета и действительно поступает в гранатный магазин. Но семья была весьма и весьма поражена, когда через два года Жан-Пьер сообщил им, что открыл свой собственный пушной магазин в Лондоне!..

Еще через год, в семнадцать лет! он навсегда покидает Англию. Направляет стопы, куда бы вы думали? Жан-Пьер едет в Россию! Объявил друзьям и компаньонам, что поехал на восток, охотиться на соболя, лису и горностаев... Они его так и ждали!.. Тем не менее, у этого хитроумного

молодого человека получилось все, как он хотел: и лисы, и горностаи, и соболя... И, конечно, охотники. Жан-Пьер мастерски умел находить нужных ему людей, он умел завоевывать их воображение своими завораживающими речами. Его огромные черные глаза словно гипнотизировали людей. Да, внешность его поражала своей аристократичной красотой — большие глаза в пол-лица, тонкий высокий нос, изящной формы губы — второй Ален Делон, да и только. Ему бы актером стать, а он всю свою жизнь провел в горах.

Самое удивительное: он становится очень близок к сыну царя Николая Первого, Александру (будущий царь Александр Второй). Они ровесники, оба молоды, легки, веселы, динамичны, они дружат, их увлечения близки по духу, а авантюры сходны.

Руководствуясь острым умом и глубоким пониманием бизнеса, Жан-Пьер уже в двадцать лет, то есть всего через три года, открывает в Санкт-Петербурге собственный магазин!.. Какой магазин? — спросите вы... Разумеется, пушной, с роскошными мехами на Балтийском море!..

Предприимчивых и авантюрных людей в России всегда хватало, но Жан-Пьер Алибер был личностью совершенно необычной для нашей страны девятнадцатого века. Во всех его рискованных замыслах с избытком присутствовал романтизм. Жажда здоровых сильных ощущений руководила всеми его действиями, а главное, что вело его, — святая вера в успех!.. Молодость его прошла в невероятных приключениях, но, заметим, кстати, — в больших трудах. В семнадцатилетнем возрасте он пересек границу России и занимался торговлей русских мехов. У него все получилось! Целеустремленность и авантюрный склад характера помогли ему не только организовать пушное дело, но и устоять, создав конкуренцию русским купцам.

Однако интересы Алибера не ограничивались только торговлей мехом. Занимаясь одновременно многими вещами: путешествиями, охотой, добычей и продажей мехов, он вдруг решает добывать золото!.. Он говорил: «Как томительна жизнь без выдумки», поэтому приукрашивал свою жизнь вымыслом, побуждающим его совершать поступки, иногда непонятные даже самым близким людям.

Внезапно он уезжает из Петербурга. Увлекся геологическими изысканиями. И он уже на Урале! Любознательный француз знакомится с самим инспектором по Уралу Григорием Пермикиным. Причем знакомится весьма любопытным образом: Жан-Пьер смело пришел прямо к инспектору и предложил ему свои услуги... в качестве учителя французского языка для его детей. Его удивительно красивое лицо, европейские манеры производят сильнейшее впечатление на инспектора. Немудрено! Жан-Пьер Алибер необыкновенный красавец. Ему бы с таким лицом в кино сниматься. Но нет, его влекут авантюры и путешествия...

Он безоговорочно был принят в семью Пермикина. Позже здесь же, в доме хозяина Урала, Жан-Пьер стрижет всех детей и всю семью, он уже стал личный парикмахер семьи! Но очень скоро и этого ему становится мало. Естественно...

Надо сказать, Григорий Пермикин, будучи инспектором по Уралу, в то же время был известным исследователем Урала и Восточных Саян. Он сам лично исходил все горы и считался знатоком руд и минералов, различных месторождений. Похоже, он сам и пробудил у молодого человека интерес к горам Сибири, в частности, к Ботоголу.

Середина девятнадцатого века. «Золотая» лихорадка. Поэтому естественно, что Алибер покидает Пермикиных. Вопреки их воле. Они всей семьей уговаривают его остаться, но нет-нет, ему нужно ехать дальше, в Сибирь.

Он едет искать золото!..

Жан-Пьер Алибер добрался до Иркутска в 1845 году. Ему всего двадцать пять лет. Его сердце было открыто всему новому, что давала наука в мире. Оказавшись в Иркутске, отважный мечтатель изучает опыт экспедиций его предшественников. Репутация человека страстного и предприимчивого, отзывчивого и любознательного скоро закрепится за ним в среде иркутской интеллигенции. И к тому же Алибер богат и щедр. В сибирской столице он занимается не только предпринимательством, но и благотворительностью. Двенадцать тысяч рублей было им пожаловано в пользу жителей Троицкосавска, пострадавших от пожара. Он не оставался в стороне от дел обеспечения приютов и учебных заведений, да и просто бедствующих людей.

Он все еще продолжает пушное дело, но больше его интересуют драгоценные камни, которые ему показал Григорий Пермикин. Жан-Пьер Алибер не был ни геолог, ни минералог, но, тем не менее, он хорошо знал Сибирь, так как, благодаря торговле мехом, он очень много ездил. И он видел богатство этого огромного региона, которое в значительной степени не было исследовано. Его личная цель была — расширение своего бизнеса. Он искал предметы роскоши: золото, серебро, слоновую кость, драгоценные камни. Из всего этого он делал изысканные арт-объекты и посылал в магазины Петербургского двора. А однажды решил воспользоваться своими путешествиями по Сибири и предложил организовать царскую экспедицию по выявлению месторождений золота и полезных ископаемых.

Именно благодаря дружбе с сыном царя Николая I, Жан-Пьер Алибер получает царское разрешение, даже миссию возглавить экспедицию в Сибирь по выявлению месторождений золота и полезных ископаемых. Ясно, что такая экспедиция предполагает способность анализиро-

вать минералы и породы, поэтому Алибера сопровождали геологи и инженеры. Но он и всегда был окружен охотниками, казаками, геологами, золотоискателями, шахтерами, потому что умел увлекать людей своими безумными проектами. Он блуждал по всей Сибири...

А попав в Саяны... О, он был покорен этими величественными горами! Ока... Как же долог был путь в эти края француза-путешественника...

Легенды ходят о гольце Ботогол и покорившем его французском промышленнике Жан-Пьере Алибере. Волей судьбы этот француз принес славу Сибири по всей Европе — благодаря графиту, точнее, карандашам, изготовленным из Саянского графита.

О графите Алибер услышал в Иркутске от начальника погранзаставы Черепанова, который самым первым обратил внимание на Ботогольский голец, застолбив открытое месторождение графита. На самом деле первооткрывателем был Черепанов, но, хотя интуиция подсказывала ему, что найденный графит может принести немалую прибыль, недостаточность знаний и денег не дала Черепанову возможность развернуть это дело. Черепанову не хватило терпения дойти до конца и добиться чистого качественного графита.

А Жан-Пьеру Алиберу было известно, что европейский рынок стал ощущать дефицит карандашного графита. Жан-Пьер давно интересовался графитовой промышленностью, изучал её в странах Западной Европы. Дело в том, что в Европе чрезвычайно поднялись цены на графит. А единственным поставщиком карандашного графита, притом монопольным поставщиком, был Борроудейльский рудник, месторождение в Англии. Этот рудник был единственный, кто предоставлял настоящий чистый графит для высококачественных карандашей. Триста лет

добывали там руду в графстве Камберленд, но шахта графита была полностью исчерпана. Руда в Борроудейле в Камберленде на севере Англии закончилась. Этим и объясняется энергия и настойчивость Алибера, с которой он проводил разведку и эксплуатацию месторождения.

Несколько кочевых лет ходил Жан-Пьер Алибер по Восточным Саянам, искал золото в реках Саянских гор, а открыл месторождение графита на горе Ботогол, на юго-западе от озера Байкал. Мудро решив, что это его звездный час, Алибер купил у Черепанова землю за... 300 рублей и право пользования этим рудником. Так он стал хозяином одного из самых богатых месторождений графита в мире.

Окинский район — самая отдаленная часть Бурятии, расположенная к западу от столицы Улан-Удэ на расстоянии 600 километров. Это самое сердце горной страны Восточные Саяны. Местные жители сохранили особенности обычаев, традиций и культуры сойотов. Ландшафт типичный альпийский. Скалистые саммиты и глубокие узкие долины. Горные перевалы и равнинные плато, заболоченные из-за вечной мерзлоты. Впрочем, мерзлота тает в летнее время года. Потоки кристально чистые, так как нет промышленных объектов. Самый большой поток — река Ока. Это единственный регион, где люди сохранили и держат яков. Яки сегодня довольно редкие животные.

По свидетельству старых жителей Оки сойоты, как и буряты, примерно 400 лет назад переселились из Монголии, где они вели кочевую жизнь. После пересечения монгольских границ сойоты начали селиться в Тунке, но, поскольку там почти нет благоприятных мест для оленеводства, часть сойотов-оленеводов переселилась в Оку, на горный хребет, разделяющий Оку и реку Иркут.

Дойдя до Саян, до горы Ботогол, Жан-Пьер Алибер знакомился с местными жителями, подолгу беседовал с ними, расспрашивал и рассказывал сам. А им-то как любопытно! Смотрели на него во все глаза. Он был первый человек из Европы, из такого далека. Он совсем другой, не такой, как они, у него синие глаза, и весь он такой светлый, красавец, какого никогда не видали!

Они доверчиво показывали ему свои горные находки, считая это свинцом, но это не был свинец!.. Алибер первым понял, что это настоящий графит, и по достоинству оценил значимость их находок.

Это было в 1848 году, и открытие Алибера спасло индустрию карандаша. Производство английского графита в Борроудейле-Камберленде прекратилось. Зато началось в далекой Сибири, на Ботоголе!..

Саянские горы имеют среднюю высоту от 2 тысяч до 2700 метров. Самая высокая гора Мунку-Сардык поднимается до 3492 метра. Алибер присоединяется к этой географической области с востока, так как именно здесь он обнаруживает особенно чистые графитовые фрагменты. Алибер хорошо знал о торговых проблемах графита, что английский рудник иссяк, поэтому хорошо представлял экономический потенциал открытия нового месторождения. Площадь месторождения составляла около 2500 метров высоты на горе Ботогол. Зимой температура достигала минус 50 градусов и более. Летом плюс сорок. В этих экстремальных условиях Жан-Пьер Алибер проработает 15 лет...

Успех пришел не сразу. Он сам валил лес и доставлял его на вершину днем и ночью он спускался в шахту и проводил взрывные работы. Годы изнурительного труда не сломили его. Его вера в успех вдохновляла окружающих. Ему доверяли кредиторы банки. Они порой теряли надежду вернуть свои деньги, но в очередной раз Алибер убеждал их в необходимости продолжения работ.

Несмотря на враждебные климатические и географические условия, Алибер решил делать дело с помощью местного населения — сойотов и бурятов. Он официально оформил свои права на «Марьинский прииск», так он назвал свой рудник. В первые годы разведка и эксплуатация графита не оправдала надежд Алибера и только после «восьмилетних неустанных тяжких трудов и лишений всякого рода, — как писал сам Алибер в "Вестнике Географического общества", — судьбе угодно было осчастливить меня своими благими дарами, и терпение моё было вознаграждено полным успехом, открытием действительно превосходнейшего качества графита того самого достоинства, которого я желал...».

…Взрыв эхом прокатился по горной цепи. Из ствола шахты выбросило куски породы с серебристым отливом. Голоса людей слились в радостном крике. Все, кто был с Алибером, понимали: это их день! Позади было восемь лет напряженного труда. Они добыли графит! Целых восемь лет ушло на это...

3-го февраля 1854 года на поверхность после взрыва выбросило обломки графита, который принесет Алиберу мировую славу.

В разгар «золотой» лихорадки в середине девятнадцатого века Жан-Пьер Алибер в горах Сибири обнаружил графитовые индексы в гранитных породах, открыл рудник, дал ему название: «Марьинский», и сумел организовать успешную добычу графита. Он выкупил этот участок земли за... 300 рублей! Точнее, приобрел право на владение этим участком земли.

Предприимчивый Алибер быстро нашел выход для своего продукта: он подписал эксклюзивный контракт с немецким домом Фабер под Нюрнбергом.

С этого времени, с 1856 года, началась эпопея Алибера в истории графита. Сибирский графит, открытие кото-

рого он сделал, имеет гораздо более высокое качество. Это выяснилось впоследствии, когда он собрал ряд образцов графита и отправил их на анализ в Императорскую академию в Москву, Национальный музей естественной истории в Париж и далее в лондонские учреждения. Жан-Пьер Алибер не был изобретателем, но он стал первооткрывателем Сибирского графита исключительной чистоты (так его назвали официально).

Алибер даже пытался исследовать соседний Китай, который граничит с Сибирью, в частности, регион, соответствующий нынешней Монголии. Любопытно, что Алибер с дотошностью исследовал регион к западу — сегодня это Бурятия, привязанная к горной цепи Саян.

Алибер был талантлив во всем. Он очень хорошо рисовал, сохранилось много альбомов с его рисунками. В его рисунках отражена вся история Ботогольского гольца.

Необходимо отметить участие в его экспедиции также и профессиональных художников. Как доказательство их присутствия представлены 277 акварельных досок, которые Жан-Пьер Алибер потом подарил Национальной академии искусств.

К сожалению, об искусных талантливых художниках, выполнявших эти работы, ничего неизвестно. Есть гипотеза, что это были русские художники, которые работали в Петербурге в кругу Карла Фаберже. Нефрит, как известно, был одним из самых пристрастных материалов знаменитого ювелира.

Эти доски являются ценными иконографическими источниками, которые воспроизводят в деталях географию регионов, ландшафты, поселения, через которые проходила экспедиция. Эти доски — ценные документы в отношении антропологии и этнографии, так как показывают в рисунках обычаи народов, проживавших тогда в Сибири.

Наконец они показывают вид графитового рудника, деревни Алибера, документируют порядок их жизни. Важность художественного искусства в этой экспедиции и коммерческая роль этих акварельных досок очевидна.

Как только разбили гранитные породы, он отправил первые образцы для анализа в Петербург, Париж и Лондон. Анализы выявили необычайное качество этого минерала графита — он в разы чище и лучше английского! И он более подходящ для производства графитовых карандашей.

Алибер начинает строить настоящую шахту, дороги к ней, дома для размещения рабочих, ферму для коров, ипподром с лошадьми и даже карусель.

Ферма, скотный двор, разбит огород, даже апельсиновый сад. Это было сделано для питания рабочих, чтобы рабочие пили свежее молоко, ели овощи и фрукты.

Были построены жилые дома для рабочих, а вокруг домов разбиты цветники, настоящие клумбы с цветами! Для себя в центральной части Алибер построил прекрасную виллу с верандой и цветными витражами на окнах.

Даже сейчас видна яма — небольшое углубление, предназначавшееся для хранения продуктов. К сожалению, это все, что осталось от дома Алибера.

Кроме того, Алибер поставил рядом маленькую часовенку. Католическая часовня, где он каждый день молился, находя истинное от своих тяжелых трудов отдохновение.

На вершине Ботогольского гольца еще сохранились остатки построек, возведенных в свое время Алибером. Горная Ока сегодня доступна благодаря дороге, построенной через перевал. Через остроконечные вершины гор, через ребро Шумакского перевала, считающегося самого высоким в Восточных Саянах, минеральные источники

у реки Шумак, изумруд горных озер и нежную зелень Шумакской долины, видна тропа, которая круто уходит вверх и теряется среди кустов. Земля сойотов.

Через Тункинские белки — так местные жители называют гольцы — видим плато, похожее на спину огромного животного, на теле которого многочисленные следы, оставленные золотоискателями. На покатой вершине — широкая полоса, напоминающая вымощенную дорогу. Тишина нарушается только порывами ветра.

Широкая полоса на вершине — это и есть та самая дорога, которую построил Алибер от подножия гольца до места, где велись работы. По этой дороге вывозили графит, породу. Дорогу вырубили в скальном грунте, оборудовали смотровыми площадками — это позволяло любоваться панорамой Саянских гор.

Работа на шахте была чрезвычайно тяжела. Добыча графита сопряжена с неимоверными трудностями... Но буряты, работавшие под его началом, очень любили его. Буряты просто поклонялись ему. Именно в то время они и прозвали его Иван Петрович, или запросто: Петрович...

Алибер интересовался не только графитом, но и другими полезными ископаемыми Восточных Саян. Он собирал валуны нефрита, часть которых вывез в Западную Европу, а часть продал на месте. Однажды обходя свой участок, Алибер обнаружил поблизости старую, уже заброшенную нефритовую шахту, использованную для изготовления витражей.

Ох, какая ценная находка! Он начал править старую нефритовую шахту и срочно строить новое жилье для рабочих, ибо нанял для работы людей из местных жителей: бурят и сойотов. Работали высоко в горах, поэтому нужны были жилье и, конечно, санитарная часть, вот они и были построены в первую очередь.

В течение всего восьми лет Алибер сумел построить современный по тем временам рудник. Карты того времени упоминают шахту «Алибер» в Саянах. Это и был Марьинский рудник.

Алибер сумел наладить дело, привлекая богатых промышленников и зарубежные фирмы. После первых неудач он достиг значительных скоплений графита. Инженер Львов, известный эксперт той эпохи, с удивлением констатировал, что количество графита оценивается в семь миллионов пудов!..

По воспоминаниям Н. А. Флоренсова, посетившего Марьинский рудник на вершине Ботогола: «Жан-Пьер Алибер хотел видеть свой рудник красивым, и он добился этого, украсив свой рудник излишними, на мой взгляд, декоративными излишествами, цветниками и парками... Но как добыча графита трудна и тяжела!».

Алибер действительно тратил чрезвычайно много денег на обустройство. Было завезено оборудование, построен сам рудник и жилой поселок. Алибер оказывал большую помощь местному населению, строил дома, школу, баню. Была построена дорога, которая обошлась владельцу в гигантские деньги.

От нестерпимых зимних ветров Алибер оградил свой поселок высокой каменной стеной и построил специальные стены-ветрорезы высотой до десяти метров, частично стены сохранились до наших дней. Здесь, под защитой стены, на высоте две тысячи метров, среди болотистой высокогорной тундры он вырастил настоящий сад!

Английские путешественники-исследователи Томас и Люси Аткинсон посетили рудник в июне 1851 года. Сохранились их воспоминания. Люси Аткинсон пишет в дневнике: «Чтобы добраться до шахты господина Алибера, мы преодолели высокую гору... дорога была очень плохой... мы барахтались в грязи и воде. На каждом шагу

были неприятности... Когда мы прибыли наверх... это было невозможно! Черный свинец был везде... он проникает во все... Но мудрый хозяин построил баню для людей, это первая необходимость здесь!..».

Томас Аткинсон: «Мы пробыли на шахте пять дней. Мистер Алибер принял нас с большой добротой. Он показал нам ферму на расстоянии десяти верст от шахты, чтобы стол снабжался маслом и молоком, сливками, картошкой и свежими овощами... В отношении его рабочих: они лучше кормятся, чем в любом другом месте России, что мы посещали... После чая я пошел с ним на шахту, но она настолько покрыта льдом... я не смог войти... Мистер Алибер показал мне несколько красивых образцов черного чистого графита. Мистер Алибер будет поставлять для всего мира...».

Генерал-губернатор Восточной Сибири граф Муравьев-Амурский 23 августа 1860 года пишет официальное письмо Алиберу: «Я не могу воздержаться от того, чтобы не воздать Вам должное за то, что за пятнадцать лет вашего пребывания в Сибири, вы явили собой пример хорошего гражданина, полезного нашей стране. Все свои усилия вы направляли для того чтобы развить промышленность, во имя которой вы с благородной самоотверженностью принесли в жертву долгие годы и вынесли тягчайшие трудности... В меру своих сил вы принимали участие в облегчении судеб человечества... Все эти обстоятельства побуждают меня выразить вам, монсеньер, искреннюю признательность и просить вас принять уверения в моем совершеннейшем уважении и преданности».

Днями Алибер лично разбирал графит, который должен быть отправлен. Для вывоза графита от заимки на Ботоголе до вершины гольца, где была шахта, вилла хозяина и рудничный посёлок, Алибер провёл дорогу, со-

оружение которой продолжалось двенадцать лет! Дорога на крутом, живописном юго-западном склоне гольца сохранилась до сегодняшних дней.

Графит тщательно отсортировывался, распиливался на ровные кубики и в прочной упаковке на лошадях отправлялся почти за десять тысяч километров на карандашную фабрику Фабера. Графит шел по сибирским рекам в Тихий и Индийский океаны в Балтийское море и дальше в Нюрнберг.

Но прежде, чем Алибер добился полного успеха, он не раз был под угрозой полного разорения, и не раз ему грозила тюрьма за долги. А в тюрьму попасть он боялся, поэтому вынужден был составить товарищество с неким Занадворовым. Это товарищество доставило ему впоследствии крупные неприятности. Компаньон Занадворов по условиям договора должен был построить карандашную фабрику и поставить новое оборудование для рудника, но обязательства своего не выполнил...

История длинная, полная и взлетов, и падений, и радостей, грустных разочарований, раздумий и горя, часто — болезней, ибо Алибер простудил ноги и страдал невыносимыми ревматическими болями... Но в конечном итоге все заканчивалось его всепоглощающей и неизбывной верой в жизнь!..

В середине девятнадцатого века добыча графита приносила баснословные прибыли, ведь еще не существовало способов получения искусственного графита для карандашей и огнеупорных материалов. Предприятие Алибера не только приносило прибыль, но и создавало хорошие условия для работавших на руднике местных жителей-бурят.

Кроме того, Алибер также очень увлекался метеорологией и астрономией. По дошедшим до нашего времени гравюрам и свидетельствам известно, что, помимо шахт и

дорог, домов, бани, часовни, Алибер возвел в центре горы обсерваторию для астрономических и метеорологических наблюдений, ночами наблюдал звездное небо. На протяжении пятнадцати лет он вел наблюдения за звездами и метеорологический дневник с такой тщательностью, что эти данные весьма востребованы в наше время.

Здесь на такой высоте он расчистил площадку для ипподрома и построил ипподром!.. Обустроил беседки и мостики, разбил клумбы, а также возвел стены для защиты от ветров, настоящий город.

А любовь?.. О, да, он любил жизнь, и поэтому — и ипподром, и цветники, и сады... И да! он любил женщин, оставаясь истинным французом!.. Он был настоящий дамский угодник... Чего стоит одно то, что он соорудил карусель для любимой жены Перелин! Карусель в горах Сибири! В прекрасном парке с цветочными клумбами на высоте больше двух тысяч метров!

Признаки присутствия великого Алибера до сих пор есть на пике Ботогол. До сих пор сохранились каменные стены, которые были возведены для защиты шахты от ураганных ветров. Можно увидеть часть ипподрома на вершине горы и найти большие стальные гвозди, державшие стены. В долине под вершиной Ботогола, как и тогда, все еще бродят лохматые яки, а местные жители рассказывают легенды о мужественном и щедром иностранце, Иване Петровиче.

Окинский графит был признан лучшим в Европе. Жан-Пьер Алибер вел разработку труднодоступного месторождения, содержащего графитную руду исключительно высокого качества. Качество Ботогольского графита было настолько высоко, что на изготовленных из него карандашах делалась специальная надпись: «Сибирский графит Алибера». Аliберовские карандаши и графитовые стержни стали эталоном качества в Европе.

Он лично делил добытый графит на сорта, бережно укладывая вручную лучшие куски в ящики из кедровых досок. Чего только стоит одно описание коллекции: «Эта коллекция состоит из 340 штук, которые весят около 600 килограммов. Из-за их хрупкости пришлось их упаковать в более чем 100 коробок, которые помещены в двадцать шесть ящиков; чтобы добраться до Парижа, они проделают 9000 километров по земле и воде». Сырью предстояла долгая дорога на известную карандашную фабрику Фабера в Нюрнберг.

Имя Алибера стало торговой маркой графита лучшего качества.

Марьинский рудник успешно работал пятнадцать лет. Однако во второй половине девятнадцатого века карандашное производство модернизировалось. Внедрялись новые технологии изготовления карандашных стержней из графитового порошка в смеси с глиной. Уже переставали требовать чистых и дорогих (затратных) сортов графита.

Ботогольское месторождение считается уникальным, по качеству с ним может сравниться только цейлонский графит. Месторождение Ботогол значительно позже, в двадцатом веке, было включено в секретный реестр Советского Союза, поскольку графит, как выяснилось, содержит большое количество радиоактивных элементов.

В советское время рудник работал с 1926-го до 1951 года. Было добыто свыше ста тысяч тонн, ибо Ботогольский графит использовался для создания ядерных реакторов. Развитие космических технологий в послевоенные годы стало возможным, благодаря Алиберовскому руднику.

После взрыва в Чернобыле даже рассматривался вопрос о возобновлении работы шахты по выбросу графита в реактор, но от этой идеи скоро отказались из-за мощного радиоактивного потенциала.

Поэтому тогда прекратилась всякая информация о руднике. Он давно опустел, брошены вагонетки, подъемные механизмы, запчасти. Зато в истории осталось имя Алибера, который вопреки всяким препятствиям прославил сибирский графит.

Образ французского романтика, влюбленного в Саянские горы, в звезды, что сияли над ним в ночи, и влюбленного в саму жизнь, дарит веру, что только от самого человека зависит его судьба. Мечта когда-нибудь обязательно становится реальностью, если в нее верить!

Однако главной мечте Алибера не суждено было сбыться. Он не смог построить карандашную фабрику, как планировал. Ему недоставало средств. Все попытки привлечь партнеров не увенчивались успехом.

Алибер уже знал, что в Шри-Ланке и США были открыты новые месторождения графита, и, несмотря на довольно низкое качество минерала, тем не менее, уже вводили в эксплуатацию из-за более экономичных затрат на транспортировку. Эти обстоятельства предвещали неминуемое закрытие шахты на горе Ботогол. Он хорошо понимал это, и в 1869 году Алибер решился оставить рудник.

В тот вечер, по воспоминаниям местных жителей, он устроил гуляние с угощением. Он, как всегда, был обходителен и вежлив, открыт и внимателен к каждому. Никто в этот вечер не заметил особого состояния печали.

Он медленно обошел рудник в последний раз, спустился в шахту, потом поднялся, вошел в свою маленькую часовню и провел там несколько часов моленья...

Он благодарил Бога за то, что в самые трудные минуты Бог не покинул его... Мысленно он проживал годы, дни и часы, проведенные здесь на этой вершине, насквозь продуваемой ветрами. Он прощался с Саянами...

Ночью он покинул рудник навсегда. Иван Петрович передал дела на Марьинском руднике в Саянах своему поверенному и, без всякого сожаления оставив своим друзьям-бурятам все свое имущество, вернулся во Францию.

Через десять с лишним лет на Ботоголе побывал русский князь Кропоткин и был удивлен, что по прошествии стольких лет буряты и сойоты сохранили дом и утварь, оставленные Алибером. Буряты и сойоты еще много лет оберегали дом в надежде, что их любимый Иван Петрович вернется...

Предприимчивый человек, Жан-Пьер Алибер, вернувшись во Францию, всячески рекламировал свой товар широкой общественности, принимая отзывы от научных обществ: Минералогического, Географического, Общества Испытателей Природы, а также Академии Художеств.

Он никогда не вёл дневников своих путешествий, но позже написал научные труды: «Сибирский графитовый рудник», Париж, 1865 год; «Описание трофеев графита и нефрита Сибири», Париж, 1869 год; два труда: «Воспоминания о Сибири» и «Воспоминания о Китае», Жан-Пьер Алибер проиллюстрировал своими собственными чертежами в гуаши, нотами и дагерротипами. Сейчас эти труды Алибера хранятся в Национальной школе искусств и ремесел Франции.

Множество минералогических предметов и образцов, которые он привез, разбросаны по музеям Франции и за рубежом, включая Национальный музей естественной истории и Музей естественной истории Анри Лекокаде Клермон-Феррана. На Лондонской выставке Жан-Пьер Алибер выставил продукты из экспедиции — нефритовые плитки, графитовые скульптурки, коллекции графитов. И он получает сразу две медали!.. После успеха в Лондоне Алибер представляет свою экспедицию на парижских универсальных выставках, а также в Вене.

Его богатейшие коллекции графитов, которые участвовали в многочисленных международных выставках, сегодня находятся в Музее Парижского естествознания, в Высшей Школе шахт, в нескольких музеях Лондона, Санкт-Петербурга, Вашингтона и, конечно, его родного Монтобана.

Он практически отошел от горных дел, но до конца своих дней на всех Международных выставках в Европе оставался ярым пропагандистом огромного минерального богатства Сибирского края.

В Музее Школы шахт хранятся любопытные предметы, вырезанные из нефрита и графита — маленькие графитовые скульптурки или нефритовые плитки, на которых воспроизведены профили человеческих лиц. Скульптурки подарены музею самим Алибером. Это было связано с тем, что, потеряв шахту в 1869 году, он начинает реализовывать все средства, поскольку это был его капитал. И только сейчас французские ученые, в частности Офели Вейнер, исследователь наследия Ж-П. Алибера, защитившая диссертацию по этой теме, через эти маленькие «гибридные» объекты пытается уловить связь, возникающую в этом контексте между искусством и наукой, проходящей через технику.

Надо сказать, что деятельность Жан-Пьера Алибера была высоко оценена, и, еще живя в России, он получил Благодарственную запись от императора Николая I, а также от Иркутского архиепископа и генерал-губернатора Иркутска Муравьева-Амурского за сделанное благо.

А уже, будучи во Франции, Жан-Пьер Алибер Императорским Указом 1864 года был назначен Кавалером Почетного легиона Французской Республики.

Зато в родном Монтобане получилась неловкая ситуация. Мэрия Монтобана решила присвоить имя Жан-

Пьера Алибера одной из улиц его родного города. И казалось бы, что может быть проще? Ан нет! Оказывается, потомство Алиберов настолько многочисленно — помните, он был восьмым ребенком в семье! — а некоторые потомки Алиберов оказались людьми настолько успешными, достойными и знаменитыми, что уже две улицы города Монтобана носили имя Алибера в честь двух внучатых племянников Жан-Пьера Алибера.

Но мэрия нашла замечательный выход. Улица в честь Жан-Пьера Алибера была торжественно названа улицей имени Исмена Фульбер.

— Почему же? — удивитесь вы. — При чем здесь Исмен Фульбер?

А ларчик открывается просто. Жизнь Жан-Пьера Алибера настолько сильно заворожила писателя Жерара Жоржа необыкновенными исследованиями, путешествиями и открытиями, что Жорж написал роман об Алибере — «Копатель замерзших земель». Gerard George «Le Piocheur des Terres Gelées». Жан-Пьер Алибер, реальный человек, стал героем романа, романтическим персонажем, которому автор дал имя — Исмен Фульбер. Выдуманное писателем имя приобрело реальность. Улица, посвященная Жан-Пьеру Алиберу, называется — улица имени Фульбера. Так решила мэрия города Монтобана.

А наш Жан-Пьер после возвращения из России едет в Овернь на целебные источники. Туда его гонит необходимость лечить простуженные в горах ноги. Он очень страдал от ревматических болей.

Алибер поселился в курортном городе Шатонеф-Бань и посвятил этому городку большую часть своего состояния.

В Шатонеф-Бань существует Пик Алибера, так как Жан-Пьер, приехав сюда лечить свои недуги, вкладывал очень большие деньги в благоустройство города, за что

был назван отцом города. Алибера очень высоко ценили благодарные жители города, устраивали ему большие почести.

Он провел громадные работы по обустройству целебных источников, а также Алибер установил огромную статую Богоматери Надежды, которая до сих пор украшает город.

Богатым рантье Жан-Пьер Алибер прожил остаток своей очень долгой жизни. Лечился от ревматизма, заработанного в Сибири, и тосковал по своей деятельной веселой молодости. Во французском Оверне он построил маленькую точную копию шахты, домов и всех рудничных построек на Ботоголе и до конца своей жизни хранил любовь к далекой Сибири.

Жан-Пьер Алибер умер в Париже в возрасте восьмидесяти пяти лет 18 февраля 1905 года. А в далекой Оке до сих пор люди хранят память о великом и добром французе Иване Петровиче, передают из уст в уста легенды о нем...

А недавно мы с моим супругом Бернаром получили неожиданный и приятный сюрприз. К нам в гости приехал его дядюшка из Бордо, ближайший родственник известного писателя Мориса Дрюона. По стечению обстоятельств его тоже зовут Морис Дрюон, правда, он не писатель. Но родственник, да.

Ну, так вот, войдя к нам, дядюшка оставил на входе у двери солидную коричневую трость, которая сразу привлекала к себе внимание: роскошная, сверкающая лаком, с красивейшим декором, изящно исполненным по всей длине трости. Мой Бернар взял тросточку в руки, внимательно разглядывая точеный рисунок, и вдруг воскликнул: «Алибер!» — Я подошла. На тросточке под выточенным рисунком была выгравирована подпись: «J-P. Alibert. Chateauneuf».

Потрясающе, вот это сюрприз так сюрприз!

А ларчик открывался просто: наш дядюшка Морис отдыхал на минеральных водах в городе Шатонеф и купил там эту раритетную тросточку. Говорит, там продаются сувениры такие. А мы с Бернаром сразу понимающе переглянулись. Ведь сразу закрадывается мысль: не сам ли Жан-Пьер Алибер, сидя у камина, вытачивал такие трости... Ведь он приезжал в Шатонеф практически каждый год. Жил там годами. Он был вынужден лечить свой ревматизм, заработанный в Сибири. И вот, находясь на лечении, долгими зимними вечерами, сидя перед камином, Жан-Пьер декорировал тросточки, вырезая на них изумительные рисунки.

А что? Вполне может быть и такое... Ведь золотых рук мастер был господин Алибер! Недаром изготовленные его умелыми руками фигурки из графита и нефрита хранятся по геологическим музеям Франции, да и не только Франции. Думаю, что немало его изящных статуэток и маленьких скульптурок, выточенных из нефрита, хранятся в Петербурге. Он ведь начинал с этого, отправляя первые свои работы в Петербургский торговый двор.

История Алибера еще не закончена. Мои земляки из Бурятии сняли документальный фильм об этом замечательном французе Жан-Пьере Алибере. Фильм получился добротный и очень хороший. Настолько хороший, что он получил несколько почетных призов в России, в том числе Гран-при кинофестиваля «Северное сияние» в городе Архангельске. Затем фильм приехал во Францию, и в Париже в Русском Доме мы провели красивую торжественную презентацию фильма «Жан-Пьер Алибер», который стал призером Международного кинофестиваля документальных фильмов в городе Ангулеме. Жизнь Алибера продолжается.

Наталия КУПЧА

Родилась в Днепропетровске. Окончила Киевский государственный институт физического воспитания и спорта. Мастер спорта по плаванию. С 1978 года проживает в Тунисе. Владеет русским, французским и арабским языками. На протяжении многих лет являлась президентом ассоциации русской диаспоры Туниса. Став профессиональным гидом, издала на русском языке (впервые в Тунисе) книги: история легендарного Карфагена «Вновь обретённое величие» и «От мифа к мифу» о римских мозаиках в Национальном музее «Бардо». Её книги стали библиографической редкостью. Наталия лауреат премии «Достойные женщины Отечества» и награждена статуэткой «Женщины XXI века».

ГЕОРГИЙ ГОРЧАКОВ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СЕРГЕЯ ПРОКОФЬЕВА. ВСТРЕЧИ

В синем небе Туниса, увидев голубые купола православного храма, не удивляйтесь, а постарайтесь посетить город Бизерт — осколок истории Белой русской эмиграции, трагического русского исхода. Портовый город Бизерт находится в шестидесяти километрах от столицы. На его набережной еще сохранилась вросшая в асфальт якорная цепь корабля Черноморской эскадры «Георгий

Победоносец». «Последняя стоянка» — так назвала свою книгу Анастасия Ширинская-Манштейн (1912–2009), последняя свидетельница — долгожительница, сохранившая документы, фотографии, личные вещи, иконы русской эмиграции. Одна из площадей города носит её имя, написанное по-французски, по-арабски и, конечно, по-русски. На площади возвышается маленькая православная хорошо ухоженная церквушка, а рядом — дом-музей Русской эскадры. Судьба выбросила на африканский берег многих талантливых людей, без которых современный Тунис был бы другим. Одним из ярких представителей этой замечательной плеяды людей был Георгий Николаевич Горчаков — пианист, композитор, литературный и музыкальный секретарь Сергея Сергеевича Прокофьева.

Георгий Николаевич Горчаков

Когда мы познакомились, ему исполнилось только 75 лет, но горб на его спине превращал Горчакова в немощного старца. Наша случайная встреча произошла в первый год моего проживания в Тунисе после замужества, когда мне очень не хватало общения на русском. Вдруг, проезжая по Ла Марса (пригород столицы, район исторического Карфагена), в открытое окно автомобиля ворвались знакомые слова: «Стой, негодяй, ну куда ты меня тащишь?» Ситуация меня рассмешила. Казалось, что это собака выгуливает своего хозяина, а он, бессильный, ругает её, чтобы отвести душу. Наскоро припарковав автомобиль, я подбежала к нему с предложением помощи. Он искренне обрадовался, услышав русскую речь. Мы друг другу представились, и он тут же пригласил меня в гости.

Георгий Николаевич занимал просторную комнату во дворце беев. Беи — титул правителей Туниса с 1704 по 1956, год провозглашения республики. Горчаков долгие годы служил преподавателем музыки подрастающему поколению беев, но в период нашего знакомства композитор уже не работал, а просто доживал свой век на всем готовом как член семьи.

В его комнате было пыльно и душно. Везде лежали нотные листы и стопки пожелтевшей бумаги, исписанной по-французски. Уловив мой взгляд, месье Горчаков серьёзным тоном произнес: «Это мой склеп. Именно такая обстановка вдохновляет меня на философские размышления и сотворения музыкальных произведений». В это время он сочинял «Реквием» — музыку Вечного Покоя, итог своей неспокойной жизни.

Его рассказы не придерживались четкой хронологии и географии. Трудно сложить из осколков цветных историй витраж горчаковской жизни.

Георгий Николаевич Горчаков родился в Бессарабии в 1903 году в культурной, хорошо образованной и обеспеченной семье. Образование получил в Кишиневе. Далее в воспоминаниях был пробел, или просто Горчакову хотелось говорить о другом. С большим трепетом он вспоминал 13 ноября 1926 года — день, когда Георгий впервые появился в доме Прокофьева в Париже. Ему 23 года, он автор нескольких музыкальных сочинений, в том числе фортепьянных сонат, пианист, обладающий даром уловить музыкальность музыки. Это и покорило 35-летнего Сергея Прокофьева. Горчаков, став его секретарем, расшифровывал музыкальные и литературные рукописи мэтра, писал под его диктовку, играл с ним на рояле. Можно сказать, что Георгий Николаевич являлся проводником литературной и музыкальной мысли композитора, доведя до стадии завершения несколько прокофьевских

партитур. В течение д е с я т и л е т они работали вместе, выступали в концертных залах Европы и Магриба. В Тунисе Сергей Прокофьев дал сольный концерт собственных произведений. После публикации «Дневников» великого композитора имя Георгия Николаевича стало известно не только как имя секретаря Прокофьева, но и как близкого семье человека.

1936 год стал годом их разлуки. Сергей Прокофьев вернулся в Советский Союз, оставив во Франции неизгладимую память о себе. Улица, где он жил в 16 округе Парижа, носит теперь его имя. Георгий Горчаков переехал в Тунис. С детства владея французским, греческим, латинским языками, он быстро освоил и бегло заговорил на тунисском диалекте арабского языка. Тунисцы обращались к нему с большим уважением, называя его Абдельмелик (восточный дворянский титул).

Во время Второй мировой войны после оккупации Туниса фашистами Горчаков, не желая им служить, скрывался в гротах Гамморта на побережье Средиземного моря. Однажды, упав среди скал, он повредил позвоночник и стал горбатым. А ведь перед войной он великолепно плавал, будучи тренером молодежной тунисской команды пловцов.

Мне было бесконечно жаль одинокого больного старика. Я старалась навещать его почаще и привозила что-нибудь вкусное из русско-украинской кухни. Он радовался, как ребенок, и не имея своих детей, расспрашивал о моей семье, о жизни в Советском Союзе, о советской музыке, литературе, искусстве. Этот удивительный человек с энциклопедическими знаниями, аскет, типичный интроверт, держался в стороне от общения с советскими, особенно с представителями посольства, боясь, что его может постигнуть трагическая участь жены Прокофьева Липы, проведшей в сталинских лагерях 8 лет.

Георгий Николаевич жил согласно девизу Альберта Швейцера: «Есть два убежища от жизненных невзгод — это музыка и кошки». Но я не теряла надежду уговорить Горчакова устроить его концерт в советском культурном центре. Музыка должна жить!

Годы летели, а мой «артист» жил вне времени в нотах. Его старинные слова казались мне образом умершей эпохи. Его язык, архаичный, устаревший и слегка пафосный, придавал месье Горчакову особый шарм. Он улыбался так, будто впереди у него была целая вечность. И только когда ему исполнилось 80 лет, он позволил мне обратиться к директору советского культурного центра, которому я рассказала о композиторе Горчакове, секретаре Прокофьева. И, после согласования с посольством СССР в Тунисе, моя цель была достигнута.

И вот наступил этот долгожданный торжественный день 1983 года. Месье Горчакова привезли на концерт в автомобиле советского посла. Одетый в черный фрак прокофьевских времен, он отвесил мне благодарный поклон.

Публика восторженно аплодировала стоя. Взволнованная до глубины души, я переживала за него как за очень близкого, родного человека. А он, расчувствовавшись, подносил платок к глазам, вытирая слезы радости. Сев за рояль, Георгий Николаевич виртуозно играл, забыв про свой возраст и не жалея себя. Когда-то он мне поведал, что будучи еще ребенком, играл музыкальные этюды самому А. Н. Скрябину! Репертуар был подобран как воспоминания о молодости, о незабываемых встречах. Звучала музыка Скрябина, Прокофьева и в конце — Реквием, который Горчаков дописал к этому концерту. Неистовые искренние рукоплескания, цветы, поздравления... Исполнилась его мечта быть признанным.

Мои друзья, следившие за «горчаковской историей» много лет, поздравили меня за терпение, за находку «музыкального сокровища», за щедрость души. Но мне комплементы были не нужны. Я была просто счастлива видеть счастливым моего старого друга, который вскоре подарил свое музыкальное наследие Советскому Союзу. Сейчас есть доступная информация о содержании переданного архива — полутора сотен сочинений в разных музыкальных жанрах, среди которых кантата по древнеегипетской книге Мертвых и, конечно, последнее произведение — Реквием, утверждающий, что тот, кто был, не может перестать быть.

Георгий Николаевич Горчаков прожил долгую интересную жизнь — 92 года. Он спокойно — тихо перешел в другой мир в 1995 году и со всеми почестями был похоронен семьей беев на муниципальном мусульманском кладбище Гаммарта. По мусульманскому обычаю надгробия должны быть максимально простыми, сдержанными, без фотографий, памятников и эпитафий. Но для Георгия Николаевича было сделано исключение. На его надгробной плите есть надписи на трех языках. По-русски с трогательными ошибками написано: Георгий Николаевич Горчаков — русский композитор и верный друг Туниса! По-арабски этот же текст. А вот по-французски целое философское изречение: «Для него источник творчества — все, что в мире имеет форму и цвет или вызывает размышления».

Как нужно было знать и любить Георгия Николаевича, чтобы так ёмко и красиво сказать о самом главном — источнике его творчества. Могила композитора находится в идеальном состоянии. Спасибо тунисцам за их дружбу, щедрость, верность и понимание, за то, что Горчаков не был забыт, ибо Тунис стал его родиной.

На мусульманском кладбище в Тунисе существует такая традиция: на надгробных плитах оставляют две выемки для воды и зёрен. Это угощение для птиц. Они считаются посланниками рая, символизируя души усопших. Их пение под куполом синего неба так мелодично и гармонично, что кажется, птицы поют по нотам.

P.S. *Эта замечательная история Натальи Купча имеет удивительное продолжение. Прибыв из Туниса с рассказом о секретаре Прокофьева, мне хотелось всем рассказать о Горчакове. Как Вы думаете, куда отправляться женщине после поездки? Ну, конечно, в парикмахерскую. Как человек верный, я всегда иду на 20 rue de la Glacière, к приветливым, очаровательным профессионалам Ольге и Даше. Выслушав рассказ, девушки странно переглянулись. — Ирина Прокофьева, жена внука Сергея Сергеевича, только что побывала у нас. Какое странное совпадение, — с удивлением произнесла Ольга.*

«Это судьба», — подумала я, сделав всё возможное, чтобы познакомиться с Ириной Прокофьевой и представить вашему вниманию рассказ, присланный ею, дополняющий предыдущую историю.

Людмила Маршезан

Марина РАХМАНОВА

ГРОГИЙ

«Грогий» — под именем таким фигурирует в Дневнике Прокофьева Георгий Николаевич Горчаков. Забавное имя пошло от искаженного произношения имени «Георгий» малолетним Святославом, сыном композитора. Горчакову это имя удивительно подходило.

Долгое время Горчаковым никто не интересовался, но по выходе прокофьевских Дневников эта фигура привлекла к себе внимание — и тут же оказалась окруженной массой разнообразных легенд. Во-первых, Георгий Николаевич прожил исключительно долгую жизнь: рожденный в 1903 году: он умер в 1992 году в Тунисе, где провел более полувека, начиная с военных лет. Во-вторых, человеком он был весьма оригинальным, употребляя характерное русское слово — «чудаком». В-третьих, Горчаков был постоянно работавшим композитором, число опусов которого приближается к полутора сотням. Музыка его при этом никому (или почти никому) не известна.

В 2008 году в Прокофьевский музей пришло письмо из Гренобля за подписью Галины Игнатьевны Хоткевич. Галина Игнатьевна сообщала, что она певица и уже полстолетия живет во Франции. Дальше следовало краткое изложение биографии Горчакова, с которым Хоткевич познакомилась и подружилась во время гастролей в Тунисе.

Затем сообщалось о книге Горчакова, посвященной Прокофьеву: «Рассказал он нам (мне и моему аккомпаниатору Жаку Хельмстеллеру) о своем черновике воспоминаний 10-лет с Прокофьевым, заказанных французским музыкантом Сержем Моро к какому-то юбилею». Это обширная, на 664 страницах, очень интересная эпопея, на французском языке. Мы с Хельмстеллером получили копию, но никакой издатель не берется ее издать. Завершалось послание следующим образом: «Что можно дальше сделать? Que faire ? Фер-то кэ?». Последнее выражение — цитата из эмигрантских рассказов Тэффи.

В отношении первых десятилетий жизни Горчакова совершенно достоверным являются его сохранившиеся и процитированные Н. П. Савкиным письма, адресованные Прокофьеву, а также записи в Дневнике композитора, сделанные непосредственно со слов Горчакова. Можно быть уверенным, что как убежденный последователь «Христианской науки», — а им Горчаков был с юности до последних лет жизни, — он не мог лгать даже в мелочах.

Первое письмо от Горчакова Прокофьев получил в 1924 году; в Париже Горчаков появился 13 ноября 1926 года — и произвел на Прокофьева впечатление настолько убедительное, что Сергей Сергеевич тут же взял его в секретари. В Дневнике подтверждается несколько фактов: Горчаков прибыл в Париж непосредственно из Кишинева; настоящая его фамилия — Попа, молдавского происхождения; отец Георгия пел в Большом театре в Москве под псевдонимом Горчаков и ходатайствовал о перемене неблагозвучной по-русски родовой фамилии; у Горчакова имелось два Георгиевских креста — «за Корниловский поход: мальчиком пятнадцати лет он отправился сражаться с большевиками и попал в самый жестокий “ледяной” поход».

Следует великолепный портрет, написанный Прокофьевым.

> «Он черный, держится немного угловато, по-солдатски… Три вопроса его интересуют в жизни: Christian Science, музыка и бой-скаутизм. <...> Мужчина серьезный, твердый и убежденный, хотя несколько странный, на многие вопросы отмалчивается. Не курит и не пьет вина и, вероятно, не знает женщин».

Когда смотришь на фотографии Горчакова поздних тунисских лет, видишь, что этот человек остался самим собой, таким, каким пришел к Прокофьеву в 23 года.

Из дальнейших записей в Дневнике Прокофьева ясно, что «угловатость» Грогия приводила порой к бытовым неурядицам (какую-то вещь забыл, что-то сломал), но работал он прекрасно и предан был Прокофьеву и его семье всей душой. А работа выпала нелегкая: Грогий «расхлебывал», по выражению Сергея Сергеевича, партитуры «Огненного ангела» и «Игрока», делал клавирное переложение «Скифской сюиты». Рукописный вариант партитуры «Ангела» — восемьсот страниц текста. Кроме расшифровки сокращенной партитурной записи Прокофьева, Горчаков писал под диктовку письма, позже Прокофьев диктовал ему свой московский дневник 1927 года. В доме композитора — будь то в Париже или на съемных дачах в летние месяцы — Горчаков трактовался как член семьи.

Так прошло около полутора лет. В мае 1928 года Грогий заявил о своем уходе, сославшись на болезнь («кровь горлом»). Жена Прокофьева выдвинула иную версию, изложенную Прокофьевым в Дневнике:

> «…мать хотела женить его на девице со средствами, но отец девицы не соглашался. Отсюда его разочарование».

Достоверность версии проверить невозможно, однако знавшие Горчакова в поздние годы иногда спрашивали о причине его всегдашнего одиночества, и он отвечал, что пытался однажды жениться, но дама «не одобряла его музыкальных занятий». К Прокофьеву Горчаков однако вернулся и стал работать «на полставки» (скорее всего, чтобы иметь больше времени для собственного творчества), периодически снова исчезая. Последняя запись о Горчакове в Дневнике Прокофьева относится к августу 1930 года.

> «Он собрался было в тропическое плавание — матросом на небольшом судне. Но накануне отъезда один из офицеров начал к нему двусмысленно приставать. Горчаков дал ему в морду, был посажен под арест, но ночью был выпущен товарищами и немедленно уехал в Париж. Здесь он не знал, куда устроится, пошел в наше издательство и, не задумываясь, поступил на единственную свободную вакансию: мальчика для вытирания пыли и разноски нот. Молодец. Я спросил:
>
> — Поступивши в мальчики, будете ли вы все-таки сочинять?
>
> Горчаков:
>
> — Постараюсь, жаль, чтобы такая биография пропала даром».

Ответ замечательный и, что самое главное, оправданный дальнейшей жизнью Грогия.

В 1930-е годы в Париже Горчаков работал нотным корректором в Издательстве Кусевицкого, много сочинял и даже кое-что публиковал; зарабатывал на очень скромную жизнь также перепиской нот и инструктажем новичков на речном судне, базировавшемся на Сене. В годы войны он пошел добровольцем во французскую армию, как

выдающийся полиглот попал в отделение французской разведки в Тунисе — для прослушивания радиоэфира. После войны остался в Тунисе, где после разных приключений (легенда: был арестован немцами, но бежал из заключения с помощью арабского мальчика, отдавшего ему свою одежду) и периода жестокой нужды (легенда: построил из обломков хижину на берегу моря, завоевал почтение местных жителей своим отшельничеством — ему носили еду как святому человеку), наконец, попал к местному бею как воспитатель-гувернер малолетнего племянника и потом остался жить в бейском дворце, занимаясь с молодежью следующего поколения и получая за это помещение, а также скромную пожизненную пенсию. Сначала, по рассказам, ему приходилось путешествовать пешком за много километров, чтобы поработать за пианино; затем скромный инструмент удалось приобрести, и сочинение пошло полным ходом — а равным образом писание стихов (французских, а также и арабских — и тем и другим языком он превосходно владел),занятие живописью (не то в «фовистском», не то в «абстрактном» роде), а также работа над упомянутой выше книгой о том человеке, который осветил всю его жизнь, — о Сергее Прокофьеве. Еще Горчаков, по рассказам, тренировал местных пловцов, сам совершал рекордные заплывы и занимался воспитательной деятельностью в местных детских колониях (пригодился, наверное, «скаутизм», практиковавшийся им в годы жизни во Франции).

С русской диаспорой, имевшейся в Тунисе, Горчаков не сближался, хотя отдельные ее представители все же им интересовались и были с ним знакомы. В частности, у Грогия стали появляться иногда Галина Хоткевич и ее аккомпаниатор, который увлекался фортепианной музыкой Горчакова: «Мы провели четыре хороших дня. Я даже

обалдел от своей музыки. Жак выбрал много моих пьес, сонат и т.д., сделал многочисленные копии, на которые потратил целое состояние».

Тогда же были выбраны три сочинения, изданные в Нёвшателе в дружественном издательстве «Editions resonances» (судя по письму, адресованному Л. И. Прокофьевой, хозяин издательства присутствовал и на концерте). Между прочим, в анонсе этого швейцарского издательства стоит и кантата на тексты «Книги мертвых», но в письмах Хоткевич упоминаются только три опуса.

Сам Горчаков отнесся к своим успехам трезво и скептически. Жизнь его по-прежнему проходила в одиночестве, которое повседневно разделяли только животные — собаки и особенно кошки. За полвека он один раз выезжал из Туниса — на короткий срок в Париж к Сержу Моро еще в пятидесятых годах. С книгой о Прокофьеве Горчаков связывал надежду — при удачной публикации — переселиться на склоне лет во Францию, но надежда, как уже говорилось, оказалась ложной. В 1985 году ему исполнилось 82 года. В письмах Хоткевич последующих лет он жалуется на разные старческие недуги:

> «Спина в дугу, трудно ходить, ревматизм в руках, вижу плохо (трудно играть даже свою музыку — не вижу, где диез и где бемоль). Да и сажусь за клавиатуру не каждый день и не более часа — что совершенно недостаточно».

И в другом письме:

> «…Зрение такое слабое, что не могу ни писать, ни читать нот. Играю часок в день, но только Скрябина, которого знаю наизусть или почти и пальцы сами лезут куда нужно на клавиатуре».

* * *

Достоверно известно, что все свое литературно-музыкальное наследие Горчаков завещал отдать в Национальную библиотеку Франции, и это было сделано.

В некрологе Горчакова, опубликованном в «Русской Мысли», написанном знавшим его человеком — французским дипломатом русского происхождения Кириллом Махровым, говорится:

> «…Георгий Николаевич продолжал сочинять: 4 симфонии, 32 сонаты… «Не мог же я написать больше, чем Бетховен», — то ли в шутку, то ли в серьезно говорил он. Духовная музыка и музыка на темы арабских и казачьих песен…»

Абсолютно точно можно сказать, что Горчаков — не графоман, а одаренный и технически очень грамотный автор. Сам облик его рукописей, их изящное и точное нотное письмо имеет прямую параллель в облике его писем Галине Хоткевич: богатая русская лексика, совершенно безупречные орфография и синтаксис, до последних лет — твердый, ясный почерк, оригинальность которого связана, мне кажется, с некоторой стилизацией под почерк Прокофьева, но стилизацией не прямой и не навязчивой.

Четыре стихотворения на слова Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, опус 133, 1982 год, — именно стихотворения, а не романсы, декламация примерно в стиле «Гадкого утенка», — странное, угловатое, неровное по языку сочинение; может быть, потому что автор хотел, чтобы музыка была понятной первой исполнительнице цикла и адресату посвящения, то есть Галине Хоткевич,

которая, явно не была «продвинутой» исполнительницей музыки XX столетия (о чем свидетельствуют ее пометы в нотах). Меня более всего тронуло, что в трех из четырех стихотворений речь идет о снеге, о приближающейся зиме. Ясно, что означает символ «зима», когда автору за 80 лет. Не знаю, бывает ли когда-нибудь в Тунисе снег — кажется, очень редко выпадает. Все же, сколько лет не видел Горчаков настоящего снега!.. Но он помнил снег, и это както проступает в музыке. Вдруг, среди всяких изысканностей, появляется «Музыка» на стихи Ахматовой в откровенно дифирамбическом стиле, в откровенном До мажоре — опять-таки мажоре странноватом, не банальном. В последнем стихотворении, на стихи Цветаевой, озаглавленном «Ахматовой» («О муза плача…»), — еще одна неожиданность: на строках «В певучем граде моем купола горят, и Спаса светлого славит слепец бродячий» — широкая тема, мажорный перезвон и маленькая, на полтора такта, квазицитата пения «слепца».

Самое убедительное, на мой вкус, сочинение (хотя и «Гимны» мне очень нравятся) — последнее, опус 136, 1983 год: Вариации на русскую песню (chant russe) для фортепиано. Происхождение темы я не сумела разгадать: в ней есть песенность, несомненно, русская, но ни с чем мне известным тема не совпадает. По типу она похожа на прокофьевскую обработку «Снежки белые» из опуса 104. Наверное, тема могла быть и сочиненной. Вариации написаны в сложной, богатой фортепианной фактуре, и стилистическая направленность, эмоциональный тон их, как всегда у Горчакова, в какой-то мере прокофьевский, но также и рахманиновский, — а не скрябинский, как можно было бы ожидать от музыканта, играющего всего Скрябина наизусть (впрочем, фактурные приемы скрябинские наличествуют). Рахманиновский лиризм, рахманиновская

«безбрежность», рахманиновская колокольность, едва ли не похоронный звон в шестой вариации (Lugubre), в девятой — прямая интонация из Рахманинова, а через несколько тактов — уж точно церковное песнопение, короткое — всего четыре такта.

* * *

Я сознательно старалась избегать в этом тексте темы отношений Горчакова с Прокофьевым, а также пересказа воспоминаний Горчакова о Прокофьеве по фрагментам из его книг, по статье Ноэль Манн и из его писем Сержу Моро, опубликованным по-английски в том же номере «Three Oranges». Но все же кое-что об этом следует сказать.

Горчаков писал:

> «Я никогда не забуду мою первую встречу с Прокофьевым, ту минуту, когда он вошел в мой гостиничный номер. Я почувствовал некий электрический разряд, такую сияющую энергию молодости и жизни он излучал. Первая моя мысль была «Огненный ангел!».

В заключение — два фрагмента из текстов Горчакова о Прокофьеве:

> «У меня нет доказательств того, что Прокофьев остался верен «Христианской науке» после возвращения в СССР. Однако, некоторые из его замечаний в письмах к Астафьеву, жаловавшемуся на наступление старости, или к Эйзенштейну в его последние дни, а главное, титаническая борьба, которую Прокофьев выдерживал в последние восемь лет своей жизни, сражаясь с собственной болезнью и отстаивая

свое право творить и создавать, — все это может быть истолковано как доказательство, что Прокофьев, член партии и кавалер ордена Красного Знамени (простим Горчакову эту неправду — он в ней не виноват!— М.Р.), оставался до последнего своего часа пламенным сайентистом».

«Я действительно люблю Прокофьева, и когда я вижу его слабости, они возбуждают во мне нежность и я стараюсь найти им оправдание».

Елена ЛЕНЁВА

Кандидат педагогических наук, автор ряда научных статей и учебных пособий по проблемам театра, режиссуры и актёрского мастерства. Писатель детективных романов. С 2001-го года живёт и работает во Франции, а последнее время «на две страны». Пятнадцать лет назад Елена написала первый детектив, «героем» которого стал Шартрский собор. С тех пор писательское творчество увлекло и стало основным видом деятельности. В своих романах Елена рассказывает о той или иной стране, в которую помещает своих героев: итальянскую Тоскану, на Мальтийский архипелаг, в Нью-Йорк, Перу и Мексику, Баварию, Шотландию и, конечно, любимую Францию, а также в другие исторические эпохи. Надо отметить, что это не простые сюжеты с убийствами и криминалами, автору интересны философское осмысление действительности, исторические параллели и психология!

ПРОЛОГ

Из дневника Ноэля Кареля

23.06.1996, вечер 23 часа 30 минут. Санкт-Петербург.

Я все еще здесь. В городе на Неве.

В пятницу и субботу ничего выдающегося не происходило (рутина!): поездки в лаборатории, общение с инженерами и технологами.

А сегодня произошло замечательное событие: я встретил *Ее*. Совсем не зря я отказался от русской бани и вечеринки с друзьями в пользу прогулки по городу. Бывший Ленинград, ныне Санкт-Петербург или, как его называют местные, Питер производит двойственное впечатление: уникальная архитектура и великолепные памятники — с одной стороны, и унылость и обшарпанность — с другой. Да, работы русским предстоит много, город надо приводить в надлежащий вид.

Пройдя километра два по Невскому, я решил завернуть на набережную канала Грибоедова (был такой русский писатель и дипломат), где продают разные народные сувениры; здесь я задержался и накупил свистулек и две матрешки. Затем пошел в Екатерининский сад: там собираются уличные художники. Они бывают в саду и по будням, но в воскресенье их особенно много. Еще больше зевак и туристов. Захотелось посмотреть на работы питерских живописцев. Промелькнула мысль: «Почему бы ни сделать свой портрет? Будет отличная память о северной столице России».

Иду, присматриваюсь к портретистам и их работам. Кому-то из них удается схватить «натуру», кому-то не очень. Около художника-шаржиста ажиотаж. Мне такая манера рисования не нравится, однако собравшиеся, видимо, не разделяют моего мнения: очередь «за портретами» и бесшабашное настроение, визги и пляски окружающих привлекают остальных прохожих. Надо сказать, что парень рисует лихо! И шаржи выходят милыми, смешными и необидными.

Прохожу дальше. Слышу английский язык. Американцы. Их манеру разговаривать и своеобразный (не британский) акцент я хорошо знаю. Молодой американец позирует художнице. Переговаривается со своей спутницей, стоящей напротив. Она заглядывает через

плечо художницы, причмокивает языком и показывает большой палец вверх. Ей нравится, как девушка рисует. Мне тоже нравится.

Я останавливаюсь. Наблюдаю, как она работает. Смотрю на портрет и на «натуру». Сходство потрясающее. Но есть еще что-то в портрете, кроме сходства. Какая-то магия. Наконец, я обращаю внимания на саму девушку-художницу. И уже не могу оторвать от нее взгляд. Она не все время рисует, иногда задумывается и так мило наклоняет голову, как будто размышляет: так взмахнуть кисточкой или эдак. Потом снова рисует, покусывая нижнюю губу.

Charmante! Très charmante!

Не могу сказать, что она красавица. Очень приятная, да. Но в России столько красивых женских лиц! Глаза разбегаются… одна другой краше. Эта совсем другая: трогательная в своей простоте. Зеленоглазая русая девушка с типично славянским лицом. И талантливая. Таким, каким она увидела американца, это... я бы сказал, что она вытащила из него все потаенное. Он смешлив — а на портрете глаза отчего-то грустят, и полуулыбка намекает, что «натурщик» на самом деле не так-то прост и открыт, каким хочет казаться. У американца светлые вьющиеся волосы до плеч — а на портрете шевелюра темнее и короче. В общем, американец получился красивым, эффектным и скрытным.

Когда он увидел свой портрет, он даже как-то растерялся, сказал девушке, что она не только талантливый художник, но и хороший психолог. Она не совсем поняла его быструю американскую речь, наверное, восприняла его слова не как похвалу, а как недовольство и расстроилась. Но он заверил ее, что очень доволен, и добавил к оговоренной сумме чаевые.

Пока они разговаривали, я уселся на стул для натурщиков. Интересно, каким она увидит меня?

— О, француз! — засмеялась девушка. — Вчера у меня уже был француз. Из Бордо. А вы откуда?

— Я бретонец. Но сейчас живу в Париже. А вы прилично говорите по-французски.

— Учила в школе. Потом выбрала французский в институте. Но, знаете, я все равно путаюсь в артиклях, — она смеялась, — и еще м-м-м… как сказать… вот, например, кисточка, — она подняла кисточку, которой рисовала портреты, — у нас женского рода, а у вас мужского. Или, вот, полотно. У нас среднего рода, а у вас женского, — она снова рассмеялась. — Еще картина. Ну вот скажите, как может быть картина мужского рода? А? «Ан табло»! У вас «табло» — картина — мужского рода. Это же невозможно запомнить.

— Но вы отлично справляетесь.

— Приходится.

Я все время улыбался. Мои губы были, как будто натянуты к ушам. Мне так нравился ее милый разговор!

— Так… — она задумалась. — Для вас черный цвет не подойдет. Пожалуй, коричневый! Да, это будет в самый раз.

— А как называется техника, в которой вы рисуете?

— Су-ухая кисть… — протянула она медленно. Она уже начала набрасывать контуры, и я понял, что дальнейшие вопросы будут ее отвлекать.

Пока она рисовала, пришло осознание: я влюбляюсь в эту русскую художницу. И понимаю, что хочу ее забрать с собой во Францию, хочу с ней жить, иметь детей. Не знаю, обрадуется ли Филипп, родители… Но это не имеет значения. Любой ценой! Она мне нужна.

«Послушай, дружище… — ворчал мой внутренний голос. — Ты готов жениться на незнакомке?» — «Почему нет? — отвечал я ему. — Что в этом плохого?» — «Но ты ничего о ней не знаешь». — «Я узнаю». — «Она тоже ничего о тебе не знает. У тебя сын и… тяготеет странная

смерть Амели. Ты не справишься». — «Ах, оставь!» — «А как же Амели? Она всегда с тобой…» — «Прошло пять лет. Пора начинать новую жизнь».

Так я вел диалог сам с собой, пока она рисовала мой портрет.

— Как вас зовут, мадемуазель?

— Анна, — просто ответила она, прикусив губу и сосредоточившись на какой-то детали.

А между тем около нас проходили люди и обязательно задерживались, поглядывая на портрет и на меня, натурщика. По их удивленным и восторженным лицам (какая жалость, я плохо понимаю русский язык) я догадался, что мой портрет вызывает неоднозначную реакцию. Интересно почему? Что такого она увидела во мне?..

— Я закончила, — вдруг сказала Анна.

Жаль, потому что я готов был позировать всю ночь. Тем более, что июньские ночи в Санкт-Петербурге белые.

— Э-э-э… прежде чем я увижу свой портрет, я хотел бы вас пригласить на ужин. Сегодня вечером.

Анна, видимо, не совсем поняла, что я сказал, и мне пришлось повторить.

— А если я откажусь, вы не расплатитесь за работу?

— Как можно? Конечно, расплачусь.

— Я не знаю… Я не привыкла так.

— Почему? Что плохого в том, что мужчина приглашает девушку на ужин?

— Хорошо, я соглашусь, если… только ужин. — Она была смущена и подбирала слова. — Если вы рассчитываете на большее, то — нет.

— Только ужин! — робко подтвердил я. Честно говоря, в тот момент я и не предполагал чего-то большего.

Моя невольная растерянность ее позабавила.

— Ладно, — улыбнулась она. — Завтра. Сегодня я еще немного поработаю.

— Но уже ночь.

— Белая ночь. Я люблю работать в это время.

— А где я вас завтра найду? — озадаченно спросил я. Вдруг она не придет?

Мой испуганный голос снова ее развеселил.

— Здесь. Приходите в семь вечера. Завтра понедельник, будет не так много желающих позировать.

— Я приду.

— А портрет свой вы забирать будете?

— Естественно!

— Тогда смотрите. Вот, месье, ваш портрет.

Сначала мне показалось, что это не я. Анна пошутила и показала мне кого-то другого. Я был ошарашен, смотрел на портрет и прозревал: это я! Только другой. Непохожий и одновременно истинный «Я».

Видя мое удивление, Анна озадаченно спросила:

— Вам не нравится?

— Нравится, — глухо ответил я. — Я впечатлен. Анна, вы настоящий художник.

Я достал из портмоне рубли, начал считать. Кажется, у меня не хватало. Надо было больше взять наличных. Но в городе криминальная обстановка, позавчера у одного нашего коллеги свистнули кошелек. В другом отделе портмоне лежали франки. «Возьмете франки?» — «Да, у нас меняют, спасибо».

А к ней уже подсела девушка. Совсем молоденькая, наверное, школьница. С огромными синими глазами, каштановыми волосами, собранными в узел. А потом она распустил волосы... Ох! Красивая. Очень красивая девушка. Она какое-то время следила за работой Анны, пока та меня рисовала, потом открыла свой блокнот и делала наброски карандашом. Мне показалось, что синеглазка тоже художница. Они о чем-то переговорили, и Анна начала ее рисовать… Возле них крутились молодые парни. Мне ста-

ло завидно: парни были веселые и беззаботные, молодые и привлекательные. В свои тридцать три я выглядел стариком по сравнению с ними. Я решил, что на этом празднике жизни я лишний…

Какое все-таки чудо — эти белые ночи! Смотрю в окно: крыши Санкт-Петербурга. Невдалеке виден купол Исаакиевского собора. А передо мной — портрет незнакомого меня. На рисунке заурядный человек невыразительной внешности. Только глаза! Анна разглядела, что внутри этого неприметного человека бушуют страсти. Неужели я такой и есть?

Значит, мне предстоит большая работа, чтобы завоевать эту девушку. Моя неброская внешность ее не впечатлила, это понятно. И вряд ли здесь, в *своем городе*, она сможет разглядеть во мне нечто более важное, чем внешность. А вот в Париже! В Париже я смогу покорить ее сердце. В Париже нет белых чарующих ночей, но есть нечто иное — парижский шарм. А еще я покажу ей Бретань. И многое другое. Необходимо время…

Два часа ночи. За окном светло. Удивительный город! Удивительные люди, непохожие на нас, французов. Здесь много красивых лиц; русские немного наивные, гостеприимные и открытые, но, если им что-то не нравится, они говорят об этом прямо. Даже сердятся. Кажется, что они проявляют агрессию. Но это не так, это просто их сущность: и радоваться, и проявлять недовольство открыто. В Париже так себя вести не принято.

Глаза слипаются. С мыслью о русской художнице Анне я засыпаю. Завтра мы увидимся снова…

Людмила МАРШЕЗАН

Родившись в Харькове, 25 июня XX века, росла любознательной, с удовольствием училась. Получив разные дипломы, занимала ответственные должности, блистая безответственными наградами. Только во Франции изменилась моя жизнь. Неизгладимое впечатление на меня произвели слова Св. Павла: «Если я имею дар пророчества и всю веру, что могу и горы передвигать, а не имею любви — то я ничто». Поняв, что только ЛЮБОВЬ может изменить мир, я стала ангажированным автором, отбросив акробатику ненужных слов, стремлюсь «вакцинировать» читателей любовью и человечностью.

ШПАГИ ЗВОН И ЗВОН МЕДАЛЕЙ ПОТОМКА АЛЕКСАНДРА ДЮМА

Уходят короли, бегут года…
У них, у королей, судьба своя,
Но Франция жива и ой-ля-ля,
И живы мушкетёры короля!

Впервые не стадион, а Сена послужила сценой для церемонии открытия в Париже Олимпийских игр 2024 года. Сказочно-исторический спектакль ошеломил и развеселил ту часть планеты, где процветает демократия и свободное телевидение. Если критики шедевров Льва

Рис. Галины Бларэ

Николаевича Толстого обвиняли автора в отсутствии чувства юмора, то в феерическом олимпийском шоу смелый и провокационный французский юмор бил фонтаном. Даже небо, растрогавшись до слёз, освежило публику ласковым дождиком. Город-праздник Париж вновь признали столицей мира, где так вольно шутит человек. Ведь свобода, равенство, братство, толерантность, солидарность — основные черты прекрасного лица Франции, а девиз мушкетёров: *Один за всех и все за одного* — продолжает жить и не только в романах Александра Дюма.

Кстати, Дюма-отец был не только знаменитым романистом, драматургом, журналистом, кулинаром, путешественником, но и физически сильным человеком, отличным пловцом. Жорж Санд назвала его «гением жизни», а биографы — «гением любви». Романтический список любовниц Дюма-отца до сих пор потрясает знатоков трёхзначной цифрой — пятьсот! «Гений любви» объяснял ситуацию человеколюбием и милосердием: «Если бы у меня была только одна женщина, то она умерла бы через неделю». Сколько внебрачных детей он оставил — неизвестно, признав с семилетним опозданием сына Александра, ставшего тоже знаменитым писателем и драматургом. Конечно, дорогие читатели, вы всё отлично знаете о Дюма-отце и сыне, а вот как проявился их гений в потомках?

Насладившись рецептами «Большого кулинарного словаря» Дюма-отца и узнав об открытии им в центре Парижа первой шашлычницы — результат путешествия по Кавказу, — я была почти уверена, что найду потомков

Дюма среди звёзд французской гастрономии. Но, увы… На кухне повезло только английскому писателю Джорджу Оруэллу (1903–1950). Сюжет «Скотного двора» пришёл к нему в 1928 году в Париже, когда Оруэлл мыл посуду в ресторане пятнадцатого округа. Ему осталось самая малость — написать роман-сатиру и стать знаменитым.

Олимпийские игры 2024 года в Париже подтолкнули меня к поиску Дюма-потомков вдали от гастрономических удовольствий. Сев за штурвал «машины времени» — компьютер, я отправилась вперёд — в прошлое!

Милые читатели! Если в вашем воображении мелькнули мушкетёрские плащи — вы на правильном пути. Это совершенно логично, что потомок Дюма, естественно, по имени Александр, был ловким фехтовальщиком-шпажистом. В 1908 году в Лондонских Олимпийских играх он завоевал золотую медаль в составе французской сборной и серебряную — в личном первенстве, а на Олимпийских играх 1920 года в Антверпене Александр снова становится «князем серебряным». Золото ему принёс Париж на Олимпийских играх 1924 года.

Вы уже догадались, что этот доблестный «мушкетёр» и есть правнук Александра Дюма-отца и внук Дюма-сына.

Как тут не вспомнить известную в СССР студенческую песенку неизвестного автора:

Но Франция жива и ой-ля-ля,
И живы мушкетёры короля!

Об этом свидетельствует памятная табличка на доме 1 rue du Bac вблизи набережной Сены: здесь жил капитан-лейтенант мушкетёров Людовика XIV д'Артаньян, погибший при осаде Маастрихта в 1675 году. Александру Дюма удалось подарить ему бессмертие и д'Артаньян завоевал сердца не только французов, но и всего мира.

Вот так, через вёрсты и поколения, продолжает жить гений Дюма. Самое удивительное в его жизни — сама жизнь. Александр Дюма-отец (1802–1870) с запоминающейся внешностью, неугасимым хулиганским мальчишеством и духом авантюриста, восхищал весь Париж своей щедростью. Он содержал не только всех своих родственников, но и друзей, любовниц, бездомных собак. Виктор Гюго, любивший проводить с ним время, записал: «Он оригинален и неповторим».

Александр Дюма-сын (1824–1895) был совершенно другим человеком: глубоко чувствительным, склонным к страданиям ради любви, размышляющим о столкновении искренних чувств с социальной реальностью, мечтающий прожить правильную жизнь. Несмотря на восхищение друг другом и большую нежность, Дюма-сын писал: «Мой отец — большой ребёнок, я понял это, когда был маленьким».

В театре на просмотре пьесы Дюма-сына отец, сложив свои большие руки на животе, обтянутом жилетом цвета бедра испуганной нимфы, хохотал, хлопал в ладоши и отпускал комплименты актёрам во время спектакля. Жорж Санд, наблюдая за поведением отца, написала сыну: «Нелегко стать отцом своего отца».

Однажды в литературном салоне Дюма-сын испытал наслаждение от взгляда невысокой и даже не очень красивой женщины. Она смотрела в его глаза прямо и беспощадно. Александр оценил любопытное и прелестное ощущение быть захваченным роковой женщиной. Это была русская аристократка Надежда (Надин) Нарышкина (1826–1895). Злые языки поспешили сообщить ему, что за этой светской львицей ухаживает брат Наполеона III, и вообще — «пути Нарышкиной неисповедимы». Но мы всё-таки пройдёмся хотя бы по тропинке её жизни. Надежда Ивановна Нарышкина (в девичестве Кнорринг),

единственная дочь состоятельных родителей, выросла непокорной и неукротимой. Рано выскочив замуж за представителя одной из знатнейших русских фамилий Александра Григорьевича Нарышкина, родив ему дочь, посчитала свой супружеский долг выполненным и с энтузиазмом нырнула в светскую жизнь. Надин отличалась хорошей дикцией, умением вести беседу и очаровательной особенностью, не позволяющей ей забывать мужа, выбирая любовников по имени Александр. Её смелые, оригинальные фразы сводили с ума: «Любовь — это всегда безумство», — утверждала Надежда, не подозревая, что вскоре она испытает и это чувство. В 1850 году, познакомившись с Александром Сухово-Кобылиным, самоуверенным красавцем с донжуановскими замашками, Нарышкина потеряла голову и всё остальное. Забыв мужа, ребёнка, наплевав на осуждение и устои общества, ей удалось не только войти в историю, но и вляпаться в уголовное дело. Суть состояла в том, что Сухово-Кобылин привёз из Парижа очаровательную француженку Луизу, поселив её в роскошных апартаментах, где ей прислуживали его крепостные. Луиза быстро узнала о связи своего возлюбленного с Надеждой Нарышкиной. Сгорая от ревности, она стала выслеживать любовников. В скором времени француженку нашли мёртвой с перерезанным горлом. Под подозрение попали Сухово-Кобылин, его крепостные и Надежда Нарышкина, которой удалось сбежать в Париж, будучи уже беременной от любовника. Пока Александр Сухово-Кобылин сидел в тюрьме и от нечего делать написал свою самую популярную пьесу «Свадьба Кречинского», Надин родила ему во Франции дочь, назвав её Луизой, в память о погибшей француженке. Криминальная история расследовалась в России семь лет и зашла в тупик. Сухово-Кобылин и крепостные крестьяне были признаны невиновными, но Нарышкину

это уже не интересовало. Хищница любви, вовсю блиставшая на парижском небосклоне, покорила сердце Александра Дюма-сына, разрушив его мечту о праведной жизни. Вулкан страстей закончился беременностью Надин, которая по-прежнему была замужем за Александром Нарышкиным, не дававшим ей развода. Дюма-сына это угнетало. Он не только не мог жениться на Надежде, но не имел права признать свою дочь, которая родилась 20 ноября 1860 года. Не трудно догадаться, что имя ей было дано Александрина, но в семье её называли Колетт.

В течение четырёх лет отец малютки значился как «неизвестный», а мать зарегистрировалась под вымышленной фамилией. Девочка росла прехорошенькой и очень одарённой. С детства Колетт в совершенстве говорила на русском, французском и немецком языках. Дедушка, Дюма-отец, не чаял в ней души, умиляясь, что внучка в четыре года читала молитву перед сном на трёх языках.

В 1864 году Александр Нарышкин покинул этот мир, и родители Колетт получили возможность зарегистрировать свой брак (совершенно секретно) и официально задекларировать свою дочь. Александр Дюма-сын привил девочке тонкий художественный вкус и ввёл в литературные круги Парижа. Это было совершенно естественно для Колетт, которая уже в детстве сидела на коленях у Виктора Гюго.

Хорошенькая девочка Колетт, превратившись в прекрасную даму, вышла замуж за Мориса Липпманна (1847–1923), подарив ему сына Александра. Так, имя великих предков передавалось из поколения в поколение. Александр восхищался матерью-Колетт Дюма, которая с детства приучила его к свободе поиска и свободе самовыражения. Она растила его победителем. И он стал

им — фехтовальщик-шпажист Александр Липпманн (1881–1960), неоднократный призёр и чемпион Олимпийских игр.

Ведь Франция жива и ой-ля-ля,
и живы мушкетёры в ней всегда!

Но это ещё не конец истории. В Пантеон, образец французского классицизма, где на фронтоне начертано: «ВЕЛИКИМ ЛЮДЯМ — БЛАГОДАРНАЯ РОДИНА», к 200-летию со дня рождения Александра Дюма-отца, французы единодушно решили перенести его прах. Из Villers-Cotterêts, маленького городка, расположенного в ста километрах от Парижа, где родился и был похоронен великий писатель, почётный кортеж доставил гроб с прахом в замок Monte-Cristo. Всю ночь, вместо чтения Библии, известные современные писатели и актёры декламировали произведения Александра Дюма. Утром центральный салон замка, где стоял гроб, утопал в цветах. Тысячи почитателей пришли выразить свою любовь. Четыре мушкетёра в синих плащах сопровождали катафалк в Париж, где народного любимца встречала сама Франция, вернее её символ — Марианна на белом коне.

Зрители, стоящие на тротуаре вдоль улицы Суффло, ведущей к Пантеону, словно давая присягу верности, подняли над головами книги Александра Дюма на разных языках мира. Было трогательно до слёз. Многочисленная группа актёров сумела изобразить публике главные черты характера Дюма: человека свободы, человека желаний, человека гения жизни.

Гроб покрывал не французский флаг, как обычно, а синий бархат цвета мушкетёрского плаща, на котором серебром было вытканно: *Один за всех и все за одного!*

Дюма-сын

А.Липпман

А. Нарышкина

Дюма-отец

Колетт

Валентин НАССОНОВ

Родился в день космонавтики на берегу Чёрного моря в городе-герое Новороссийске. В 1984 окончил Гнесинское музучилище. Служил один год в образцовом оркестре ВМФ в Москве. В 1986 поступил в Институт им. Гнесиных на классический духовой факультет, откуда через год был изгнан. В 1987 побывал в Америке и по возвращении в Москву создал джазовый оркестр, играющий на улице. Летом 1991 года коллектив гастролировал в Швейцарии. В этом же году трое вернулись в Москву, а трое перешли речку и попали во Францию.

СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА

Субботний вечер не предвещал ничего кроме «телезаппинга» на канапе и то при условии, что жена не будет вякать, отстаивая право на обладание «телекомандой». Начинался ежевечерний тупейший телесериал, повторяющийся впрочем и с утра, дабы обыватель, не дай Боже, не пропустил эпизод. Валёк в полудрёме нащупал мелодично запищавший мобильник.

— Привет Андрюха! Как дела?.. 200 евро? Конечно!!! В 8 часов?.. С Хвостом?![1] Булонский лес, ресторан «Pré Catlan». Еду!

[1] Алексей Хвостенко (1940–2004), поэт-авангардист, автор песен.

Жена недоумённо ждала объяснений.

— Да вот, Андрей — басист, предлагает поиграть на ужине для какого-то русского за 200 евро.

Колючки в глазах жены притупились:

— Tu pars maintenant? — Oui!

— Well, You Needn't (тебе это не нужно) — беззаботно насвистывал Валёк, въезжая в Булонский Лес. На светофоре тормознуло такси, в котором, о чудо, сидел Андрей. Друзья счастливо расхохотались. В тенистой аллее в глаза Вальку бросились две малолетки, сидевшие на скамеечке и бесстыдно раздвинувшие свои прелестные ножки в чёрных чулочках, что впрочем не испортило виртуозного пассажа Майлса Дэвиса, раздавшегося из магнитофона.

Припарковавшись, в сопровождении халдея, друзья проследовали в «Зазеркалье». Всё здесь дышало Версальской помпезностью. Украшенные золотой лепниной стены до самых потолков отражались со всех сторон в громадных позолоченных зеркалах, удивительно раздвигая пространство, в центре которого на лакированном столе с витиеватыми ножками стоял громадный букет в серебристой вазе, по размеру напоминавшей больше бадью, хотя и искусно выполненную. Войдя в банкетный зал, разделённый на две части, друзья увидели на небольшой сцене настраивающихся музыкантов.

Хвост, Батусов и какой-то парнишка с домрой тщетно пытались усмирить свистящий микрофон. Рядом ни на что не обращающий внимания молодой человек программировал «клавиши — самоиграйку» к предстоящей дискотеке. Его красивая длинноногая подружка дефилировала взад-вперёд с напускной озабочённостью, скрашивая досуг окружающих. Официанты и музыканты, как по команде, обрывали фразы на полуслове при её появлени-

ях, намагниченными взглядами изучая задние карманы её модно-потёртых джинсиков, вопиющих о скрытых в них лакомствах.

После коротких, но тёплых приветствий музыканты настроили инструменты и бросали теперь взгляды в сторону столов, уставленных яствами и разноцветными бутылками. Вечер явно задался!!! — решили все дружно.

Тут подошёл молодой человек, представившись Олегом. Он сказал: «Мужики, известный авторитет отмечает юбилей 25-летия свадьбы, так что — осторожно!»

Тем временем появился виновник торжества. В сопровождении молодой супруги и совершеннолетнего сына он, приятно улыбнувшись, поприветствовал присутствующих и, приняв поднесённые подарки, пригласил всех к столам. Это был элегантно одетый мужчина лет шестидесяти, довольно молодо выглядевший. На этом официальная часть была окончена, и гости проследовали в банкетный зал, занимая места согласно табели о рангах. Музыкантам выпала честь оказаться за столом юбиляра!

Первым слово взял массовик-затейник Олег. Это был длинноволосый блондин среднего роста, радостно отвесивший несколько дежурных шуток — прибауток и, к удовольствию большинства, предложивший поднять первый тост за Леонида и его верную спутницу жизни. Музыканты не заставили себя долго упрашивать: осушив бокалы, приступили к закускам. Это был изыск! Версальское великолепие в славных традициях Людовика XIV!!!

Музыканты торопливо услаждались, понимая, что скоро на сцену. Там, отдуваясь за всех, трудился пианист. Его длинноногая подружка, теперь облачённая в вызывающую мини-юбку, излагала песню о Саммер Тайме.

Между тем слово взял юбиляр. Он рассказал о дне счастливого знакомства. Не торопясь, он освещал все 25

лет своего брака. Его речь начала вызывать лёгкие спазмы в локтевых суставах присутствующих, державших наполненные фужеры. Гости украдкой подавляли зевоту. Вот тут-то всё и началось...

— Короче!!! — раздался старческий дребезжащий тенорок Хвоста, сидевшего по левую руку от говорившего с большим проникновением «хозяина». — Давайте уже пить!!!

Во внезапно наступившей тишине послышалось чьё-то нервное сглатывание набежавшей слюны и громкий стук бокала, поставленного на стол озадаченным авторитетом. Его побагровевшее лицо медленно повернулось налево. Глаза, превратившиеся вдруг из сладко-мечтательных в испепеляющее-пожирающие, упёрлись в скоморошью бородёнку Алёши Хвостенко… Тот, опомнившись, весь скукожился, отчего приобрёл полное сходство с каким-нибудь школьным шалуном и, виноватым взглядом окинув окружающих, хихикнул, потом потупился и, мелко трясясь, закашлялся. Охранники по периметру зеркального зала синхронно запустили правые руки в кобуры под пиджаками, но были успокоены взглядом босса.

Положение спас Олег. Он быстро натянул на губы милейшую улыбку и, как Табаки к Шерхану[1], подполз под левую руку багрового юбиляра, чем, несомненно, избавил поэта от неминуемой и скоропостижной расправы. Спокойствие восстановилось, а ребята по периметру убрали руки из подмышек.

Ужин плавно перетёк в десерт. Все уже забыли об инциденте, и даже босс сыпал теперь анекдотами, стараясь не меньше ответственного за эту часть Олега. Тут вспомнили и о приглашённом поэте, начинавшем уже засыпать. Дискотетчик, уступив место на сцене, отправился за за-

[1] Герои из повести Киплинга «Маугли» — шакал и тигр.

служенным рационом к угловому столику, где его поджидала подружка, а Хвост, покачиваясь, поплёлся к микрофону… Поднимаясь на сцену, он запнулся в проводах и чуть было не упал. Благо рядом уже находились Батусов и Андрей, подхватившие поэта под белы рученьки и установившие его перед микрофоном.

Олег представил гостям Величайшего Поэта Современности и вернулся к столу. Зазвучал медитативный речитатив Андреевского баса. Ему удавалось цеплять на открытых струнах ещё и аккорды, отчего возникала иллюзия путешествия в Индию. В ритмичную гармонию мягко влилась засурдиненная мелодия трубача. Гитарист тряс бубен, домрист, как мог, качал ориентальный гармазон. Правда, Женю-домриста всё время сносило на частушечный перебор и тремоло, что впрочем, никого не смущало, ибо выпито и выкурено уже было немало.

Наконец-то вступил Хвост! Он, подобно мулле на минарете, изрёк истину: «Скоро все помрём» Веселья в зале как и не бывало. Лица гостей вытянулись, взгляд юбиляра снова омрачился. Олег, засновав перед сценой и тщетно вызывая огонь на себя, егозил мелким бесом, пытаясь привлечь внимание декламирующего с упоённо-закрытыми глазами Хвоста.

Первым отреагировал Андрей. Он вдруг щёлкнул «слэпом» по самой толстой струне и перешёл на «дубль темп», то есть заиграл в два раза быстрей и интенсивней. Хвост очнулся и замолчал. Валёк застрекотал в микрофон засурдиненным Майлсом, а Батусов, бросив бубен, схватил гитару и стал чесать блатными аккордами. Женя же пилил, как и прежде на домре свои частушки — у народников свой подход. В общем, кода получилась довольно живой, несмотря на навеянную тоску. Подоспевший Олег попросил всех вернуться к столу и больше ни о чём не бес-

покоиться. Бедняга жутко волновался. В общем, получилось прямо по Бабелю: «Дорогие гости! Выпивайте и закусывайте, пусть вас не беспокоят эти глупости!»

Все уже покинули сцену, когда трубача осенило. Подойдя к микрофону, он, нисколько не удовлетворяясь музыкальными потугами, решил сделать объяву в обычном советско-кабацком стиле: «А теперь для наших дорогих гостей из солнечного Магадана прозвучит этот музыкальный подарок, песня «Зачем я маленьким не сдох?!»

Почему он это сделал, никто не знал. Видимо, грусть и неудовлетворённость нереализованного потенциала накопившейся энергии толкнули его на шалопайский поступок, дабы хулиганской песенкой разрядить тяжёлую атмосферу, навеянную похоронной рагой шамана.

Подлетевший ястребом Олег прошипел, вырывая микрофон: «Ты что...?!! Чудак!!! Пшёл вон!» Он, ежесекундно оглядываясь на патрона, ухитрялся придавать учтивое выражение, как бы оправдываясь: «Не извольте беспокоиться, всё будет улажено!» Поспешно дожёвывая, пианист в сопровождении певицы зарядил в клавиши свежую песню и зазвучал вечный Саммер Тайм. Красотка приятно запела. Ненаигравшийся трубач грустно поплёлся к столу, где ребятишки дружно налегали на напитки. Хвосту уже не наливали...

Гости, между тем, выбравшись из-за столов, приступили к танцам. Удивляли некоторые умельцы: с русской удалью и бесшабашностью они выписывали кренделя, зажигая по-полной. Среди прочих выделялась молоденькая красавица. Своей грацией и красотой она приковала к себе взгляды окружающих и некоторых до сих пор жующих, придав вечеринке очарование.

Опустошив стакан, Валёк скрутил самокрутку, смачно затянулся, и решение пришло само собой: «Щас спляшу!» Он оказался напротив красавицы, премило улыбнувшей-

ся ему, и зажёг с ней умопомрачительный эротическолирический танец. Окружающие и жующие замерли в оцепенении… В этот момент чувство невыразимой ноющей тоски наполнило сердце музыканта. Снова подбежал Олег и прошипел в ухо: «Отвали от дочки Хозяина!!!» Спорить не хотелось, и музыкант покинул милую девушку в полном разочаровании.

Оставалась последняя и, вероятно, труднейшая задача — получить деньги. Не сговариваясь друзья бросились на поиски исчезнувшего внезапно массовика-затейника. Поймали его в саду. Он распределял места в миниавтобусе. Этот процесс показался Вальку нарочито долгим, поэтому он задал вопрос в лоб: «Где деньги?»

— Какие деньги? Козёл, скажи спасибо, что тебя ещё не убили!

Такой выпад обескуражил всех. Благо вмешался Андрей: «Ты чё, чувак? Осолупел? Я сюда с вокзала на такси приехал! Стошку отдал!»

Олег пустился в отмазки: «Мужики, не волнуйтесь! Вас сейчас развезут по домам на автобусе, а деньги будут завтра».

— А мне по-уху твой автобус! — всё больше горячась, Валентин придвинулся вплотную к Олегу.

— Ты нам должен по 200, так отдай!

В поисках поддержки Олег окинул взглядом окружающих, но, не найдя сочувствия, решил не менять тактики.

— Какие тебе деньги? Ты весь вечер испортил! То сидел, крутил «косяки» за столом, то вылез к микрофону: «Зачем я на свет народился, зачем меня мать родила?» Короче, изгадил всем настроение! Вали отсюда, Валёк!

— Сейчас ты будешь раздавлен, гнида, самым жестоким образом!

С этими словами Валёк поставил футляр с трубой на землю. Олег, проворно отскочив, принялся увещевать елейным голосом остальных:

— Мужики, хозяин остался недоволен! Мне придётся всё платить из своего кармана! Созвонимся завтра и я вам всё отдам!

Усталого Хвоста усадили в авто, остальные сели сами. На прощание Андрей бросил Вальку:

— Ничего, у меня есть его адрес. Никуда он не денется!

Автобус, фыркнув, скрылся в аллее. Затейник маячил уже за стеклянной дверью ресторана, а Валёк, грустно сев в свой чёрный Фокс и скрутив самокрутку, под звуки Майлса покинул сей приятный уголок.

Лиза ПАВЛОВА

Выпускница филологического факультета г. Иваново. Пишет стихи и прозу с десяти лет. В 1999 году вышел сборник её стихов «Сад желаний». Около десяти лет работала секретарём Молодёжной организации при Союзе писателей России. С 2010 года живёт во Франции.

МОЯ ИЛОНА

(История жизнетворчества)

В мире, где все продается и покупается, где все вывернуто наизнанку и не осталось ничего, кроме цинизма, невозможно купить только хорошее настроение, только твой голос, только улыбку, твою улыбку, Илона! И невозможно купить красоту и стиль, невозможно купить личность.

А у меня улыбка в душе. Ведь ты со мной, моя Илона.

«Как вы познакомились?» — наиболее часто задаваемый нам с Илоной вопрос. Он уводит нас в главную загадку человеческих отношений. Как это получается, что с одним человеком не о чем и слова сказать (лично тебе, хотя, может, у него миллион подписчиков в инстаграме), а с другим... ты только слышишь голос по телефону и понимаешь, что необходимо встретиться и... выпить. Это смешно, но чистая правда. Так было у меня с Илоной.

Голос на том конце был глубокий, с приятной хрипотцой, с бархатными нотками кагора, воображение рисовало полноватую, может, еврейской, может, армянской внешности женщину, наполненную мудростью и иронией.

Практически сразу выяснилось, что у нее два или три высших образования: медицинское, юридическое — и еще она кутюрье высокой моды, знакома с самыми известными модельерами, музыкантами, мэрами и префектами.

«А у вас, Лиза, какое образование? Вы *хоть немного* говорите по-английски?» Мой ответ ее полностью устроил: английская спецшкола, университет, полтора года жизни в Лондоне. «Честно говоря, Лиза, французский у вас так себе, но английский... Никогда не встречала человека, который бы так быстро писал без словаря по-английски». Часто, когда она выпивала, она полностью переходила на английский язык или французский язык, кокетливо «путалась» в русском: «Я говорю на пяти-шести языках и уже столько лет живу за границей, что забыла русский, даже не знаю, как сказать это...». Список языков постоянно увеличивался и обрастал подробностями. Наиболее часто в него входили итальянский («У моей матери итальянские корни, и я училась в Италии у известного кутюрье»), хинди (Илона часто ездила в Индию и знала некоторые слова), арабский (этот язык ей помогал сбить цену, она практиковала его на базарах, которые просто обожала за дешевизну: «Лиза, там все за пять копеек. Я пошла — и все купила за десять минут: пах, пах, пах!»).

Говорили мы всегда только на «Вы», в этом была красота и исключительность. Илона завораживала меня своим петербуржским воспитанием. «Дома меня держали в строгости. Отца я почти не видела, он все время работал, мать плевать на нас хотела».

В рассказах о семье с самого начала обнаруживались нестыковки. Фигура отца окружена была почтительной загадочностью. По словам Илоны, он был красив и статен, намного старше матери, имел кавказские корни (в зависимости от настроения или грузин, или армянин, иногда и тот, и другой одновременно). Наверное, поэтому Илона часто повторяла: «Я женщина с Кавказа, у меня такое воспитание... ой-ой-ой. Я знаю, как обращаться с мужчинами, когда можно говорить, а когда лучше молчать». После практически постоянного пятнадцатилетнего общения у меня большие сомнения, что она была когда-нибудь на Кавказе. Но... Ее рассказам внимала не я одна, и поэтому у нее дома гнездилась армянская диаспора, да и грузины были частыми гостями.

В рассказах Илоны ее отец был иногда генералом, иногда адмиралом, иногда летчиком. Ну в общем и целом, он был военным. Работал в каком-то военном управлении на очень высокой должности. Его почти не было, но когда он приезжал, в доме появлялось все: если арбузы, то тоннами, если икра, то ведрами, если украшения для мамы, то килограммами. Мама вела себя довольно независимо: рядилась, встречалась с мужчинами и приучала детей к самостоятельности.

Сколько было в семье детей, так и оставалось непонятным: дело в том, что у Илоны всегда было очень много сестер. Ведь очень многих своих подруг она называла сестрами, таким образом, запутаться в ее родственниках было несложно. И хотя я в принципе догадывалась, что у нее был брат, она все время рассказывала: «Мама собирала нас с девочками и говорила: есть хотите — учитесь готовить, хотите хорошо одеваться — учитесь шить. Мать оставила нам книгу «О вкусной и здоровой пище». Сама готовить она не хотела и не умела. И с 10–11–12 (*это в зависимости от настроения рассказчицы*) лет я готовила для себя и своих сестер (*сколько их было? откуда они взялись?*) сама. Так и научилась готовить. И теперь обожаю это делать, владею сек-

ретами приготовления 999 блюд из всех стран мира. А еще мать оставила нам все свои старые платья, не покупала никакой новой одежды, и мы их бесконечно перешивали». Вероятно, так в девочке зародилась страсть к созданию моделей.

Кроме фигур папы и мамы, в семейном прошлом присутствовал дядя, министр или замминистра вроде бы иностранных дел. Именно он и отправил Илону в 15 лет во Францию. «Он купил мне квартиру в Париже на наворованные в министерстве деньги. Сказал: «Илона хотела быть модельером, пусть едет в Париж». Так я здесь и болтаюсь с тех пор».

Чтобы хоть как-то поверить в правдивость ее историй, найти хоть какие-то точки опоры, я часто задавала Илоне вопрос: «А в каком году это было?» И тогда она всегда жутко раздражалась: «Откуда я знаю! Зачем вам это надо, Лиза? Я буддистка, я вообще не так живу. Я и сколько мне лет, не знаю. Вот вы знаете, сколько мне лет? — *победный взгляд.* — Посмотрите на меня, посмотрите. У меня ни одного лишнего грамма жира, ни одной морщинки. А вы все хотите знать... Вы не знаете, сколько мне лет — и никогда не узнаете».

Илона так была уверена в своей вечной молодости и красоте и в невозможности разгадать ее тайны, что беспечно поручила мне однажды отксерить свое удостоверение личности. Ну, конечно, я не удержалась! И о боги! Год рождения приближался к возрасту моей мамы. (Если бы вы знали, как часто я слышала от Илоны фразу: «В нашем с вами, Лиза, возрасте...») А главное, подтвердилось мое давнее предположение, что имя у нее совсем другое (стол покрывали письма с именем Наталья). Но ни в первом, ни во втором сама она так никогда и не призналась.

«Почему у вас такое необычное имя, Илона?» — спрашивала ее я, тоже не раскрывая карты. «А как вы думаете?» — отвечала она вопросом на вопрос. И начинала рассказывать мне о причине Троянской войны. Мужчины за-

теяли ее из-за похищения прекрасной Илоны! «Но ведь Елены же!» — пыталась возразить я. «Вот поэтому меня так и назвали», — как бы не слыша, продолжала она. Спорить с ней было бесполезно.

Первая встреча. Она подъехала в своем «Гольфе» (так и говорила: «мой Гольф»). Серьезная, нервная. «Буду ждать вас у церкви». Вопроса, как мы узнаем друг друга, не возникало: узнать меня было не трудно по довольно большому чемодану.

Она же сразу бросалась в глаза. Яркая блондинка за рулем в черном меховом полушубке. Высокая, длинноногая, стройная. Вот тебе и «полноватая женщина»... Позже я узнала, что в молодости Илона немного работала моделью. «Жаль, но не по мне была эта работа: я слишком любила веселиться и отдыхать. А там нельзя приходить не в форме. Явилась с синяками от недосыпа на глазах — вон! «Илона, вы опять всю ночь гуляли! Так у нас не работают, идите, спите. Еще раз такое повторится — можете больше не приходить». Илона гордилась своей внешностью, особенно фигурой. Видимо, с юных лет она привыкла ничего не есть, постоянно сидела на диетах. Главным недостатком в человеке для нее была полнота: «Этот мужчина не для меня. Он такой толстый!» или «Лиза, вы опять поправились! Надо все-таки следить за собой». Эти критические высказывания о других позволяли ей еще и еще подчеркивать свои достоинства (она всегда любила показывать товар лицом и нахваливать себя не стеснялась): «У меня такие красивые руки и ноги! В интернете *только мои руки* были выставлены за несколько тысяч евро. А уж ноги... я вообще не позволяла выставлять. За ноги давали намного больше». Как это понимать? Кто выставлял? Где? На каких сайтах? Я до сих пор не понимаю, хотя историю эту слушала неоднократно. К слову, интернетом Илона пользоваться практически не умела, ее неуклюжие встречи с новыми технологиями всегда оканчивались ничем: все ее объявления на «Привет, Париж» последние годы публиковала я, покупки по интер-

нету у нее не получались, она предпочитала телефонные звонки и личные контакты. И чтобы ее административные дела вел кто-то другой. Смски не читала, но любила оставлять голосовые сообщения: «Сегодня четырнадцатое февраля, десять тридцать утра. Здравствуйте, Лиза, вас беспокоит Илона. Звоню, чтобы узнать, как ваши дела, все ли у вас хорошо. Вы, наверное, чем-то заняты, раз не отвечаете. Ну ничего страшного, позвоните, когда будет время». Отношения с мобильным телефоном у нее были всегда сложные, наверное, поэтому у нее практически всегда работал домашний телефон.

В нашу первую встречу Илона машину, конечно, остановила посередине дороги, ее это особо никогда не тревожило (пачка штрафов за неправильную парковку с годами только увеличивалась, но конверты даже не распечатывались). «Садитесь же, Лиза, здесь стоять нельзя». Я, ничего не соображая, втиснулась в небольшую машину, пристроив чемодан. Она закурила очередную сигарету. «Пить хочется невозможно». Открыла банку пива, обильно глотнула. «Ну, поехали», — машина решительно, резко дернулась с места. Водила Илона, как автогонщица. В прошлом ездила одна на очень большие расстояния, часто меняла машины. Независимая, дерзкая, смелая.

Очень быстро мы внеслись в квартиру Илоны, двухэтажный «лот», как она ее называла, с паркингом, садом и устремленной в него террасой. За паркинг у нее шла нескончаемая война с соседями, которые все время пытались оспорить ее права и, как следствие, заблокировать ее машину. В простирающемся по берегу широкого ручья саду (дом вообще возвышался над водой, чудесным образом перекидываясь с одного берега на другой, раньше это была мельница) росли любимые хозяйкой розовые кусты, другие многочисленные посаженные ей цветы и даже возвышалась пальма. Белая, увитая виноградными лозами терраса на втором этаже спускалась изящной лестницей в сад. И квартира ее, и сад были созданы ей самой по собствен-

ному проекту. Она обожала свои творения и гордилась ими. Поэтому настоящей трагедией для Илоны стали «ragonins» (нутрии), которые прокрадывались в сад и подкапывали корни роз. Возмущению садовницы не было предела, она звонила мэру и требовала разобраться. «Рагондá!» — дико сверкая глазами, кричала она. Мэр ответил любезным письмом, навсегда запомнил Илону, поняв, что с ней шутки плохи. «Он заходил ко мне выпить чашку кофе, очень милый человек». К слову, зайти к ней на кофе обожали многие мужчины. Илона была очень внимательной хозяйкой и любила гостей.

Квартира нас встретила прокуренностью и наполненностью раритетной мебелью, часто вывезенными из России и других стран безделушками середины прошлого века. Элегантный маленький клавесин, огромные полотна картин на стенах. Много фигурок будды и прочие загадочные вещицы. Здесь было всегда немного сумрачно, несмотря на многочисленные окна-двери с коричневыми ставнями.

Любимое ее место было за барной стойкой в американском стиле. Так она была одновременно и на кухне, уставленной специями и многочисленной утварью для приготовления разнообразных блюд, и в салоне с гостями.

Квартира рассказывала о хозяйке многое. А еще больше Илона рассказывала о себе сама: много путешествовала, много знала и видела. «Читаю я очень быстро, по диагонали», «Я мэтр буддизма, со мной непросто», «Я тридцать шестая дочь Далай-ламы», «У меня двадцать приемных детей». Поверить в ее рассказы было непросто, но многие почему-то верили и с удовольствием приходили послушать очередную невероятную историю.

«Мой папа (дядя) в 15 лет отправил меня за границу. Я была в составе Молодежной организации, так и взяли меня работать в посольство. А у меня костюмчик такой был розовый с мини-юбочкой, каблуки 15 сантиметров. И вот я схожу такая по трапу самолета. Девочка. А там вой-

на. Везде раненые. А мне говорят: «Тащи». И я таскала первый день в своей короткой юбочке на каблуках. А потом я была снайпером (tireur d'élite). А потом работала в интернациональном госпитале. А там такие болезни. Мы такого в институте не учили. Сложно было». «Вот вы, Лиза, были под бомбежками? Нет, а я была. В африканской стране, где я работала, переворот случился, и мы в квартире прятались, головы боялись поднять, везде взрывы, комендантский час. А у меня дети больные в госпитале умирают, и лекарство надо из аптеки срочно доставить. Я беру машину и еду. Стреляют везде. Останавливают повстанцы, я стою-дрожу. (А воображение услужливо дорисовывает юбочку и каблучки.) И тут он мне на английском языке говорит: «Как ты здесь оказалась? Быстро уезжай! И в сторону, в какую показал». А мне в другую, к детям... Конечно, лекарство я привезла, но страшно было ужасно».

Люди, знакомства сваливались на Илону с неба. Из дома она в последние годы практически не выходила. С одним поклонником познакомилась, когда мусор выносила, с другим — в очереди на кассу в супермаркете.

Вообще отношения с мужчинами у нее были очень интересные. Она всегда говорила, что четыре раза была замужем, подчеркивала: «Это только официально».

Я познакомилась с Илоной, когда она была в активном поиске. В данном случае, в «активном» то и значит. Она с удовольствием рассказывала, как мужчины сходят из-за нее с ума, говорила, что никогда ни с кем не спит без брака. И что удивительно, все всегда ей предлагают выйти замуж в первую же встречу. Мужчины у нее всегда были намного моложе ее. И она всегда кого-то любила и обязательно была помолвлена. Даже в последние годы она часто звонила мне, начиная разговор так: «Не знаю, кого я из них люблю. И этот мне руки-ноги целует, обожает, и тот», или: «Я вот сегодня ночь не спала и все думала, Лиза, люблю ли я, люблю ли я этого человека?» Я пыталась понять: «Скажите, Илона, почему вам это так важно? Мне кажется, если у вас

есть выбор, надо просто подумать, с кем вам будет лучше, кто вам подходит комфортнее для жизни?» Она удивлялась: «Как это? Человек всегда должен кого-то любить. Иначе зачем тогда жить? Я всегда кого-то люблю». И я слушала и восхищалась этой прекрасной, сильной женщиной семидесяти с гаком, которой необходима любовь: «Как чудесно вы говорите, Илона, как же я вас люблю!»

Когда мы познакомились, она любила индуса. Часто бывая на Гоа, излюбленном курорте богатых русских, Илона ощущала там себя королевой. «Поехали со мной, Лиза, там всё за три копейки. Фрукты, виски, поесть в ресторане можно на четыре евро. За копейки у тебя там и femme de menage (уборщица), и все, что хочешь. У меня там апартаменты из белого мрамора, все в цветах, сто квадратных метров — гуляй не хочу». Со своей близкой подругой, как обычно, называемой сестрой, Галей, у них сложилась традиция два-три раза в год ездить в Индию, зимой обычно они там проводили по нескольку месяцев. Илона ненавидела холод, обожала солнце, море, рыбу, фрукты. Возлюбленный был моложе лет на тридцать, Илону боготворил, каждый день по несколько раз звонил по телефону, и она вела с ним бесконечные беседы на английском: «Yes, my darling. Yes, I love you. I love you so much. Yes, I know that you also love me. Ok, you love me more. Yes, I know that I am the best woman in the world, that I am so special and fantastic. I know, my dear». Конечно, Илона была с ним помолвлена. «Он подарил мне двадцать рубиновых браслетов и красное платье к помолвке, он безумно меня любит. Вы ничего не знаете об Индии, Лиза. Двадцать рубиновых браслетов — это что-нибудь да значит!» По словам Илоны у его семьи был ювелирный магазин, поэтому у нее было очень много золотых украшений, вывезенных оттуда. «Sure, you want to marry me. I want to marry you also. When? I don’t know. Very soon». Напрасно я убеждала Илону, что не стоит связываться с этим индусом, что он, скорее всего, просто хочет что-то от нее поиметь. «Лиза, вы не понимаете, он такой краси-

вый, у него такие ресницы!» Между прочим, ее подруга Валя, с которой они были погодки, таки вышла замуж за двоюродного брата Илониного принца, который был ее моложе уже на сорок лет. Илона смеялась: «Вальке всегда мой нравился. Но он меня выбрал, она локти кусала. Ну ладно, другого дурака нашла».

Шли годы, и Илоне все сложней стало выбираться в Индию, индус так и продолжал звонить и объясняться в любви, но жизнь шла своим чередом, и вокруг Илоны всегда кружили мужчины.

Молодой статный украинец Владимир, замирая от восхищения, провозгласил Илону своим мэтром. «Да, Лиза, я мэтр буддизма, я вам сто раз это говорила. Ну, конечно, Владимир — мой ученик, я объясняю ему, как надо жить, мы с ним вместе в Индию поедем, раз вы не хотите».

А однажды я попала к ней в довольно необычный день. Она встретила меня в смятении: «Лиза, по-моему, я выхожу замуж». Я не понимала: «Как замуж? За кого?» — «Вы его не знаете, он 15 лет уже в меня влюблен. Он такой красивый! У него такие ресницы!» — «Хорошо. Все это както вдруг, — продолжала недоумевать я, — а когда свадьба?» — «Да я не знаю, — в запальчивости отмахивалась она, — по-моему, сегодня». — «Как это? — я была в ужасе. — А почему же вы не готовитесь?» — «А что надо делать? — Илона хлопала глазами. — Объясните мне, Лиза, а то я растеряна и ничего не понимаю...» — «Ну как... — рассуждала я, — у вас хотя бы платье есть подвенечное? В чем вы замуж будете выходить? Маникюр, педикюр, эпиляция, да хоть прическу надо бы сделать». — «Да тряпок у меня полно, найду что-нибудь. С прической Эка поможет. Сейчас позвоню». — «Он молодой?» — «Ну да, как обычно, немного моложе (*как обычно, на тридцать лет*?)» — «Ну так тем более. Откуда вы его взяли? Как вообще все это получилось?» — «Ах, Лиза, я и сама не понимаю... Вчера у меня были армяне в гостях. Ну, армянская диаспора, как обычно. Ну, слово за слово. А этот молчит и только все смотрит на

меня. Ну и их старший, Аркен, и говорит ему: «Любишь Илону — танцуй с ней», и мы станцевали. А Аркен: «Ты женщину обнимал, а у нас на Кавказе так: обнимал — женись». А Вагран молчит. Аркен: «Любишь Илону — женись. Или убирайся. Женишься?» И Вагран прошептал: «Женюсь». Аркен: «Ну а ты, Илона, что скажешь? Пойдешь за него?» Ну я сказала: «Да». Аркен: «Тогда завтра свадьба, вино и закуска с нас». Это было где-то в пять утра». — «Хорошо, сейчас уже два часа дня. Где же ваш жених, где гости?» — «Вот я и сама думаю, где же он. Аркену звонила — он не знает. Ищут его все...». Ваграна в тот день так и не нашли. Свадьба не случилась, Илона обиделась. Но ненадолго. Она не помнила плохое, была очень снисходительна к людям, особенно к мужчинам.

Годы жизни во Франции показали ей, что одинокую женщину никто не уважает, хотя и говорят обратное. И Илона всегда стремилась иметь мужчину в доме. «У меня такой огромный лот, Лиза, а я всего лишь женщина, кто мне мусор вынесет? В доме так много работы. Мужчина необходим».

Стал к ней захаживать молодой сосед Алишер с еврейскими корнями. Подолгу беседовал, кофе пил. А потом двоюродного брата Майера привел, который с женой разводился. С ним-то и познакомилась Илона «у помойки». Может быть, он был на ее взгляд уже староват, ему было пятьдесят, но тут я вступилась: «Илона, прекратите уже западать на тридцатилетних, это как-то неприлично. Ему пятьдесят, он все равно вас намного моложе. Пятьдесят — это не такой уж старый. Очень даже хороший для вас возраст». В тот период времени она часто повторяла, что без брака с мужчинами не спит. Причем, говорила она это всем.

Позвонила мне ночью. «Лиза, вы знаете, Майер сделал мне предложение. Пришел, молча положил на барную стойку свидетельство о разводе и попросил моей руки. — Я ему говорю: «Мы даже кофе вместе не пили», а он — сразу замуж».

В этот раз была шикарная помолвка, Илона любила организовывать свадьбы. Одна ее подруга сделала все необходимые закупки, мужчины расставили мебель — гостей было очень много, а мы с девчонками резали салаты. Илона надела красное платье (получается, что это ее любимый цвет) и вела себя очень скромно. Как настоящая невеста. Но... Платье было недостаточно закрытое, и ревнивый Майер выговаривал ей потом.

Они вели себя как два подростка. Постоянно спорили. И даже дрались. Когда она упиралась, он переходил на визг. Италия плачет, сколько тут было темперамента. Майер постоянно хотел к ней прикоснуться, она даже пряталась от него, бегала по комнате. Я не хотела им мешать и сразу уходила, как только он возвращался с работы. Я смотрела тогда на Илону и говорила: «Ваше измученное ласками тело...». Возраст был не властен над этой женщиной.

Сама о себе она все время говорила, что у нее «caractère de merde» (дерьмовый характер), «У меня, Лиза, с мужчинами так: «Tu montes, tu descends». Это французское выражение я перевела для себя поговоркой «На меня как влезешь, так и слезешь». Илона легко влюблялась, но и расставалась быстро. «У меня так: если разлюбила, не могу больше видеть. И до свидания. Всегда так делала: «Au revoir mon chéri a-do-ré».

Чем она занималась? В течение жизни кем только не работала. Секретарем в африканских посольствах. Директором отеля на Елисейских полях. Создавала модели одежды, имела свой магазин в центре, который так и назывался «Илона». Всегда обращала на себя внимание ее коммерческая жилка. И еще: она была прекрасным организатором, прирожденным руководителем. Устраивала ярмарки на главных площадях Парижа. «Вы знаете, Лиза,

иногда на меня работали около ста человек». Точно не знаю, как они это прокручивали, но деньги получали чемоданами. «Знаете, Лиза, раньше во Франции можно было жить. Было такое впечатление, что стоит только копнуть землю — и сразу покажутся деньги». Благодаря своей предпринимательской жилке, купила много квартир в окрестностях.

Илона всегда работала и любила работать. Это давало ей приятное ощущение успеха. В своем постоянном стремлении к деятельности она часто видела причину личных неудач с мужьями и с воспитанием единственного сына: «Конечно, Лиза, я избаловала Микаэля. У него было все: лучшие шмотки, лучшие школы, лучшие учителя, но в результате он меня не видел, я все время работала. В общем, хотела как лучше, вышло...». Микаэль вырос очень красивым, немного нервным снобом, звонящим матери, только чтобы попросить денег.

В последние годы единственным источником ее благосостояния была аренда жилья. Поэтому мне немного дико было слышать, что по утрам ее не надо беспокоить, потому что она работает. «Я встаю рано и сразу принимаюсь ра-бо-тать!» — «А что именно вы делаете?» — «Лиза, вы что не понимаете, сколько у меня проблем! — Я ра-бо-та-ю!» В частности она сдавала комнаты в полуподвальном помещении своего лота эмигрантам из бывших союзных республик. Очень недорого. К ней приходили, когда совсем больше пойти некуда. Условия были спартанские. Сырость, холод, одна кухня, туалет и душ на 8–10 человек. Люди в ее коммунальной квартире не задерживались, и постоянно приходилось искать новых жильцов.

Илона всегда решала какие-то вопросы, всегда была окружена разными людьми, которые требовали от нее

внимания, заботы, понимания. И она всегда слушала, поила кофе, кормила и помогала. Помогала многим. Почему?

«Было ли нам легко?» Конечно, в Илоне было врожденное великодушие настоящей Львицы (она родилась в августе). Но, кроме того, она, как и многие из нас, эмигрантов, прошла своей курс небоевой закалки во Франции.

Была тут и студия, chambre de bonne, на седьмом этаже без лифта, душа и туалета, та самая, которую подарил ей дядя-министр или отец. «Есть хотелось постоянно, но денег совсем не было, мне хватало только на стакан теплого молока по утрам и багет. И я бежала со всех ног по лестнице к открытию кафе внизу, чтобы заказать молоко, и неслась в туалет, чтобы умыться и привести себя в порядок».

Было тут и постановление о выдворении из Франции в 24 часа. И как решение — фиктивный брак. С «мужем» Илона увиделась два раза: на регистрации, после которой последовала передача некой суммы денег, и на разводе. Он оставил о себе лишь приятное воспоминание: «Такой милый был человек!»

И совершенно трагические истории. Первая — самоубийство в семнадцать лет сына от первого мужа, видимо, африканца (это рассказано мне было только однажды в очень глубоком опьянении и окончательно подтвердилось только на кладбище: они трое похоронены в одной могиле вместе с папой-генералом). И вторая — смерть любимого жениха Давида. Судя по всему, именно после нее Илона пристрастилась к алкоголю. «Знаете, Лиза, он был такой веселый, все время шутил. Итальянец. Такой красивый. И пел. Как будто и не говорил никогда, а пел. Он очень меня любил. Все время хохотал.

Мы вместе вели торговлю, у нас магазин был на юге. Мы должны были пожениться, я купила платье. Ресторан зарезервировали. Я зачем-то поехала в Париж, а он остался работать там. И вдруг: телефонный звонок, и мне говорят, что он погиб: просто на дороге сбила машина. За три дня до свадьбы. Я слышу и не понимаю. Там надо было что-то решать с магазином, с похоронами, лететь, в общем, на юг. А я не могу... Отправила вместо себя Микаэля. А сама легла в кровать и так лежала шесть месяцев».

Я всегда говорила Илоне, что хотела бы написать о ней книгу, а еще лучше снять фильм. Но, честно говоря, еще больше мне хотелось бы кино о ней посмотреть. Думаю, это было бы что-то в духе фильмов на ее любимом канале «Парамаунд пикчерс». Что-нибудь такое американское. Яркая, высокая блондинка, резко захлопывающая дверь роллс-ройса. Это был бы, конечно, приключенческий, а, может, даже шпионский фильм. В молодости Илона была очень спортивной, прыгала с парашютом, занималась и конным спортом, и автогонками. Всегда очень любила танцевать, конечно, под джаз или латину, могла разрыдаться от красоты понравившейся музыки. (Илона кстати снималась в кино, играла какую-то гадалку с восточно-европейским акцентом. Ей не понравилось. Сказала, очень утомительно.)

«Лиза, я сейчас вам расскажу, и вы будете хохотать!» — такими словами она часто начинала свой очередной рассказ. В середине были «И дядя Ваня, и тетя Маша...», «И трали-вали, кошки...». Заканчивала же часто фразой: «В общем, как обычно, хотели как лучше, а вышло как всегда».

«Как вы познакомились?» Илона хотела мне помочь. Мне нужно было где-то жить в Париже, денег не было от слова «совсем». На сайте «Привет, Париж» нашла объяв-

ление «Сдаю комнаты». Ответил мужчина, у него все комнаты были заняты, дал телефон Илоны. Сказал, что она тоже сдает комнаты. Теперь, когда Алан в очередной раз задает мне вопрос «Как вы познакомились?», я смеюсь: «Так это же вы дали мне ее телефон».

Мы подружились с первого же телефонного звонка. И она начала мне звонить каждый день. Настаивала: «Хватит сидеть в вашей деревне (я жила в маленьком городке около Нанси), приезжайте в Париж и занимайтесь своей жизнью. С вашим-то уровнем образования... Тем более вам работу предлагают». — «Но где же я буду жить?» — «Приезжайте. Придумаем что-нибудь. У меня сейчас все комнаты заняты. В крайнем случае, будете у меня спать посередине салона».

И крайний случай, конечно, был. Но я быстро надоела хозяйке, видимо, она хотела больше Свободы. Стала звонить всем знакомым и уговаривать, чтобы взяли ее Лизу. Так я попала к тому самому Алану, потом к ее знакомой Оксане. Потом... Илона сказала: «Знаете, Лиза, вы мне надоели. Я не ваша мама. Возьмите и сделайте уже что-нибудь сами. Найдите себе, где жить». Я расплакалась, но нашла за несколько часов. Так начались полтора года на Барбесе — седьмой этаж без лифта, туалет на площадке, 8 квадратных метров, одно канапе, которое мы делили с Галей. Когда туда же к нам подселилась и Таня, Илона сказала: «Хватит валять дурака, у меня освободилась комната, переезжайте ко мне». В тот же день приехала на своем гольфе и забрала меня с моим немного разросшимся скарбом.

Илона помогла мне не сойти с ума после смерти мужа, несколько раз давала работу в своем магазине и на marché Noel. Приютила меня. Да, я жила у нее за деньги. Но это лучше, чем спать на улице.

«Было ли нам легко?» Часто Илона говорила мне: «Эти люди из России, они же ничего не понимают, через что нам приходится здесь пройти. Они думают, что мы в деньгах тут купаемся. Но ведь это все не так. Мы-то, Лиза, с вами знаем». Один раз она просто «достала» мою приехавшую из России дочь рассказами о том, как нелегко было ее матери.

Часто Илона бывала просто невыносима. Особенно своей ревностью. Дело в том, что любой мужчина, попадающий в ее поле зрения, оказывался потенциально ее поклонником, конечно, если он не был старым и толстым. Все должны были смотреть только на нее, слушать только ее, и, конечно, она была во всем всегда права. К сожалению для меня, я иногда пользовалась бóльшим успехом.

В результате за наши прожитые в совместном общении годы я стала участницей нескольких крупных скандалов. В гневе она была ужасна и мерзкими, постыдными словами могла просто припечатать. Но она все равно меня всегда любила, как и я любила ее.

Ужасный характер. Могла неделями не брать телефонную трубку, а если ей что-то надо, задалбывала голосовыми сообщениями и доставала тебя из-под земли.

Но какой бы ужасной она ни была, я знаю, что всегда огромное количество людей восхищалось ей. Тем, как она выглядела, как одевалась, как говорила. Тем, как готовила, как умела красиво, на высшем уровне принять гостей. Тем, с какой быстротой и беспечностью могла очаровывать мужчин.

Сколько раз она меня потрясала! Например, в ресторане в городе Toul, когда единственный одинокий симпатичный мужчина в зале взял у нее телефон и... позвонил! Когда во время посещения «Желтой мельницы» молодой человек, участвовавший в инсталляции, заинтересовался

Илона и Лиза Павлова

из нашей многочисленной женской компании только ею. При всем этом надо иметь в виду, что и в том, и в другом случае Илона была намного старше всех своих потенциальных конкуренток. Часто я говорила ей: «Илона, вы хулиганка!» — «Почему?» — кокетливо удивлялась она. И смеялась.

«*Кто такая Наталья*?» — удивленно повторялся в толпе вопрос на похоронах. «Мы не знаем никакой Натальи», — говорили пришедшие проститься люди. И я до сих пор не знаю ответа на этот вопрос. Ведь у меня, как и у всех нас, была только Илона. И у каждого из нас она была своя.

Легко меняла страны, имена, национальности и биографии. Женщина мира.

Что остается на Земле после каждого из нас? Просто строка, как акт: родился, женился, дал кому-то жизнь, умер. Но это ничего не объясняет.

И хорошо писателям, художникам, музыкантам, а что остается делать нам, простым смертным? Думаю, просто не сдаваться, жить, творить, а, может, даже иногда и врать. Так, наверное, и делала ты. И ушла, оставив множество так и неразгаданных загадок.

Услышь меня, Илона, я здесь. И я хочу продолжать разгадывать твою жизнь. И искать смыслы в бессмысленности происходящего.

УНОСИМОЙ ВЕТРОМ

Утонченная, четкая, смелая,
С гордо поднятой головой.
Орхидея Вы наша белая,
Флагман, штурман, вожак, рулевой.

Мы любуемся Вашим свечением,
Набираемся новых сил.
Вся Вы в ветре до головокружения,
Вся в движении высших светил.
Одинокая, златокудрая
На вершине далекой горы,
Словно вечность играет кудрями,
Что светлы, и легки, и мудры.
Поддержать Вы готовы каждого
В черный час, в час, когда не везет,
И бросаетесь в битву отважно
За того, кто подмоги ждет.
Как красивы, как удивительны!
Как мы все благодарны Вам!
И сильны, и в порывах стремительны,
Вы небесный возводите храм.
Вас поздравляем с появленьем
На радость всем на этот свет.
Вы удивительная женщина
И уникальный человек.

ОФЕЛИЯ В ВОЗРАСТЕ

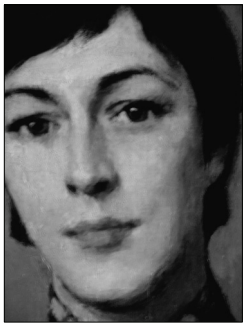
Офелия... бабушка в венчике.
Цветочки такие умильные.
И ей никогда не стать женщиной.
Глаза ее лаской замылены.
Она без конца улыбается
Улыбкой девичьей, застенчивой.
Волосики развеваются.
И ей никогда не стать женщиной.
И дело не в розовом платьице,
Что ей никогда не стать женщиной.
И разве за голову схватится?
И разве она не обвенчана?
И дело совсем уж не в Гамлете,
Не в том, что он тоже повернутый,
А в том, что есть сердце в анамнезе,
И в том, что оно непокорное.

ИЛОНЕ

А Вы гуляете по саду
И всё смеётесь невпопад.
Как будто только Вам и надо,
Что Ваших роз летящий взгляд.
И наслаждаясь, как девчонка,
Вдыхая неба синеву,
Вы скачете смешной чечёткой,
Чтобы приветствовать листву
И нежность тёплого денёчка,
Который мил наперекор
ВСЕМУ. И набухает почка,
И всё струится разговор
С собой, с природой, с благодатью,
Что наплывает, как волна,
Душа тонка, скользит, как платье,
В объятиях наваждения, сна...
А телефон забыт в квартире,
Как будто его вовсе нет.
Звоню — поговорить о мире —
Гудки в ответ.

Вера ТРЭМОН

Вера Трэмон окончила Институт им. И. Е. Репина Академии художеств СССР в Ленинграде, затем аспирантуру этого же Института (1968). Доктор сравнительной истории, специальность — история изобразительного искусства. Доцент Национального Института восточных языков и цивилизаций в Париже (INALCO). Автор «Les icônes russes» dans «ICÔNES» Séléction de Reader's Digest, 2001; «ARCHITECTURE DE LA RUSSIE ANCIENNE» в двух томах и ряда статей из истории русского искусства. Живёт в Париже с 1971 года.



Портрет Веры Трэмон кисти Виктора Орешникова

ПРОЩАЙ, ПАРИЖ! ЛЕТАЮТ САМОЛЁТЫ, БОЛЬШОЕ НЕБО В КРАСНЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

Впервые Виктор пришёл ко мне ранним зимним вечером 1967 года, наверное, в декабре. Было темно и снежно. Собственно, он пришёл не ко мне, а к Марианн, моей новой подружке француженке-филологине, писавшей докторскую о Булгакове в Двенадцати коллегиях, как мы называли Университет имени Жданова — звучало красиво и прилично... Я же в это время роскошествовала по-

соседству в репинском институте, когда-то Императорской Академии художеств, в аспирантуре, после шести лет полного курса искусствоведения. Теперь знаю: лучших лет, проведённых в этом заведении — а их девять — в жизни моей не было. И было нам по двадцать-двадцать пять, а Виктору — тридцать. Наверное, это была молодость.

Зашли в этот вечер ещё несколько «прихожан», Надин Панова, тоже французская «филологиня», и две-три академические подружки. Мужского присутствия, кроме поэта, в тот вечер не случилось. Кажется именно этот фактор произвёл на него неотразимое впечатление: Виктор почувствовал себя единственным и необходимым. Было весело, смешно, шумно. Пили Tokaji Furmint и чуть подороже Asti, за 3 рубля с чем-то... Годы спустя, этот Tokaji Asti я увидела в витрине у Fauchon на площади Madeleine в Париже, но платить предлагали 900 франков. Хорошее вино пили, — подумала я, и на сердце потеплело. Водки в те времена я принципиально в доме не держала, не кабак всё же…

Подружились сразу. Все. У кого-то с Виктором возникла «незаконная» любовь лет на шесть-семь — не скажу с кем — не моя тайна, а у меня — дружба, долгая, солидная и совсем не литературная.

Вечера эти стали повторяться всё чаще и чаще. Отец мой, старый боевой адмирал в отставке, проводил вместе с мамой всё своё время на рыбалке, то зимней, то летней, и его комфортабельная квартира на Прядильной, близ старой Коломны, у когда-то существовавшей неподалеку Покровской церкви, стала академической «штаб-квартирой». Здесь к вечеру собирались друзья: живописцы, архитекторы, ребята из академической театрально-декорационной мастерской, а с ними — балетные, и мы, искусствове-

ды. Жизнь била ключом. Актёров и литераторов, кроме Поэта, почему-то не было… Поэту, кстати, это нравилось. Он всегда являлся один, как будто выходил на Прядильной за какую-то трансцедентальную грань своего существования, скрытую от его иного настоящего мира, недоступного нам. Только однажды Виктор пришёл с Игорем Диментом, да и тот был художником и человеком театральным. Как-то, всё же, мне довелось побывать у его друга Михаила Кулакова, куда Виктор меня завёл, видимо, для искушения моей академической души. Не без серьёзного колебания, скорее, для его удовольствия и по слабости характера, я призналась, что живопись мощная!

Все мы любили поэзию, жили Серебряным веком, да и сами что-то иногда «производили». И я оказалась не без греха. Однажды, услышав, что я вроде бы рифмую, потребовал послушать. Лёг на диван, закрыл глаза и терпеливо выслушивал минут сорок. Потом сказал: «Ну что ж, довольно симпатично». Я поняла, что полностью провалилась и более стихов своих ему не читала. Вскоре мои поэтические амбиции благополучно угасли, как синенький огонь в камине.

Виктор приходил часто днём, когда в квартире никого, кроме меня не было. Он как бы искал спокойствия и уединения. Каждый занимался своим делом: я что-то пописывала об архитектуре Чавин де Уантара, древнейшей, ещё до Рождества Христова, культуре перуанских Анд, а он уходил в глубокие размышления о высших материях — атавизм философского факультета — рассуждал вслух, кого-то ругал, редко хвалил. Часто говорил о Лиле Брик, то с симпатией, то с осуждением. Всё понимал, всё знал, и явно был увлечён ею и мистической прелестью её власти над Маяковским. Время от времени ездил к ней в Москву. Возвращаясь, рассказывал…

Поэзию его я любила, чувствовала его индивидуальность, но в те времена не ощущала ещё её сверхмерности, уникальности, яркости. Обожала «Всадников», до остального ещё было далеко.

Я знала о сложности его отношений с Мариной, острых, больных и безнадёжных. В подробности он не вдавался, только иногда издавал гортанные звуки, похожие на рычания, свидетельствующие о степени его эмоционального напряжения. А мне, собственно, эта сторона его жизни была не интересна. Марину я не знала, и знать её было незачем. Но однажды случилось непредвиденное. Наступила весна, пошёл лёд, и старый адмирал вернулся домой после долгого зимнего отсутствия. Штаб-квартира приостановила свою вечернюю деятельность до следующего рыболовецкого сезона, всё затихло, и архитектура перуанских Анд полностью овладела моим воображением.

Работалось преимущественно ночью, иногда до утра. Чашка густого какао остывала с правой стороны старой, ещё довоенного времени, маленькой отцовской машинки «Royal». И в одну такую зимне-весеннюю ночь, часа в три, к подъезду подкатил автомобиль, кто-то хлопнул дверцей, и в комнате на низком втором этаже до меня донёсся тяжёлый вздох закрывающейся двери парадного. Кодов, в те далёкие времена не существовало. Дом был совсем маленький — три этажа и чердак — и мне невольно подумалось, кто же из немолодых и старых соседей может возвращаться в этот час ночи: потомственный российский музыкант-волторнист Виталий Михайлович Буяновский или бывшая смольнянка Урсула Эдуардовна, вдова видного архитектора Константина Ивановича Кашина — Линде, создателя всем известного Кировского стадиона?

Тут же раздался звонок в квартиру. Мне стало тревожно, страшновато и совершенно непонятно — что это?

Отец с матерью видели уже не первый сон в своей спальне. А я невинно размышляла о логике дренажной системы каналов, проложенных под чавинским храмом, ревущих ягуаром в сезоны дождей.

Подошла к двери, поинтересовалась кто и чего желает. В ответ: «Марина, хочу Соснору». Удивилась, дверь, не без опаски, открыла, сообщила, что Сосноры нет и давно не было. Марина усомнилась и потребовала доказательств: вошла, увидела машинку, какао, раскинутый китайский диван «Дружба», приготовленный ко сну, и — поверила!

Я предложила ей какао, но какое там! Попили вина, наверное, Токая, и часа через два Марина вызвала такси. С тех пор она мне позванивала, разыскивая мужа, иногда за ним приходила, и совершенно убедилась, что я в соперницы не гожусь. А Виктор в ту ночь был совсем рядом, в трёх домах от моего, у моей подруги, но это уже никому не интересно.

Случилось это, наверное, в 1969 году, а через два года я покинула мой город и оказалась в Париже, где и промчались с умопомрачительной скоростью мои пятьдесят лет.

Виктор неоднократно бывал во Франции. Впервые — в 1965 году с делегацией девяти поэтов, приглашённых по поводу вышедшей в издательстве Seghers антологии русской поэзии под редакцией Эльзы Триоле, на двух языках и с предисловием Романа Якобсона. А среди переводчиков — и Арагон, и Эльза, и Клод Фрию, большой знаток Маяковского, и Леон Робель, тонкий специалист по русской поэзии, словом — большая литература, цвет французской славистики левой, коммунистической «конфессии».

Надо заметить, что в шестидесятые, особенно в семидесятые годы, после политических потрясений 1968 года, почти вся высшая интеллектуальная элита не только во

Франции, в Европе, но и в Соединённых Штатах — в университетской среде — оказалась под очень сильным влиянием марксизма[1]. Под чарующее пение коммунистических сирен попали Пикассо, Арагон, Сартр, Симон де Бувуар и даже Монтан. Некоторые предпочитали «гошизм»: троцкизм, маоизм, — и все ожесточённо между собой «воевали». Коммунистические симпатии французских романтиков той поры ничего не имеют общего с представлением о реальном советском социализме и коммунистической идеологии сегодняшнего дня. Отрешение от неё началось, как мне кажется, с чехословацких событий, но процесс затянулся на долгие годы. А тогда они убеждали, что «у нас всё будет иначе»… Основной же французский обыватель имел своё собственное мнение по этому поводу. Вот в такой благодатной для советских поэтов атмосфере произошло знакомство Виктора с Парижем.

Антология имела большой успех у интересующейся публики и даже сегодня, вот сейчас, только что предложили мне купить её «на линии» за 68 евро в приличном состоянии. Купила бы, да она у меня давно на полке стоит, и я время от времени в неё заглядываю.

Должно быть, Виктор всех очаровал — шарм от него исходил как опиумное благоухание — и вскоре, в апрелемае 1970 года, по приглашению Арагона и Триоле он снова отправился в Париж уже вне официального ореола советской поэзии, и с Мариной. Тогда в Париже из соотечественников были только «белые» и их потомки. Среди литературных — Ирина Владимировна Одоевцева и Кирилл Дмитриевич Померанцев, зам. главного редактора «вражеской» *Русской мысли*, поэт и мемуарист — несомненно яркая личность. Меня ещё не было в Париже в то время и мне не кажется, что Виктор с ними общался — он о них

[1] Paul Buhle. Marxism in the United States. Londres, 1987.

никогда не упоминал. Правильнее сказать: он с ними не общался. Скорее, его захватил университетский круг славистов, в котором его уже хорошо знали и, не преувеличиваю, носили на руках.

Жили они в огромной квартире на старинной улице de la Cerisaie в квартале Marais, у Сюзанны и Роберта (Боба) Масси (Massie), американских русофилов, обосновавшихся в это время в Париже. Оба были известны биографической книгой *Николай и Александра*, потом фильмом об императорской семье, отмеченным Оскаром в 1971 году. Роберт, ушедший из жизни в 2019 году, несколькими месяцами позднее Виктора, посвятил, помимо истории последних самодержцев, свою творческую энергию коронованным вершителям русской истории — Петру Великому и Екатерине Алексеевне, а Сюзанна, большой знаток российской культуры, несколько позднее играла весьма высокую политическую роль, будучи советником Рейгана по русским вопросам и его неформальной посланницей к Горбачёву. Именно у них Виктор и окунулся в интенсивную богемно-интеллектуальную жизнь Парижа начала семидесятых. Масси стали его близкими друзьями, с которыми он не прерывал отношения многие годы. Интерес к русской истории, бесспорно, был обоюдным и острым, как и многое другое.

Вернувшись домой, Виктор долго был под впечатлением от поездки, пронизанной незнакомым нам духом свободы, столь ярко определённой бурными событиями 1968 года. Он с упоением рассказывал о своих французских друзьях, о блеске космополитического, но ещё французского Парижа, о тёплом приёме, которым был удостоен — обо всём. Поездка удалась. Наверное, в гостях он вёл себя достойно, в меру употребляя алкоголь, но, вернувшись, широко отдал должное Бахусу — и это воздаяние продолжалось довольно долго. Увы!

Следующее путешествие в Париж имело место весной 1979 года. Я уже вполне освоилась во Франции и преподавала историю русского искусства в Национальном Институте Восточных языков и цивилизаций, основанного ещё Кольбером как школа редких языков — для толмачей и дипломатов.

На сей раз Виктор приехал по приглашению Марианн Гур, преподавателя Венсенского университета. Теперь профессор и известный переводчик русской литературы, Марианн — это та самая «булгаковская филологиня», которая познакомила меня с Виктором десять лет назад.

Годом раньше Виктор попросил меня перевезти потихоньку «на Запад» его впечатления о предыдущей поездке и передать для публикации Владимиру Марамзину в литературном журнале *Эхо*, который он недавно начал издавать вместе с Алексеем Хвостенко. Я бездумно согласилась, упрятала на животе тонкую рукопись и благополучно, преданно и безмятежно смотря в глаза таможеннику, довольно нерадивому, прошла устрашающий контроль. По приезде в Париж, рукопись была тотчас же вручена Марамзину и вскоре опубликована.

Виктор не предложил мне прочесть предварительно рукопись, и я, довольствуясь заверением, что особенной в ней крамолы не содержится, чтобы не попасть в каталажку, не посчитала нужным в этом убедиться. А зря… Крамола там процветала пышным цветом, но не политическим, а противным ненужным пустословием недоброжелательства. Все, кому он обязан своим успехом в университетской среде, именитые слависты-профессора Фрию, Ирина Сокологорская, Робель, оказались осмеянными и обиженными сомнительными суждениями об их, по мнению автора, профессиональной слабости или о личных проблемах. По всей вероятности, произошла какая-то

трансформация сознания, болезненно воспалённого преувеличенным алкогольным возлиянием. Иного объяснения нет и, может быть — в жизни Виктора это был наиболее трудный период, отмеченный смертью Марины. Прочти я это ранее, сыграла бы в цензора и ни за что не передала бы рукопись для публикации. Но зло было сделано и оно имело свои неприятные последствия в парижском пребывании Виктора в 1979 году. Ещё несколько лет назад, забыв, что я была пассивным участником события, Виктор вспомнил об этой публикации и возмутился: как Марамзин посмел опубликовать подобное без его разрешения! Пришлось напомнить, что везла-то его я. И вместе с рукописью передала издателю письмо с разрешением публикации.

Итак, в 1978 году, кажется, на Рождество, не наше — католическое — вместе с Марианн, я была в родном городе, в родной квартире. В кухне на столе лежало приглашение Виктору в Париж. Подпись Марианны была заверена Генеральным консулом Франции в Ленинграде. А Виктор только что вышел из критического алкогольного состояния, в которое он впадал последнее время довольно часто. Мне показалось, что приглашение неуместно, о чём я тотчас же сообщила подруге. Марианн очень рассердилась, гневно объявила, что приличные люди не заглядывают в чужие документы, если даже они лежат на кухонном столе, и энергично вышла вон. Вместе с приглашением.

Виктор приехал в Париж очень скоро — в мае: ночи были светлые и тёплые. Устроился у Марианн, а у неё — месячный сын Александр. Тут же оказалось, что гиганты французской славистики решительно *снобируют* его присутствие в Париже. Пришлось довольствоваться общением с художниками, которых к этому времени собралось

немало в Париже. И все, как полагается, «алкоголики»! Выезжали по разным причинам: по замужеству, как я, на историческую родину предков, ожидая в Риме или Вене израильскую визу, которая чаще всего чудесным образом превращалась во французскую, или американскую, а то — в берлинскую. Случались и настоящие диссиденты, от которых, как я понимаю, охотно в это время избавлялись московские или ленинградские власть предержащие «органы» — и Горбаневская, и Александр Гинзбург. Среди настоящих были и писатели: Некрасов, Максимов. Так что, круг общения оказался довольно широким: можно обойтись и без славистики со славистами!

К сожалению, мои худшие предчувствия оказались реальностью: буквально через несколько дней визиты к художникам закончились катастрофой: необузданные «возлияния» и связанные с ними радикальные действия по ликвидации стеклянных входных дверей или старинного бабушкиного обеденного стола, положили конец гостеприимству Марианн. Я сочла за благо не испытывать французскую терпимость моего Пьера, а все собутыльники как в воду канули! Никого! Пустыня человеческая! Гоби! Сахара! Обе! И явственно вырисовывается Delirium tremens с его онирическим смещением действительности и рукодрожанием.

Я схватила Виктора в охапку и потащила в маленький отель, который находился на улице сержанта Bobillot, буквально в нескольких шагах от моего дома и совсем недалеко от артезианского источника на площади Поля Верлена (Paul-Verlaine) — не замечательно ли? — в кварталчике Butte aux Cailles. Жила я в те времена на двадцать третьем этаже башни Оникс на соседней улице Vandrezanne, рядом с площадью Италии в 13 округе. Впрочем, Мариан тоже жила в непосредственной близости, тоже

в 13-ом, что облегчило далеко не лёгкую задачу перетаскивания Поэта на новое местожительство. В отеле, совершенно провинциального типа, ресепционист-араб отвёл новому постояльцу комнату, довольно просторную, солнечную — душ и удобства — пожалуйста в кулуар. На окнах были непрозрачные тёмные шторы, вход осуществлялся через широкую деревянную галерею, бегущую по всем трём этажам фасада старого домишки, выходящего во двор — чистый и беззвучный — экзотика почти восточная при том, что улица наполнена непереносимым визгом и скрежетом автомобилей и всяческими бытовыми шумами. К тому же, отель был баснословно дешёвым — и Виктору понравился. Началась самостоятельная жизнь. Самостоятельная, конечно, смело сказано. Каждое утро я приносила кастрюльку горячего молока — с огня — для ликвидации последствий вечернего возлияния, которое не только продолжалось, но принимало всё более решительный характер. В отель входила с опаской, молниеносно оценивая взглядом реакцию ресепциониста на моё появление: если что — бросаю кастрюльку и скрываюсь навсегда. Таково было моё решение. Ни за что не отвечаю! Меня нет, и никогда не было! Утреннее ускользающее видение. Точка!

Как ни странно, всё кончилось благополучно. Виктор в основном спал или разговаривал по телефону. Заинтригованный многочисленными звонками из разных стран мира, однажды утром ресепционист преградил мне путь и поинтересовался, кто же этот отельный житель, который днём не выходит, а ему звонят и звонят, особенно из Америки. «Должно быть, — сказал он почтительно, — персона важная»... Я объяснила наивному человеку, что житель его — известный русский поэт, как французский Рембо или, ещё лучше, Вийон, и отель от этого скоро станет зна-

менитым, много посещаемым и очень дорогим. «Бог услышит ваши речи», — заключил араб, и мы стали горячо приветствовать друг друга при утреннем исполнении моей молочной функции.

Вечером я снова приходила, часов уже в десять. Мы шли гулять по avenue d'Italie, садились на скамейку. Он рассуждал, размышлял, философствовал, богохульствовал, ругал всех подряд, никого не хвалил и — постепенно пьянел… Мне это было непонятно, загадочно. Казалось — мистика: в отеле он был трезв — сама видела — зелья не находила, несмотря на обыск с пристрастием, пил только апельсиновый сок, утверждая, что у него жажда и для витаминов, а приводила его в отель после прогулки я елеле… Только перед самым отъездом в Ленинград, в последнее утро, попробовав сама, установила, что апельсиновый сок не столько апельсиновый, сколько горячительный — и от него — зло!

Среди моих близких друзей парижских оказалась замечательная Евгения Николаевна Берг, доцент того же института, в котором я старалась убедить студентов в высоком художественном достоинстве нашей византийской Владимирской иконе, тончайшей и в прелести вишняковской Сары Фермор, предимпрессионизме итальянских этюдов Александра Иванова или в патетической непостижимости русского авангарда. Моя «французская мамочка», как я её называла, бесконечно преданная русской культуре, особенно любила литературу. Родившаяся в 1914 году, ученица Annensule в Петербурге, она была из эмигрантов двадцатых годов. Семья через Прагу и Берлин добралась до Парижа со всеми немыслимыми трудностями и лишениями, обычными для всех беженцев. Евгения Николаевна, активистка Русского студенческого христианского движения, сохранила в себе огромную любовь к России, была в центре русской литературной жизни во Франции

и возглавляла литературный кружок, называемый «Солёным»: вступая в него, кандидат, чтобы стать полноценным членом объединения, съедал ложку соли — не помню, чайную или столовую. Соль символизировала мудрость, познание, диалектику, обмен мнениями. В Швейцарии, в Лозанне, существовал Малосольный филиал кружка, где при вступлении порция засаливания, оказывалась менее агрессивной. Его организовали супруги Н.А. и П.Р. Карпушко, члены «Солёного», переместившиеся из Парижа в Лозанну.

Литературное объединение «Солёный кружок», было основано в 1930 году Геннадием Евгеньевичем Озерецковским, белым офицером и писателем, как говорят, Русского Зарубежья, ушедшем из жизни в 1977 году. Евгения Николаевна возглавила кружок ещё до смерти его основателя, и просуществовал он до 1991 года, когда сама Евгения Николаевна оставила наш самый лучший из миров. Жаль, что не нашлось преемника, способного сохранить этот замечательный очаг русско-парижской культуры.

Евгения Николаевна знала творчество Виктора ещё по его выступлениям в Париже в 1965 году и восхищалась им. Мне не составило ни малейшего труда организовать вечер Сосноры в этой литературной среде. Евгения Николаевна жила со своим супругом Анатолием Леонидовичем в довольно просторной квартире на 163, rue de la Convention, «генетически литературной», как говорила она сама — ранее в ней жил Кирилл Дмитриевич Померанцев. Уже более двадцати лет здесь собирались по воскресеньям к вечеру раз в месяц русские люди. Когда-то здесь присутствовали и религиозные философы-богословы Георгий Петрович Федотов и Владимир Николаевич Ильин с женой Верой Николаевной, сестрой Жени, и Бунин, и Зайцев, и Сологубы, и Терапиано. Кажется, во время своих ви-

зитов в Париж, бывал Вадим Андреев, сын Леонида Андреева, тоже писатель и поэт, и мне приходилось встречаться с Александром Андреевым, переводчиком ЮНЕСКО, внуком Леонида, бесстрашно вывезшим из СССР в 1968 солженицынский «Архипелаг Гулаг». Были всегда интересные докладчики — и Померанцев, и Одоевцева, и Абрам Терц — Синявский Андрей Донатович, из недавнего заключения попавший в 1973 году в Париж, и Иловайская-Альберти, главный редактор «Русской мысли», и даже я — почему-то с Миром искусства.

После докладов всегда было изобильное угощение, принесённое участниками и установленное на огромном обеденном столе — замечательная русская домашняя кухня! Расходились довольно поздно, наслушавшись, наговорившись, обменявшись мнениями и новостями — политическими и семейными.

Кружок, исключая меня, до середины семидесятых почти полностью состоял из эмигрантов, уже совсем немолодых и многих известных. Советская эмиграция появилась несколько позднее. Ко мне, инопланетянке, сверх всякого чаяния оказавшейся среди них, относились с симпатией и интересом, а я к ним — с интересом и пиететом. Среди них мне не довелось встретить людей действительно враждебных России, но её насущные проблемы активно и горячо обсуждались. Многие совсем не знали и не понимали советскую Россию — да и как её понять, Матушку?

Регулярно бывала на вечерах Ирина Владимировна Одоевцева, жившая совсем рядом на улице Casablanca в доме №4. Я всегда провожала её домой, сначала по просьбе Евгении Николаевны, потом — по привычке. Кончилось тем, что мы подружились. Самые доверительные и тёплые отношения возникли у меня и с Яко-

вом Николаевичем Горбовым, вторым её мужем, когда-то офицером Добровольческой армии, позднее, известным в Зарубежье писателем остросюжетных романов и редактором высокой репутации литературно-политического журнала «Возрождение». Жизнь Ирины Владимировны была непростой, но это совсем другой сюжет. Кстати, в своих воспоминаниях «На берегу Сены» в главе о Терапиано она говорит о «Солёном» кружке, об Озерецковском и о Евгении Николаевне.

Семидесятые и восьмидесятые годы были политически тяжёлыми, и мы бессильно возмущались бесчинством блюстителей советской идеологии и жёсткой репрессией «упорствующих» в своих «заблуждениях» диссидентов. Виктора почему-то причисляли к ним. Без особых причин. Необычностью своего поэтического дара, резкими репликами, недвусмысленными замечаниями на сюжеты дня и неожиданными характеристиками некоторых из своих знаменитых собратий по перу, он иногда шокировал непривычных к подобной откровенности русских французов.

Естественно, в этой литературно-восприимчивой среде выступление Виктора прошло замечательно. Народу было человек сорок — более квартира вместить не могла. Он читал стихи, прозу — медленно, красивым низким голосом, завораживающе. Сам был почти демонически красив. Я включила маленький магнитофон и записала. Было это 9 мая, в день знаменательный. Совсем недавно старую кассету отдала Тане, чудной его жене, теперь она сохранится, может быть — кто знает? — вечно...

После такого успеха порешили с Одоевцевой, Померанцевым и Евгенией Николаевной сделать что-нибудь глобальное, выйти на большую арену. Ею оказалась Русская консерватория Сергея Рахманинова, созданная эмиг-

рацией ещё в 1923 году. Эта частная музыкальная школа существует и по сей день и пользуется высокой репутацией, как музыкальной, так и гастрономической. В подвале её — отличный ресторан, когда-то для студентов, но открытый и для не очень музыкальной публики: надо только быть расположенным к борщу, пирожкам, рюмочке охлаждённой водки и замечательным блинам. Когда-то удивительно дешёвый, он сменил регистр и превратился в весьма дорогой, но, все же, не преувеличенно.

Помимо музыкальных классов и ресторана, в консерватории существует и элегантный просторный концертный зал, где иногда происходили русские литературные собрания. В глубине сцены висит отличного качества метровая черно-белая фотография с портрета Рахманинова работы Сомова, которую в начале восьмидесятых годов я заказала в фотолаборатории моей родной Академии художеств для Андре де Фонколомба, французского дипломата, президента Общества Рахманинова, кузена Антуана де Сент-Экзюпери. Об этом, кроме меня, никто не знает, Андре давно уже нет на этом свете, а фотография висит — во внушительной раме…

Вот этот зал и был предназначен для выступления Виктора. Померанцев дал объявление в «Русской мысли». Всё складывалось замечательно удачно, но всё рухнуло в течение нескольких дней.

После триумфа в Солёном кружке состояние Виктора катастрофически ухудшилось. Необходимо было его срочно эвакуировать домой. С билетом проблемы не было — в те времена мало кто летал из Парижа в Россию, но с транспортировкой Виктора Александровича — иной «коленкур», как я позволю себе выразится, играя на сходстве имени наполеоновского генерала и дипломата с названием хлопчатобумажной ткани, предназначенной для книж-

ных переплётов. Человеческая пустыня, образовавшаяся вокруг Виктора, вынудила меня призвать на помощь молодую и красивую коллегу, преподававшую чешский язык, Дашеньку Хобцову, попавшую под шарм Поэта в результате его блестящего выступления у Бергов, а может быть и раньше.

В утро его несостоявшегося вечера в Консерватории Рахманинова мы с трудом посадили Виктора в мой двухместный спортивный Fiat Spider. Дашенька устроилась боком, с трудом поджав колени, на узеньком багажном местечке сзади, и повезли, бедолагу, в Roissy-Charles de Gaulle — без сопротивления, но против его воли… Весь путь Виктор устрашающе размахивал руками и горланил свою любимую «Сталин и Мао слушают нас, слушают нас…». Дальнобойщики в правом ряду с ужасом шарахались от маленького красного открытого автомобильчика с опасно неспокойным седоком в компании двух ещё вполне молодых особ.

В аэропорту, усадив нашего красавца под строгим присмотром Даши в сторонке — подальше от регистрационной стойки, и совершив необходимые формальности, я безжалостно понесла его на своём плече к пограничному контролю с единственной мыслью: пройдёт — не пройдёт, только бы прошёл! Охраняющий границу полицейский предложил заполнить эмиграционный бланк с данными: кто, куда, откуда и зачем. И тут — кошмар! Виктор возмутился и злобно отшвырнул документ вместе с одолженной ручкой, далеко в сторону. Боже! — сверкнула мысль: сейчас прогонят! Ведь алкоголь распространялся на десять метров! Подобрав бланк и решительно коснувшись локтем Викторовых рёбер, сама заполнила его и подписала — паспорт был в моих руках. Полицейский офицер в своей прозрачной кабинке сострадательно по-

смотрел на меня, ничего не произнёс, стукнул паспорт штемпелем и великодушно растворил стеклянную дверь. Я вытолкнула Поэта из Франции. Дверь тотчас же затворилась. Какие же в те времена были благодушные в этой стране нравы, чтобы безмятежно посадить в самолёт пассажира, как теперь говорят в «неадекватном» состоянии, от которого шарахались не только дальнобойщики, но и случайные встречные дикие кошки.

На большой скорости мы вернулись в Париж, на Нью-Йоркскую набережную в рахманинскую Консерваторию. Евгения Николаевна знала о критической ситуации и тщательно следила за предпринятой операцией неизбежного Викторова возвращения в Ленинград, но Померанцев, надеясь на лучшее, уже не смог дать объявление в *Русской мысли* об отмене выступления. Народу было множество — полный зал, все ждали Поэта. Я доложила Евгении Николаевне, что «всё в порядке, улетел», и, отыскав свободное место, уселась. Евгения Николаевна торжественно, с достоинством, печально объявила: «Дорогие друзья, вы собрались на выступление знаменитого ленинградского поэта Виктора Сосноры, но оно не состоится, — *долгая пауза.* — В данный момент поэт летит в самолёте в Ленинград по непредвиденным причинам». По залу прошёл глухой гул сочувственно-возмущённых голосов — все поняли, что советская идеологическая служба срочно отправила ненадёжного поэта восвояси за неизвестно какое инакомыслие… «Но, — невозмутимо сообщила уважаемым присутствующим предусмотрительная Евгения Николаевна, — вместо Виктора Сосноры, сегодня с докладом о русской эмиграционной литературе выступит швейцарский профессор Жаба».

Последнее парижское заочное — увы! — ревю Виктора, имело место 1 марта 2013 года в литературной ассо-

циации *Глаголъ,* существующей с 2008 года, очаг русской культуры, в какой-то степени преемник доброй памяти Соленого кружка.

Мысль устроить вечер Сосноры, национального поэта России, в *Глаголе* пришла мне в голову совершенно неожиданно. Я высказала её Владимиру Сергееву, президенту, и он пришёл в восторг. «Немедленно, немедленно», — вскричал он и дал мне карты в руки.

Через старинных лет общую подругу, Лилию Садовникову, нашла Поэта, которого после парижской эксцентрики несколько потеряла из виду. Виктор откликнулся на мой зов 29 декабря 2012 года: «Дорогая Вера! У меня была Лиля и сказала срочно написать тебе. Вот я и пишу. Твой В. С.».

Я доложила ему о создавшейся благоприятной ситуации: «Дорогой Виктор, как хорошо, что получила от тебя весточку — Лиля — замечательный Меркурий, несмотря на узкое информатическое крылышко: перепутала какие-то точки в адресе. Спасибо ей, что обнаружила непригодное.

Вообрази себе, я неожиданно полностью в Сосноре: читаю и перечитываю. Погружение в бездну произошло следующим образом: в Париже, вот уж, несколько лет существует литассоциация ГЛАГОЛЪ, тусовка здешних русских поэтов, писателей и сочувствующих, под эгидой ЮНЕСКО и под председательством Владимира Сергеева, самого из ЮНЕСКО, литпереводчика и прочая… Сюда-то меня и занесло не знаю каким ветром. Есть здесь симпатичные люди, русские и французы, оживляющие наш тусклый русско-парижский фон. Что-то похожее на Солёный кружок Евгении Ник. Берг, где ты выступал когда-то, но в новом временном измерении со всеми вытекающими… И вот организуются тематические собрания. Бывает на них человек пятьдесят-сто, выступают местные и заезжие — и так очень пунктуально раз в две недели.

В декабре был вечер поэзии. Меня попросили почитать Мандельштама, а я заупрямилась и объявила, что читать буду только Соснору, да ещё Таню Вольтскую. Но лучше Соснору. Так и случилось. Вечер состоялся в декабре, успех был ярок. Слушали заворожённо, аплодировали активно — для многих поэзия твоя оказалось открытием. Читала из *Всадников* и из *Песни лунной*. Хотела было из *Мартовских ид,* да не решилась — показалось трудным для первого раза. Очень волновалась, но, говорят, грозно сверкала глазами и оглушающе рычала — даже Петру Капличенко, профессиональному актеру, понравилось. Всё это заняло не менее получаса, и в результате решили посвятить целый вечер только тебе. Это будет 1 марта. Всю организацию возложили на меня с двумя-тремя помощниками.

Теперь мне надо знать, не против ли ты в принципе, и, если нет, дашь ли какие-нибудь указания? Буду в Петербурге с 16 января по 8 февраля — м.б. встретимся. А пока — пошла спать. Вот уже полпервого…

Потом расскажу об общих знакомых, кто как. Если интересно. Тоже твоя В.

И — очень важно — с наступающим Новым годом! Здоровья и положительных эмоций, чего же боле!».

Того же 29 декабря: «Дорогая Вера! Хорошо, что ты объявилась. Если я правильно помню, я был последний раз в Париже в 1979 году. Это была феерия, и приехал в дым, и уехал в дым. Если бы не твоё молоко, которое ты самоотверженно носила, я бы пропал. Ну, как мог идти на встречу с Баталовым в «Максиме», если меня мыли и отпаивали арабы, владельцы гостиницы?

Теперь о другом. Раз уж ты взялась за мои стихи, то, если приедешь, я тебе подарю громадный том, изданный в «Амфоре» к моему 75-летию в 2011 г. — 862 страницы. Ещё. Если приедешь, учти, что я абсолютно глухой, и мне нужно писать на бумаге, глухой, как муж Е. Н. Берг.

Не пью уже лет 15, и не заметил, как перестал.

Поздравляю тебя с Новым годом, с Новым счастьем! В.С.».

Действительно, время прошло, мы стали другими, изменились физически и интеллектуально, но близость прежних лет не угасла, настоящая человеческая близость, понимание и терпимость.

Началась работа. Анатолий Вайнштейн, профессиональный музыкант, поэт и философ, представил блестящий анализ творчества, я — биографию, характер и «всяческое», а Леся Тышковская, артистка и поэт, создала целый спектакль, эмоционально насыщенный и красиво исполненный.

23 февраля 2013 я ему пишу: «Привет, Поэт! Вот и объявление — текст не мой. Ужасно что-то беспокоюсь — на меня наложили то, на что я не рассчитывала — какие-то разговоры о тебе. Это не по моей части — буду протестовать. Виктор, очень прошу, напиши несколько симпатичных слов в адрес слушателей, как будто ты в зале — ведь создастся реальное впечатление присутствия. А я прочитаю звучным голосом. До скорого. Вера».

А в объявлении на русском и французском — следующее: Дорогие «Глагольцы» и наши друзья! 1 марта в пятницу в 19.00 по адресу ул. Турнефор, 37 (нижний зал) состоится вечер, посвященный крупнейшему русскому поэту — Виктору Сосноре. Уникальный, как и его биография. Поэт и график В. Соснора соединил в своем творчестве и авангард, и литературные провокации. Его художественный мир очень непрост. И хотя В. Соснора в 2011 году стал лауреатом российской национальной премии «Поэт», он — один из самых непрочитанных поэтов современности.

Вы хотите побольше узнать об этом поэте? Понять, почему он оказался в тени других поэтов? Хотите войти в его очень непростой художественный мир?

Тогда приходите к нам.

Вера Трэмон предлагает вам посмотреть документальный фильм В. Непевного «В. Соснора. Пришелец» (44 мин.), послушать его стихи, поговорить о его творчестве.

Ниже располагалась красивая фотография Виктора, окутанного кашмирской шалью, в чёрной ермолке с лиловыми «кабалистическими» символами. Сомнений нет, речь идёт о Поэте.

А мы все нервничаем — и в Париже, и в Петербурге. Накануне, 28 февраля, Таня сообщает мне: «Дорогая Вера! Виктор Александрович, хоть и кривляется, но очень волнуется, а я крепко сжимаю кулачки на удачу. Главного героя бьёт температура прямо с субботы, врачи, анализы в баночках, еще немного, и он разгонит нас всех к чёртикам, обозлясь. Говорят, обострение старых хронических. Держимся. Волнуемся. Виктору Александровичу — стыдно. Обнимаем! Таня».

1 марта 2013г, 21:02 пользователь Véra Traimond.

Итак, всё кончено! Но было здесь мгновенье… (из Маскарада).

Всё прошло невероятно здорово, можно сказать, триумфально. Вечер начался в 7 часов с маленьким опозданием, закончился после полуночи, правда с полуторачасовым возлиянием во славу и здоровье Поэта. Разъезжались на последнем транспорте. Я даже не ожидала такого. Очень боялась полного или частичного неприятия — ведь, все-таки, Виктор Александрович, дорогой мой, ты адски труден. Я представила жизненный путь, прямой и достойный, предварительно почитав из *Всадников*. Потом Анатолий Вайнштейн, сам поэт и в деле смыслящий, объяснил невинной публике суть творчества Сосноры, если это вообще возможно. Потом посмотрели фильм Непевного — и прониклись. Далее актриса и поэт красавица Леся

Тышковская читала совершенно великолепно двух *Гамлетов, Пьяного ангела*, много другого, даже прозу из *Летучего Голландца*, и, наконец, ты сам завершил вечер записью 1979-го, с диапорамой из твоих фотографий взятых из фильма, с добавлением моих последних — под аплодисменты. Звук был замечательный, будущая университетская соснористка сделала превосходный видеомонтаж. После окончания народ не безмолвствовал, как часто бывает, а очень благодарил за «открытие» В.А. Конечно, жаль, что тебя не было — фатум, как ты говорил когда-то. Ну, что делать! Соснорины чтения продолжались страшно долго, не менее трёх часов, но никто не ушёл до окончания. Почему-то все поздравляли меня и целовали — факир на миг — я обратилась чудесным образом в Соснору. Во имя его и принимала почести, призывая не забывать троих других участников действа. По окончании вечера всё присутствие официально обязало меня тебе передать огромную благодарность за творчество (и чудотворство) и пожелания здоровья и всего, что с ним связано. Передаю. Было человек 60–80, почти все русские — их теперь пруд пруди в Париже. Соснора стал счастливым откровением. Только одна дурёха, почти нобелевский лауреат по учёным параметрам, честно призналась: не люблю я вашего Соснору. Ну что ж, произнесла я важно, — в другой жизни всё будет иначе — ведь реинкарнация совершенствует… Теперь, пока-пока-покабакам! Позвоню скоро».

И получила ответ 7 марта: «Дорогая Вера! Твой энтузиазм по поводу меня и моих стихов удивляет и восхищает. Я не “адски труден”, просто сейчас никому не интересны ничьи стихи, все сейчас в этой стране заняты самими собой или же т. наз. бизнесом. И стихи, которые всегда всеми писались, тоже превратились в маленькую, но тоже коммерцию.

Будем говорить прямо: что-то я не слышал в последнем твоём письме голоса главы «глагольцев». Твоя подруга-итальянка, переводчица, тоже не читала моих стихов, хоть и знает русский. А на итальянском языке у меня вышла книга переводов моих стихов в Милане, правда, лет 20 назад. И т.д.

Не знать меня сейчас — это преступление равное преступлению перед советской властью! Ну, ладно, что-то я разболтался. Передай от меня привет соснористке, Лесе Тышковской, Вайнштейну, умной итальянке Вите. А той дурёхе, которая меня не любит, привет не передавай, пусть это будет ей наказанием.

Поздравляю тебя и Пьера со славным Женским днём 8 марта. От Тани пламенных 8 приветов! Твой В.С.»

11 марта постаралась пояснить:

«Дорогой Виктор! Спасибо огромное за поздравление с этим благословенным днём — весело провела 8 марта в конкурирующей ассоциации «Парижск». Слегка нализавшись, подняла тост за несравненную первую феминистку летучую Лилит, усатую, волосатую, и объяснила присутствующим, как надо действовать с адамами. Вызвала большой энтузиазм у той, которая не любит Соснору. Прочитала ей проникновенно *улицу Росси, твой Россинант…* — немного спустя она залилась слезами и заявила, что ненавидит мужчин. Я не поняла логики подобного откровения, должно быть — vin triste...

Теперь моя задача — найти выход на Российский центр культуры и науки.

Это официальное представительство посольства на rue Boissière, около place de l'Etoile, в старом особняке, принадлежащем ещё императорскому посольству. Там происходят всяческие официальные вечера, совершенно иного качества, чем в конфиденциальных Глаголе или

Парижске. Там всегда много народу, много света и помпы — словом — иные возможности. Там даже было представление моего двухтомника древнерусской архитектуры с подачи моего издателя Пьера Береса (Hermann) и посла Франции Евг. Берга, сына Евгении Николаевны. А сейчас 19 марта будет вечер Нуреева, потом, 21-го — литературный вечер с участием «Глагола». Вот в этом центре и нужно сделать твой вечер, рассматривая глагольский как репетицию. Проблема: у меня нет никакого выхода ни на кого. И хотя, как историк искусства — медиевист, пользуюсь некоторым уважением и ограниченной известностью, с сильными мира сего не общаюсь и общаться не умею. Во главе Центра — Игорь, кажется, Александрович Шпынов, довольно симпатичный. Я его знаю только издали. Здороваемся — и всё. Зато Глаголу, то есть, Сергееву он даёт, время от времени, большой зал. Значит, мне надо убедить Владимира предложить проект персонального твоего вечера к концу года. Вот и буду действовать, если ты не против. Только что из этого получится — не знаю. Если ничего — не обессудь. Когда я думаю, какое славословие развели вокруг Евтушенко, начинаю его откровенно не любить. Его вечер происходил в посольстве — высшее признание — при полном зале, со вступительным словом Son Excellence господина Александра Орлова, лучшего из всех советских и русских послов, которых уже навидалась. Все, по свидетельству очевидцев, были в ажиотаже. А он, Евтушенко, как был массовиком, так и остался — от помпы мира сего не отрёкся. А, впрочем, зачем? Слава Богу, я была в Петербурге, кажется, даже у тебя в этот день… Кстати, на твоём вечере не отказала себе в удовольствии прочесть «Ночь идёт по Москве» из его «Разведчиков будущего». Ты, наверное, забыл: *«Я знаю: грядущее видя вокруг, склоняется*

этой ночью самый мой лучший на свете друг в Кремле над столом рабочим. Весь мир перед ним — необъятной ширью! В бессонной ночной тишине он думает о стране, о мире, он думает обо мне. Подходит к окну. Любуясь столицей, тепло улыбается он. А я засыпаю, и мне приснится очень хороший сон».

Присутствующие застонали и заахали, и всем стала понятна разница между поэтами. Приём, может быть запрещённый, но эффективный.

Ещё забыла тебе сообщить, что один глагольский актёр, тот же Пётр Капличенко, громогласно высказал своё абсолютное несогласие с нобелевской Бродскому, а не Сосноре. И повторил это в «Парижске». А одна признала тебя публично гением. А я для порядка скромно заметила, что гений, гений, но, быть может, вы преувеличиваете… Вот так. Не исключено, что вспомню ещё что-то.

Теперь об ином. Через две недели удаляюсь в свой атлантический скит — в Ланды на берег океана до октября. Пьеру там лучше, да и мне надо поплавать для тонуса.

Расписалась! Но это чтобы обрисовать тебе немножко сегодняшнюю обстановку. Она совсем иная, чем та, которую ты знал когда-то. Все старые русские ушли в небытие — симпатичный, в основном, был мир. Я очень дружила с Одоевцевой — до самой её смерти на Невском, 13. Помогала ей, как могла. Ещё моей подружкой была Нина Вырубова, лучшая Жизель 20-го века, по свидетельству Лифаря. Тоже ушла. А теперь в Париже сонмы русских — каких, откуда, почему, как — энигма. Есть и шпана, даже страшноватая. Держусь подальше.

Вот, пока всё. Что же касается твоего удивления и восхищения — ничего удивительного, ни восхитительного. Я изначально любила твоё Слово, всегда читала и знала наизусть. Так зачем же мне читать Мандельштама, если есть Соснора. Вот им и восхитимся! Остальное не существенно.

Обнимаю Таню, тебя слегка, в меру эмоциональных возможностей.

Все благодарят тебя за приветы желают продолжение Сосноriады. Вера».

От 30 марта 2013 Таня пишет:

«Дорогая Вера! Спасибо Вам за тот ответ Виктору — давным-давнишний уже, из одиннадцатого марта! Наш герой, отправив Вам 7 марта письмо, раскаялся тут же и пожалел: “Я забыл, что у женщин другая психика, Вера обидится на меня за это письмо!” Каждый час требовал открытия почты. Нет письма. “Обиделась! Твердо обиделась!” — переживал Поэт, бежал в ванную курить и сыпать пепел сигарет на коврик и на голову. И теребил меня снова: “Посмотри, там есть письмо?”

Наконец письмо! Гений выдыхает, гений счастлив.

Ближе к 28 марта гений забеспокоился снова. “Вера уезжает! На полгода!!! Почему она не пишет перед отъездом? Посмотри же почту! Еще раз проверь!”

Сегодня дрянное настроение. Блинчики недоедены. “Уехала! И не написала!” Обнимаю Вас, Вера, от лица всей нашей трагедии. Таня».

28 апреля Поэту исполнилось семьдесят семь. Я написала:

«Дорогой Виктор, вот завтра и день важный, ежегодный, а посему здравия желаю молодецкого, мало-мало детского, да ещё и долголетия — и сил, и всяческих желаний. Обнимаю при этом крепко и посылаю охапку роз любовно мною взращенных! Семёрка — число счастливое, а две — ещё лучше, будем ждать третью. Что нам! Слабо?!

Всё прекрасно. После месяца лошадиного бронхита и двух новых вспышек, кажется, прихожу в себя. На юге Франции продаю дрожжи — холод собачий: всего-навсего 12 градусов. Дождит. Океан белый, как сахарный. И каторга. Ты не представляешь, чего мне только не приходится

делать — и тачку с дровами для камина толкать, и какую-то жесть в паскудном плёночном гараже, Господи прости! на землю укладывать, чтобы моя старая полугрузовая коляска не забуксовала в здешних зыбучих песках, то ветви у высокого клёна электропилой уничтожать, чтобы провода всяческие, телефонные и световые, в бурю не порвали, да ещё выслушивать бесконечные нарекания, упрёки, поучения от единственного и неповторимого, кошек «свободных» кормить, то три, то пять, помидоры сажать, водяной насос налаживать — ну, да что делать, жизнь такова — и в этом радость.

Вчера была в Байоне. Обедала у старух-хористок баскского хора, который в первой декаде мая будет петь в Петербурге в Петропавловском соборе, в Консерватории и ещё где-то. Давала наставления — что и где смотреть, какую воду и водку пить, какую нет, а сама с удовольствием лакала шампанское — ох, люблю! Байона в 40 километрах. По времени добираться как к тебе — часа полтора на автобусе.

Танечку обнимаю, тебя ещё разочек, не ленись, черкни, молчаливая Дева-Рыба!»

И в ответ: «Вера, Вера! Дорогая Вера, Виктор Александрович, двумя семерками преисполненный, благодарит за поздравления и розы!

Я вспоминаю дух захватывающие волны. Как они там сейчас, до сих пор волнуются? В Ленинграде будто бы лето, скоро черемуха, и каштаны интригуют бутонами, о, скорей бы, поскорей.

Виктор Александрович в еврейско-узбекской цветной шапочке доволен: окна ему помыли (не я!), шторы постирали (не я!), блинчики с мясом испекли (не я!). Еще бы здоровья для полной идиллии. Обнимаем Вас чрезвычайно крепко.

Скучаем по Вашему задору. Таня и Виктор Александрович».

А потом, 4 июня: «Дорогая Вера, воздух горяч до невозможности, каждый вечер я становлюсь барышней с вентилятором, брожу по квартире Виктора Александровича, из кухни в комнату, из комнаты в кухню, с этой громадой на плече и разгоняю воздух, варю куриные лапки и дую вентилятором на кипящую кастрюльку. Кастрюлька синяя.

Дорогая Вера, цветет сирень всех оттенков Врубеля, на работу приносят её охапками из огородов и садов трудодачники, букеты повсюду и запахи.

Дорогая Вера, Виктор Александрович ждёт весточек от Вас каждый день, велит глядеть в почтовый ящик, ерзает на диване от нетерпения, пока грузятся страницы, нет, опять нет письма.

Дорогая Вера, ожидающий писем говорит, что сам их писать не способен, грызёт градусник с ртутью, отмечает цифрами тридцать семь и три, “о, это от жары”, — говорит В. А.

Дорогая Вера, Виктору Александровичу повесили шторы цвета штанов моряка, В. А. в тельняшке, в окне чайки, будто пересекаем экватор.

Дорогая Вера, как сурово у Вас на картинках, но очень красиво, мне нравится взгляд Ваш, Ваши пески, совсем степные травы, крыши и колючая проволока, ого! Дорогая Вера, дорогие разнузданные коты, дорогой океан, дорогая тачка, дорогие дрова, привет вам от жаждущих глотнуть коньячку! Обнимаем!»

Последний раз я была у Виктора в январе 2019 года. Впечатление осталось трагическое. Он был почти весёлым, но я знала, что видела его последний раз… Провожая, Таня мне сказала: «Надеюсь, в том же составе увидимся в будущем году»… Я обняла эту удивительную, безмерно преданную своему Виктору, талантли-

вую молодую женщину и ответила: «Не знаю, желать ли этого…». И услышала: «С ним тяжело, но без него — ещё тяжелее».

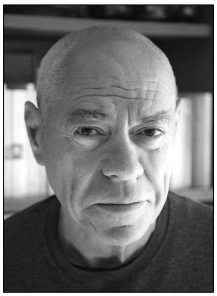
Вот и вся история выхваченных из жизни ярких моментов человеческих отношений. Жизнь прошла безжалостно стремительно, как это ей и присуще. Memento mori, напоминали триумфатору в Античном Риме…

24 февраля 2021

С благодарностью Марианн Гур, уточнившей некоторые даты событий и Никола (Николаю Анатольевичу) Бергу, сохранившему архивные данные, позволившие восстановить забытые имена и факты.

Владимир ЧЕРНИН

Режиссёр, продюсер, автор и актёр французского телевидения. Пишет искрящиеся юмором рассказы. Один из них предлагается вашему вниманию.



ИШХАН КАК СОСТОЯНИЕ ДУШИ

(наивный рассказ)

Я симпатичен грузинам, а они мне. Как сказал Паата в одном из тостов за моё здоровье: «Мы за всех пьём, но не так! За тебя мы пьём по-настоящему». Это греет душу. Грузия это мой Зурбаган. И так было всегда, с еще незапамятных брежневских времен, наш научно-исследовательский институт имел свой филиал в Тбилиси и я старался сделать все, чтобы оказываться там как можно чаще. Мучаясь над этим психотерапевтическим рассказом (притом, что терпеть не могу психоанализ), я вдруг обнаружил, что ностальгирую по бывшему советскому Тбилиси намного больше чем по Москве! Я человек, сбежавший из Совка во Францию более 40 лет тому! Знаю, знаю — был молодым, здоровым, потому и розовый туман воспоминаний. И приезжал я все время летом, а сейчас мы приперлись в холодрыгу в начале апреля, все серо. Но в течение всех семи дней меня не покидало ощущение что «Теплый город» и его ближняя провинция были намного красивее в совет-

ское время. Добил меня «Логидзе». Когда мой парижский Паата (у меня их два, один в Париже, другой в Тбилиси) остановился перед углом здания со слепыми окнами, заклеенными афишами какой-то безродной французской фирмы, с дверью, над которой еще сохранился маленький, но очень красивый витраж, у меня неприятно забилось сердце и захотелось напиться. Мы до сих пор с единственным оставшимся мне московским другом, Мишкой Шнуровым, говорим «это Логидзе» вместо «это логично». Так было всегда, и мы автоматически вспоминали Будду, Зуру, Гочу и всех остальных. Я забегал в Логидзе по пять раз в жаркий день из-за вкуснейшей газировки и главное из-за непередаваемой *тбилисской* атмосферы этого прохладного заведения. У меня сложилось впечатление, что это «культовое» место было продано при полном равнодушии жителей города, а я всегда полагал, что это заведение составляло часть коллективного сознания тбилисцев. Значит сейчас, как говорится, «не до хорошего», главное выжить.

Мы стояли перед этими тупыми плакатами «1,2,3...» как обворованные, знающие, что пропавшего не вернуть. Паата поносил последними словами либертарианцев, мы не любим общества, в которых все покупается и все продаётся. Я стоял с отвисшей нижней губой и думал о том что «скопировать — приклеить» уже давно не работает в этом мире. Советникам президента надо книжки умные читать и особенно статьи в умных журналах. И старинная русская пословица «Что немцу хорошо, то русскому смерть» имеет место быть еще и сегодня, с оговорками, конечно, но имеет место быть. Еще я сказал себе, что мне надо стать богатым, выкупить это место, и сделать внутри все как было раньше, в мои молодые годы. Потом устроить грандиозное открытие и целый день поить людей бесплатно газировкой, а там видно будет. Поили же пивом

лондонцев в день бракосочетания Кейт и Уильяма бесплатно во всех пабах, а я чем хуже! Кто сказал, что нельзя войти дважды в одну и туже реку? Кто сказал, что это не рационально, а на эмоциях далеко не уедешь? Вопрос риторический, мы все знаем кто. Первым был Декарт, а в наше время главными теоретиками «рационального мышления» является Ричард Герштейн и Шарль Мюрей, те, что в 1994 году написали «*The Bell Curve*». Все эти ребята могут идти умываться, с Декартом вместе, их время прошло. Настала эпоха профессора Антонио Дамазьё из калифорнийского университета (*Iowa*) и иже с ним, слава Богу, он не один. Уже через год, т.е. в 1995, он им ответил работой *«L'erreur de Décarte» — «Ошибка Декарта».* Молодец Антоша, он все понял в этой жизни. Как случится оказия, поеду в Калифорнию, пожму ручку, надо только английский подучить.

Для непосвященных объяснение на полстранички. Поклонники Декарта утверждают, что человеческий мозг — это дом разума, а эмоции находят себе пристанище в головах животных. Послушать их, так для принятия разумного решения в первую очередь необходимо «абстрагироваться от примитивных эмоций». И, как всем известно, эта наша мыслительная способность измеряется QI — коэффициентом умственной деятельности, чем он выше, тем большего ты добьешься в жизни. Все, казалось бы, просто, наши эмоции, производимые примитивной частью нашего мозга, иногда называемой «рептильной», паразитируют работу наиболее «благородной», лобовой части коры головного мозга (*cortex préfrontal*). Я прошу нейрохирургов на меня не наезжать, термины перевожу по словарю и не думаю, что это важно для *моего* читателя. Если послушать этих хлопцев, то неуправляемые, непредсказуемые, животные эмоции якобы представляют опасность для личности и общества и, стало быть, лучше их подавлять.

Однако, 20 лет серьезных исследований позволяют сегодня полностью раздолбать этот однобокий подход к нашему мышлению, что и позволило Антонио заметить с юмором «*Le cortex préfrontal a perdu son leadership!*» — «Лобовая часть коры головного мозга потеряла свое лидерство». Как оказывается QE — эмоциональный коэффициент ума не менее важен для функционирования нашего мозга, для принятия решения. Нетерпеливый скажет, к чему это он, куда его понесло? Рассказываю, Грузия — это эмоционально богатая страна и это один из ее козырей, но не единственный. Именно высоко развитый грузинский QE может помочь стране совершить «*leap-frogging*» — прыжок лягушки, модный нынче термин, употребляемый экономистами в их разработках о быстром экономическом росте и инновациях. Они отталкиваются от теории Жозефа Шумпетера (родившегося в Моравии и помершего в США в 1950 году) и работу которого «Созидательное разрушение» каждая собака в Тбилиси знает. Вижу, отсюда вижу вас! Как вы пальцем по лбу стучите, и слышу ваши высказывания в мой адрес: «Понаехали тут всякие лягушатники проклятые, нас теперь только ленивый не учит! Ты парень опохмелись и сходи в лесок на лужайку, попрыгай там с лягушками, глядишь полегчает». Я на это им отвечу так: «По ночам и с утра (то есть, когда я пишу) ваш покорный слуга не пьет, он употребляет исключительно в полдень и спит после этого полтора-два часа, но об этом потом и для тех, кого интересуют подробности моего быта». Естественно, учить я никого не собираюсь (однако лукавлю), просто очень хочется, что-нибудь сделать для Грузии по причинам, изложенным в первых строках этого скромного произведения.

Настало время признаний: да, я приезжал в Тбилиси с тайной мечтой «проишханить — раскрутить» Грузию в Европе и её окрестностях. Мне кажется, что я знаю, как

это сделать. Но прежде чем поведать мой план, надо разобраться с «ишханизмом» и его производными — ишханизацией, ишханством и так далее. Я сразу хочу заявить, что мы все в той или иной мере страдаем ишханизмом. Ваш покорный слуга всем «Ишханам — Ишхан», и я говорю это совершенно искренне, а не только для того, чтобы не побили. На кой черт я вам всех этих авторов цитирую, когда с подавляющим их большинством я знаком не по книгам, а по статьям о них? Это я сам себя «ишханю», смотрите, мол, какой я начитанный юноша.

У французов есть хорошее выражение «воскресный философ», это именно мой случай. Я всегда обожал выдумывать концепты из мыльных пузырей, продолжительность жизни которых находится в прямой зависимости от погодных условий. Теория «Ишханизма» сформировалась полностью уже в Париже через неделю после приезда из Грузии, но на «нижнем, эмоциональном пути» ведущему к кортексу через амигдаль (QE) я ее почувствовал сразу, как только тбилисский Паата мне рассказал историю самой вкусной в мире рыбки по имени Ишхан, которая водится только в одном месте на этой планете — в озере Севан. Я думал, что в Грузии все знают эту историю, но после краткого опроса оказалось, что нет. Вот как мне ее рассказали в Тбилиси. В Армении, в озере Севан живет рыбка ишхан и это самая вкусная рыба в мире, во всяком случае, так считают армяне. Непонятно зачем, но они запустили в Севан сига и эта хищная тварь полопала всего этого бедного ишхана и теперь сама стала самой вкусной рыбой в мире, короче, сволочь оказался этот сиг. Если верить грузинам, то армяне самые главные «Ишханы» в мире, в том смысле что у них все самое выдающееся от рыбки «ишхан» до Шарля Азнавура. То есть, хвастуны они. Ой, держите меня четверо, а то помру со смеху. А сами грузины не такие? Иностранец (сами грузины могут себе это позволить) усомнившийся в гениальности Грузии как таковой, авто-

матически переводится в категорию «врагов народа». Я прекрасно помню, как сорок лет назад в коридоре моего института, начальник нашего отдела Вартан Арташесович Закарян спорил с Петей Кордзая, таким же переводчиком как я, о том, кто подарил миру больше великих людей — Армения или Грузия? Я был третейским судьёй и улыбался про себя, потому что знал, что это наверняка были евреи. Дело чуть дракой не кончилось. Их различные социальные статусы были забыты, и хорошо, что рядом оказались два крепких архитектора, которые помогли мне их разнять.

Я давно заметил, что мужская половина населения этой планеты в той или иной степени, в зависимости от географического положения (на юге ишханят больше чем на севере), является Ишханами по определению. Я настаиваю на том, что этот феномен, как правило, мужской, не без исключений, но исключения, как известно... Объясняется это, по-моему, очень просто, женщина мудрее, и у нее нет типичных мужских комплексов, будет эрекция или нет, и она никогда не сомневается, что она мать своего ребенка. Кроме того, она не произносит тостов. Я не перестаю себе задавать вопрос, о чем они думают, когда мужчины поднимают бокалы. Вообще, в Грузии пьют за ваше здоровье и здоровье ваших близких бескорыстно, они как бы вам дают аванс. Им абсолютно наплевать, что у тебя пятая жена и детей раскидано немерено по всему бывшему СССР, до ноги им это, они выпьют за тебя как за образцового семьянина! И не надо возражать! Зачем, пусть будет! Это аванс, может, однажды все их пожелания сбудутся. Я не думаю, что Жан Батист думал о грузинах, когда писал своего «Тартюфа». Детская, восторженная потребность во взаимной любви наблюдается у всех народов, но у грузин она является нормой существования. И, разумеется, количество выпитого за столом прямо пропорционально поднятию уровня «ишхана» в крови.

Теперь о моём плане: как сделать так, чтобы в Грузии жилось лучше, жилось веселей. Когда ты приезжаешь с какой-нибудь бизнес-идеей в Грузию и которая тебе, естественно, кажется гениальной, очень важны два постулата: не разочаровать грузин и не разочароваться самому. Не разочаровать относительно просто, не надо их учить жить и не надо отваливать через месяц, потому что деловой ритм жизни не тот, что в Европе. Не разочароваться самому намного сложнее все из-за того же самого ритма. Неделя праздничного застолья проходит быстро (и тем лучше для печени), наступают длинные и не всегда веселые будни. Вы становитесь моральной нагрузкой для людей, которые вас любят, потому что они за вас переживают. Они боятся, что вы разочаруетесь. Что бы что-то делать в Грузии, надо набраться терпения. А спрашивается, где его взять, когда вся нервно-вегетативная система побита неумеренным количеством выпитого за последние полвека.

И тем не менее я не понимаю, как можно не раскрутить Грузию! Да еще когда сильно помогают со стороны. Мне кажется, что есть два пути, один более быстрый, второй займет больше времени и усилий, но он более верный.

Начну со второго. Паата (парижский) прав, надо перестать экспериментировать над страной и ее обитателями, люди не подопытные кролики и не морские свинки.

По-моему, надо использовать то, чем Грузия богата, и дать знать об этом всему миру. Я разговаривал с одним депутатом, кажется Гия зовут, по-видимому, остроумный мужик, я по-грузински не понимаю, но за столом все смеялись, когда он говорил, а я, как всегда во время грузинского застолья, сидел и понимающе улыбался. И поделом, язык учить надо. Я, конечно, воспользовался присутствием власть предержащей личности и бросился бе-

седовать о настоящем и будущем страны. Почему, мол народ бедно живет, работы нет и прочие дежурные вопросы. Он вдруг посерьезнел, я бы даже сказал, погрустнел и заявил мне, что в Грузии нет других источников доходов, кроме налогов. Вот те на! Франция тоже не Сибирь, там нефть на каждом углу в небо не бьет, а ничего живут. Французы часто повторяют фразу из рекламного ролика 70-х годов «У нас нет нефти, зато есть идеи!» В том смысле, что умные они очень. А Грузины что, тупые? Я с лягушатниками давненько живу, и скажу вам честно, умных людей много, но и дураков, как кинзы на воскресном базаре. Пока я учил жить этого вежливого депутата, в его глазах таилась все та же грусть, смешанная с «философией подозрения», определение придуманное современным испанским философом Хавье Гома Ланзоном. «А поконкретней можно?» — спросил он меня, когда я совсем распалился.

И тогда я ему рассказал про нижнюю дорогу (скорый путь) и про длинную (верхний путь). Длинная дорога его не заинтересовала, а о более быстром решении задачи, он уже, оказывается, думал и даже говорил с ответственными товарищами по этому вопросу. Я отправил ему небольшой сценарий, но ответа пока не получил. Человек он занятой, я понимаю. Так вот теперь я вам сяду на ухо и расскажу все как есть, заметьте на трезвую голову. Начну со второго, длинного (2–3 года) пути как наиболее скучного. Что есть в Грузии такого, что может заинтересовать избалованного западного туриста и предпринимателя? С туризмом все просто. У западных тур-операторов Грузия стоит на шестом месте в списках стран, в которые надо обязательно съездить. Во Франции туризм — это вторая статья дохода, белая нефть. Опять слышу, там дороги, инфраструктура, собор Вашей Па-

рижской Мамы и, вообще... Согласен, но ведь Бог сначала создал Грузию, а из остатков весь остальной мир. Что я получаю по интернету раз в три месяца по поводу отдыха и туризма в Грузии? Плохую, маленькую фотографию каких-то стандартных коттеджей, которыми уже загажены все побережья пост-социалистического пространства. Коротенький текст на английском приглашает на отдых в «дипломатическую деревню». В каком веке мы живем, господа? Вы не знаете возможности интернета? И почему на английском? На перевод 50 лари не хватило? Так воспользуйтесь переводчиком в Гугле. Думать, что все европейцы автоматически говорят по-английски, есть большое заблуждение. Они автоматически отправляют это письмо в корзину.

Что, в Грузии нельзя найти талантливых ребят, которые могли бы сделать приличный сайт со множеством культурно-исторических ссылок и видео-клипов о грузинской природе, монастырях, традициях и обычаях? Нет таких людей? А если вы своим не верите, так я вам отсюда выпишу, не задорого, их здесь как у дурака махорки в кармане. Я догадываюсь, что приближенные к власти товарищи, хорошо читающие по-английски, прекрасно знают, что такое «маркетинг» и, конечно, читали «Пурпурную корову» Сета Година. Того самого, кто на настоящий момент главный в мире по маркетингу, то есть, он настоящий гуру маркетологов. Но я не советую местным властителям дум молиться на Година (Godin is God — говорят американцы). Эта книга была написана много лет тому назад применительно к Америке, разницу чувствуете? И не стоит его приглашать учить вас умуразуму, дорого получится. Я могу вам отправить одного очень хорошего специалиста, вернее специалистку, лекции почитать, естественно, на английском. Она у меня

сейчас по квартире на костылях скачет, как только гипс снимут, так пожалуйста, встречайте. Не хочется никого обижать, поэтому я не буду называть стра́ны, которые не имеют и трети того, что есть в Грузии, а западный народ туда косяком не идет. Маркетингом страны надо заниматься, господа, но учитывая национальные особенности. Даже замедленный (по сравнению с Западом) грузинский образ жизни, является позитивным аргументом для задерганного иностранца.

Надо предлагать особенности Грузии, а не подстраиваться под общеевропейские средней паршивости нормы. Против этого и сам господин Годин не возражает.

Грузия — это необыкновенная природа, уникальная история страны, культурное наследие и современная культура *поддерживаемая государством*, стариннейшие кулинарные традиции (очень важный момент) и, наконец, это «QE», которым я вам уже дырки в голове сделал, то есть, врожденное грузинское гостеприимство и радушие, вот те достоинства, которые могут привлечь заевшихся европейцев. И я вас уверяю, что французы и прочие японцы из Логидзе бы не вылезали и всем бы соседям рассказали, как там было здорово. Нет не отстану, и не рассчитывайте.

Второй путь, более короткий, но тоже один-два года, надо сделать фильм. Обычный полнометражный художественный фильм. Не дебильный блокбастер, после просмотра которого хочется забыть название страны, в которой это происходит, а трогательный road movie во славу Грузии с обязательной историей любви грузина и француженки. Это же так просто и не надо никаких немыслимых миллионов, которым можно было бы найти более достойное применение. Возьмите фильм «Концерт», вы его, наверное, не видели, поскольку там рус-

ские актеры, хоть и режиссер румынский, и французов там предостаточно. Фильм был признан лучшим фильмом 2010 года и все телевидения Европы его купили. Но главное не в этом, а в том, что его посмотрели десятки миллионов зрителей, и уровень симпатии к русским вырос необыкновенно, и это несмотря на то, что после войны с Грузией настроение во Франции было весьма антирусским. Хороший документальный, видовой фильм тоже посмотрят 60000 человек на каком-нибудь кабельном канале про путешествия, но вы разницу чувствуете?

Когда-то я встречался с вашим президентом в Париже по случаю открытия, уже не помню, чего. Он толкнул длинную речугу на очень приличном французском и без бумажки, а затем симпатичнейший Мамука (посол Грузии во Франции и ее окрестностях) представил нас с женой тому, кого грузины фамильярно называют Мишей, я себе этого позволить не могу. Посол нас представил как «наших русских друзей». Друзей это верно, но с каких пор моя жена, со своими оверните-бретонскими корнями, стала русской, осталось загадкой. Я не стал приставать к президенту с моим проектом, во-первых, потому что все к нему лезли перетереть по-важному, а потом рядом с ним в непосредственной близости постоянно находились два молодых человека с колючими фильтрующими глазами, а я этого не люблю. Поэтому я попросил Мамуку представить меня министру культуры, что и было сделано в одночасье. Министр культуры оказался молодым человеком, знающим моих Паат, Коте и, вообще, я заметил, что в Тбилиси все друг друга знают. Он мне сказал, что у него есть именно тот человек, который мне нужен и передал меня как эстафету прекрасной Тамаре. Красавица Тамара оказалась главным киношным начальником и, как хорошо воспитанный человек, она меня то-

же вежливо выслушала и даже пару раз улыбнулась, когда я ей рассказывал историю мгновенной любви Нукри и Одиль, любви на разрыв сердца. Я также объяснил, что для этой франко-грузинской кинопродукции я соберу лучших французских актеров, опять же не задорого и что для таких фильмов есть специальная помощь Евросоюза. Что фильм автоматически будет представлен на фестивале в Каннах и обязательно будет отмечен и выйдет в прокат хорошо растиражированным, а значит, себя окупит! Но не в этом будет его главная задача, а в том, о чем навязчиво говорил выше, в открытие вашей страны для европейцев и всех прочих туземцев, в пробуждении в них желания немедленно уложить чемоданы и рвануть в Грузию первым же самолетом. Я послал заявку Тамаре, и она мне отписала, что получила и приняла к сведению. Перед моим приездом мы договорились встретиться в Тбилиси, но почему-то не получилось. Наверняка я как всегда что-то перепутал.

P.S. Неделя в Тбилиси и его окрестностях для меня предел. Печень увеличивается до таких размеров, что правое легкое скукоживается, и я задыхаюсь, остатки панкреатита отказываются общаться со мной, не выполняют своих функций, вызывая полное разваливание экоиммунной системы моего стареющего организма.

Я возвращаюсь домой. Не выпить в самолете для меня не реально. Выделение слюны по Павлову, пускай даже скудный обед и сон потом, входит в список удовольствий, строго прописанных в моем кортексе, их невыполнение вызывает досаду и раздражение на уровне пяти по шкале Рихтера, посвященные меня поймут.

Совершенно очаровательная Мая принесла мне сто грамм виски и постный обед, в Грузии пасха или просто экономят, но мяса на подносе, ни даже рыбы не было на

борту ни туда, ни назад. Пасха, она везде пасха, но в Грузии особенно, все истово крестятся и пьют за патриарха втором тостом. Вырвать сто грамм было не просто, потому что на этом грузинском рейсе нельзя было расплатиться кредитной картой! Как вам это нравится? Прямой рейс Тбилиси — Париж и нельзя платить кредиткой! Как нельзя было заплатить ей и в магазине сувениров на проспекте Руставели. Я вам задам нехитрый вопрос: кто покупает ваше народное творчество, местное население или иностранцы? Ну, а где иностранец, там непременно должна функционировать карта. Это ведь даже пьяному ежику понятно. Я еле наскрёб восемнадцать евро, прибавил пять оставшихся лари, и только таким образом сумел поправить расшатавшуюся за 7 дней нервную систему. А ведь если бы брали карту, я бы и полкило скушал. Ну да хватит щеки раздувать, я вернусь в Тбилиси на этом постном рейсе, как только смогу, и еще всю семью прихвачу, и обязательно тещу, очень хочу им показать мой Зурбаган. И еще я хочу сказать спасибо одному человеку, которого я никогда не видел, но к которому у меня образовалось заочное теплое чувство. Мы уже второй раз с Паатой живем в квартире его друга, который сам живет, по-моему, в Лондоне. Квартира огромная, не очень благоустроенная, но там есть все для проживания и офигительная терраса, на которой я делал зарядку, любуясь панорамой утреннего Тбилиси. Уникальное место в двух шагах от проспекта Руставели. Я всегда сплю в огромном салоне, и часто тихая волна грусти накатывает на меня. Она исходит от фотографии стоящей на камине. Женщина с удивительным лицом и именем, которое ему очень подходит, Лана, в таких влюбляются раз и на всю жизнь. Видимо это и случилось с хозяином этой квартиры. Она умерла совсем молодой, в 40 лет, и он возвращается сюда

только в день ее рождения, я его понимаю. Совсем недавно Паата мне сказал, что он играет на саксофоне, и у меня екнуло сердце: год назад мой сын стал учиться играть на саксе, и у него уже есть успехи. Я надеюсь, что мы когда-нибудь с ним встретимся, и, может быть, они даже сыграют что-нибудь из Глена Миллера дуэтом.

Ида ЮНКЕР

Родилась и выросла в Новосибирском Академгородке. Изучала восточноевропейские языки и литературу в Петербурге и в Германии. Во Франции с 2002 года. Занимается техническим и литературным переводом. Автор трёх романов на французском языке и первой монографии о жизни и творчестве Нины Берберовой. Здесь публикуются отрывки из её книги 2024 года на французском языке «Энтузиазм» в авторском переводе.

ЭНТУЗИАЗМ

Жизнь и существование

Мне часто снится один и тот же сон: кошмар человека, выросшего при тоталитарном режиме. Я нахожусь в огромном зале, наполненном людьми. Они стоят в этой плотной толпе уже несколько часов. Зал плохо освещен, и в нем очень душно. Но, слегка отодвинув большую черную занавеску, к которой меня подталкивают, я вижу запертое окно и за ним — великолепный сад, залитый солнечным светом...

Я знаю, что это больше, чем сон, и что этот сад — не мираж. Он призван напоминать нам, что в любой момент нашей жизни, даже самый трудный, мы находимся у ворот Реальности. Энтузиазм — это опыт открытия.

Один из персонажей романа Элизабет Гилберт *«Ешь, молись, люби»* спрашивает рассказчицу о ее девизе. В начале своего долгого пути она не способна ответить на этот вопрос. Однако она точно знает, какие девизы никогда не выберет (*брак, семья, депрессия, конформизм*). Что касается таких слов как «*достижение*», *«удовольствие»* и «*преданность*», то они отражают лишь часть её личности. Ей потребуется несколько месяцев, наполненных незабываемыми приключениями, прежде чем найти свой девиз: *антевасин*, санскритский термин, означающий «*тот, кто живет на границе*».

Мне же потребовались десятилетия, чтобы выбрать свой девиз и осознать его важность. Сегодня энтузиазм стал для меня настоящим внутренним компасом, объединяющим все мои увлечения и суммирующим все мои ценности. Он то, что дало мне силы переродиться.

Вот уже два года я более внимательна к своим восприятиям и ощущениям. Я говорю себе, что жизнь состоит из игр и испытаний, благодарю вселенную за каждую возможность превзойти себя, учиться и расти. Но, даже принимая вызовы, я никогда не плыву против течения. Всё идет гладко, потому что я чувствую поток позитивной энергии и нахожусь в гармонии с миром и с собой.

Я больше ценю радости повседневной жизни. И с удовольствием заново открываю для себя эти интенсивные переживания с высокой частотой вибраций, которые являются для меня основными векторами энтузиазма. Среди них — праздник, ритм, загадка, приключение и, безусловно, поэзия.

Сделав энтузиазм своей точкой опоры и центром тяжести, я нашла возобновляемый источник энергии для вечного движения по уникальной орбите. Я убеждена, что ничто и никто теперь не сможет отклонить меня от этой траектории, которая стала моим путем, моим призванием,

моим способом существования. Но я не испытываю никакой личной гордости по этому поводу, поскольку чувствую, что меня ведет и направляет сила, которая мне неподвластна и которая оставляет множество указаний и подсказок на моем пути. Как этот древний девиз, который я стараюсь повторять как можно чаще, так как он позволяет мне двигаться вперед, не теряя при этом почву под ногами: *Magnam vim habeo quae non ex me* — во мне есть огромная сила, исходящая не от меня.

Я чувствую, что эта сила не только наполняет меня неограниченным потоком энергии, но и помогает мне стать другим человеком: более восхищенным, более уверенным, более радостным, щедрым и творческим. Мне больше не нужно выбирать между работой и страстью, потому что они слились воедино. То же самое касается теории и практики, которые теперь согласованы.

Моя хандра никогда не длится дольше одной бессонной ночи или, скорее, одного ритуального бдения. Еще один важный момент: я не боюсь почувствовать себя забытой, отвергнутой, недостаточно любимой. Я больше не живу в горечи, тоске и страхе, потому что источник моего счастья стал неотъемлемым.

Я отпустила то, что не могу контролировать, и перестала беспокоиться о каждой мелочи. Я чаще ношу яркие цвета, блестящие украшения и увереннее выражаю свои эмоции. Я открыла для себя силу волшебных обрядов, превращающих тыкву в карету, и теперь живу в чарующем мире сказки...

Эта полнота позволила мне наконец понять знаменитую фразу Оскара Уайльда: «*Жизнь — самая редкая вещь на свете, большинство людей довольствуются существованием, и не более того*». Существование в понимании Оскара Уайльда — это чисто функциональное понятие, способ выживания. «*Существовать — это факт, жить —*

это искусство», — утверждает Фредерик Ленуар в прологе к *«Маленькому трактату о внутренней жизни»*. Действительно, существование не требует никаких особых усилий, средств или навыков. Достаточно довольствоваться минимумом, удовлетворяя свои основные потребности, такие как физиологические нужды и потребность в безопасности. По сути, жизнь реально начинается только с обретением смысла нашего существования.

В своей книге «*Вечная мужественность*» Жаклин Келен приводит пример Робинзона Крузо, оказавшегося на необитаемом острове после кораблекрушения. В конце долгого путешествия полного опасностей он переосмысливает мир, чтобы превратить свое отчаяние в радость, а свою хижину — в замок. Неустанно сражаясь со стихиями, он переходит «*от примитивного состояния нужды (прокормить себя, защитить себя от холода и страха) к состоянию человека, который творит, любит, медитирует*».

С этой точки зрения существование может быть приравнено к выживанию, тогда как жизнь раскрывает качество нашего присутствия в мире. Полноценная жизнь — это самовыражение, невозможное без вклада физической, умственной, эмоциональной и духовной энергии. И именно этот неоценимый излишек связан с присутствием энтузиазма. Евангельская притча о сестрах из Вифании, Марфе и Марии (Лк 10:38–42) наглядно иллюстрирует разницу между этими двумя подходами.

Пока Марфа занимается домашними делами, Мария благоговейно слушает Христа, забыв обо всем на свете. И когда Марфа взывает к Иисусу, попрекая сестру, Он мягко корит ее, напоминая о главном: «*Марфа, Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нея*». Не осуждая гостеприимство и заботу Марфы, Христос тем не менее устанавливает иерархию

между двумя отношениями. Он призывает хозяйку дома оставить свои хлопоты и поставить спасение выше пропитания, жизнь выше существования, ритуал выше рутины.

Не случайно бразильский писатель Пауло Коэльо выбрал притчу о Марфе и Марии эпиграфом к своему романа «*Алхимик*». Она отражает представление о человеке, живущем не хлебом единым (Мф 4:4). О том, кому удается выйти за рамки своего человеческого состояния и возвыситься до духовного уровня.

Крылатая вестница

Вы конечно помните сказку о Жар-птице? Сегодня на Западе о ней знают, прежде всего, благодаря одноименному балету, написанному в 1909–1910 годах Игорем Стравинским для «Русских сезонов» Сергея Дягилева.

Это роскошное зрелище покорило парижан своей экзотичностью и многокрасочностью, положив начало карьере композитора. Чтобы воздать должное ее создателям, Марк Шагал включил Жар-птицу в роспись купола Оперы Гарнье. А в соседнем квартале она царит над ансамблем скульптур фонтана Стравинского, созданным в 1983 году скульптором Жаном Тэнгли и его спутницей Ники де Сен-Фалль.

Сравнивая эти изображения, вы наверняка увидите их общие черты: в наивной и почти детской манере обе работы объединяет красочный и жизнерадостный тон. С другой стороны, в эскизе занавеса, датируемом 1945 годом, Шагал скорее подчеркивает черты, сближающие это женское существо, одновременно химерическое и ангельское, притягательное и тревожное, с другими легендарными созданиями, такими как Пегас из греческой мифологии или Царевна-Лебедь Михаила Врубеля (1900). От-

метим, что иконография стиля модерн, в том числе созданная Рене Лаликом в 1922 году, точнее определяет природу этого неукротимого и неуловимого крылатого существа с его длинным сверкающим хвостом.

Народные сказания описывают большую величественную птицу с огненным оперением. Она ярко озаряет ночную темноту, излучая красный, оранжевый и золотой свет. Даже простое перо может осветить большую комнату. Пение Жар-птицы исцеляет больных и возвращает зрение слепым.

Во многих традициях это баснословное создание является олицетворением пламени, света и солнца, а также символом силы, преображения и обновления. Его аналог можно найти в мифе о птице Феникс, которая возрождается из пепла. У неё есть и китайский родственник по имени Фэнхуан, птица с телом фазана, крыльями феникса и хвостом павлина.

В народных сказках Жар-птица предстает как сокровище, объект всех желаний, чем-то напоминающий Грааль западных легенд. Путь главного героя обычно начинаются с находки потерянного пера, что и побуждает его отправиться на поиски. Сказки о Жар-птице следуют классической схеме волшебных сказок: перо служит предзнаменованием долгого путешествия, а на пути герою встречаются волшебные помощники. Для приманки птицы используется золотая клетка с яблоками внутри: именно этот эпизод изображен на полотнах художников Ивана Билибина и Виктора Васнецова.

Конечно, как и все легенды, сказания о Жар-птице допускают множество толкований, каждое из которых содержит свою долю правды. Можно увидеть в ней посланницу Рая: возможно, именно поэтому Марк Шагал нередко сближает её с библейскими существами. Но для меня она, прежде всего, представляет собой аллегорию энтузиазма, преображающего нашу жизнь.

В суете повседневности нам иногда попадаются сверкающие перышки, маленькие искорки, которые достигают нас как бы случайно, как предвестие. Тому, кто хочет узнать их происхождение, а затем отправиться на поиски сказочного существа, предстоит долгий путь, полный опасностей и многочисленных испытаний. Разумеется, конечная цель — не заключить Жар-птицу в клетку, а просто восхищенно следить за её триумфальным полетом, как ребенок, впервые увидевший фейерверк.

Цветовая гамма

Красный и синий — это два полюса энтузиазма. Красный цвет символизирует огонь, кровь, божественную и плотскую любовь, жизнь и возрождение. Универсальный стимулятор, он также ассоциируется с действием, битвой, опасностью и искушением.

Синий — цвет разума, олицетворяющий мудрость и спокойствие. Он обостряет интуицию и приводит нас в гармонию со Вселенной. В небе и море мы ощущаем вкус бесконечности. Это цвет эзотерики и паранормальных явлений (*индиго*, *Аватар*), а также цвет *синего цветка*, одного из высших символов немецкого романтизма XIX века, рожденного под пером Новалиса. Этот ностальгический штрих присутствует и в палитре *блюза*.

Красный и синий — это Жар-птица, воспаряющая в лазурь, словно пылающая комета или цветаевский Красный конь. Именно эти два цвета использует Марк Шагал при её изображении. Это также основные цвета знаменитых французских шпалер «*Дама с единорогом*» и «*Гобелен Апокалипсиса*»: не случайно чередование синего и красного было основополагающим в средневековой иконографии.

Эти два цвета, столь любимые супергероями, непримиримы и неразделимы как жар и холод, близость и даль,

действие и созерцание. Исследования на плацебо показали, что препараты синего цвета оказывают успокаивающее и транквилизирующее действие, тогда как красные препараты возбуждают и стимулируют.

Как и само греческое заимствование, вошедшее в словарный состав многочисленных языков, энтузиазм — это сложное, синтетическое, многоцветное и полифоническое явление, столь же глубокое, как и человеческая природа. Это не монолит, а совокупность: симфония ощущений, чувств, способов выражения и состояний, которую невозможно свести к сумме её компонентов. Его палитра содержит множество цветов и оттенков. Некоторые из них в первую очередь связаны со знанием, другие — с волей, а третьи отражают его аффективную природу. Но все они необходимы для тела, души и духа. Вместе они создают характерную для него смысловую плотность и синергетическую ценность.

Переливающийся красками энтузиазм неизмеримо богаче и многограннее его разъединяющих и одномерных крайностей, подобных черно-белому фанатизму, движимому ненавистью и страхом. Истинный энтузиазм превосходит идеологическую слепоту, вызванную ограниченностью мышления. Он напоминает не столько радугу, сколько свет, преображенный витражным стеклом. Или разноцветную карту мира, так занимавшую меня в детстве и навсегда оставшуюся моей любимой мозаикой.

Сегодня, когда мои воображаемые путешествия стали реальностью, я могу сказать с уверенностью: эта многоцветная головоломка была одним из самых прекрасных обещаний, данных жизнью с целью научить меня мечтать…

ПОЭЗИЯ

Олег АНТИПОВ

НОТЫ

Соль — это Солнце, а вовсе не соль,
Ля — Млечный путь, что рассыпан над нами,
Си — небеса, где Небесный Король
С именем До за Златыми Вратами.

Всем управляет Небесный Король:
Ми — чудесами и Си — небесами.
Фа здесь играет особую роль,
К строю планет добавляя бемоль.

Ре — материальна, но прячась за До,
Ми — чудесами окружена:
Или в миноре вдруг плачет она,
Или мажором она спасена.

Солнце и Ми, небеса и Король,
Ля — Млечный путь. Фа диез и бемоль,
Ре и планеты, ваш хаос и строй,
Вы навсегда остаётесь со мной,

НОЧЬ

Я ненавижу скрип дверей и дверец,
Ступеней скрип, зубовный скрип во сне,
Как дерево скрипит от ветра в сквере
В тревожной, ненадежной тишине.

Как кошка спящая вдруг заостряю уши,
На шорох, скрипы, кашель и на стук,

Нестройных мыслей строй легко разрушить,
Преобразуя звуки в ультразвук.

Слух оголён, бездомной серой псиной
Он тащится за мной из ночи в ночь
И я привык, — лежу с покорной миной,
Ни отогнать, ни изменить, ни превозмочь.

Но утром, как ни в чем и не бывало,
Уходят скрипы, уступая звукам дня
И все, что только что одолевало,
Как мокрую рубашку снять с себя.

СТАРАЯ НИЦЦА

Я возвращался ночью, поздно,
Вдыхая уличную взвесь,
И посмотрев наверх, на звёзды,
Увидел в небе знак-диез.

Кресты косые, окна, ставни,
Балконы, фонари, бельё,
Под ним студенты, хохот дальний,
Галдят, как в поле вороньё.

— Нет, не курю, давно я бросил
И вам того же! Бон суар!
В фонтане месяц плыл без вёсел,
Свернувшись кошкой, спал клошар.

Не спит малышка-Репарата,
Юна, невинна, без греха…
Сюда посажена когда-то,
Одна спокойна и тиха.

CANICULE A PARIS

Вода — спасенье, город жаждет воду.
Закрыты шторы от дыхания жары.
Пустеют парки в эту непогоду,
Нет криков и движенья детворы.

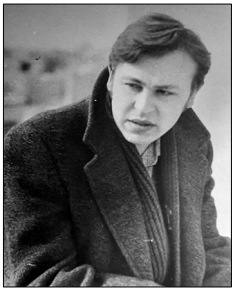
Метро застыло в разных направлениях,
Террасы опустели, пустота…
Все выжжено, клошарам нет спасенья,
И даже тень жарою залита.

Но завтра, если верить предсказаньям,
Спаситель-Дождь проснется наконец,
И вновь Париж наполнится желаньем
И трепетным биением сердец.

Уже я слышу первых капель шёпот
И дальний гул. Ура — зонты готовь!
Париж услышал мой негромкий ропот,
Почувствовав к себе мою любовь.

Валерий ВАЛЕСОВ

Родился в Днепропетровске, в рабоче-крестьянской семье. Окончил школу и техникум в родном городе. С 1985 по 1990 г. учился в Московском историко-архивном институте, по окончании которого работал в Центральном историческом архиве в Киеве. С 1992 года живёт в Европе, ныне в Страсбурге. Писать стихи начал с 16-ти лет. Поэзия стала смыслом всей жизни. В стихах более всего ценит образность, искренность, доброту, свет.



ФЕРГАНА

Сеет ветер глыбь пустых семян.
Солнцем заражённая долина.
Жёлтая, рассыпчатая глина.
Зрелый, безыскусный труд землян.

Песчаные отроги ближних гор
Оставили черты на алчном небе.
О вкусном, ломком, поседевшем хлебе
Я слышу хижин будний разговор.

СОНЕТ

Я ждал, о дева, изверженья
Твоей таинственной мечты,
Мой космос вспыхнул от мгновенья,
Которое создала ты.

Мне нравилось твои забвенья
Ласкать из дикой наготы.
Не пасынки у красоты
Вакхические разговенья...

Но слёзы выступали чаще...
Однажды я, блуждая в чаще,
Кольцо забросил в озерцо...

А в озере коса, лицо,
Где ты, русалкою шалящей,
Надела тесное кольцо.

Подули ветры северо-востока,
Подули неожиданно светло.
Пусть человек распишется высоко
И где течёт — чтоб радостней текло.

Шерстить судьбу — забавно и жестоко,
По правде, это сделать нелегко,
Ведь люди сотворились из потока
И души наши — звёздное тепло.

А руки наши — млечные тропинки—
Метались Козерогом и Стрельцом.
Ты помнишь предрассветные картинки...
И Кто склонился к нам с живым лицом?

Качаются две ягодных корзинки,
Подбитые листвой и чабрецом.

Виктория КАНАЕВА

Родилась в Москве, там же окончила музыкальную школу и романо-германский факультет Московского государственного педагогического университета. Вот уже более тридцати лет живет в Париже. Выпустила шесть сборников стихов на русском и французском языках. В 2023 году была номинирована на российскую премию «Поэт года». Всегда трепетно относилась ко всему, что создано высшим духовным началом человека, будь то музыка, слово, научное открытие, живопись или архитектура. Каждое такое явление уникально и бесценно.

* * *

Как мало человеку надо!
Улыбка, добрый взгляд — отрада.

Бесценны, хоть это и не ново,
В поддержку сказанное слово,
Протянутая помощи рука,
Любви душевная строка.

А вместе всё согреет сердце,
Души закрытой приоткроет дверцу.

ОГНИ ДЕТСТВА

Далеко где-то детства огни.
Растворяются в прошлом они,
Но их ясный, немеркнущий свет
Озаряет каждый рассвет,
Каждый миг отпущенных дней…
Как мне жить без этих огней?

УЕЗЖАЕМ

Уезжаем, а всё остаётся,
Как и прежде, как было до нас.
Ночь минует. Солнце проснётся.
Море свой продолжит рассказ

И, волну за волной посылая,
Будет гладить прибрежный песок,
Неизбежно следы смывая
Дум вчерашних и наших ног.

ОДНАЖДЫ

Кому горстями, кому по крупицам
Отпущены горести, подарены радости.
На блюде жизни не только сладости.
Жизнь — книга, и мы заполняем её страницы,

Конечно, как можем, как получается…
И однажды счастье случается.
То, о чём мечталось, сбывается.
И смыслом каждый день наполняется!

* * *

Жизнь казалась длинной такою,
А пролетела — и не заметили.
На лице морщины-отметины,
Видно, годы тому виною.

Шли по жизни с душой молодой,
Улыбались каждой весне,
И летали на крыльях во сне,
Не боялись дороги крутой.

Нынче реже глядим в зеркала,
Зато отражаемся в глазах внуков.
До сих пор не знакомы со скукой,
Судьба благосклонная не подвела.

Говорят, привилегия — долго жить,
В чудеса, словно дети, верить,
Творцом оставаться, мечтать, любить.
И ценность каждого дня не измерить!

Ольга КЛЯЙН

Родилась в Башкирии. Во Франции с 1984-го года. Лицензиат Гренобльского университета. Пишет стихи и рассказы и переводит их сама на французский язык. Автор цикла стихотворений, посвящённых М. Цветаевой. Печаталась в альманахе «Глаголъ», в журнале «Русский хор», марсельской двуязычной газете «Перспектива». Неоднократно выступала на поэтических вечерах в Париже, Монпелье, Гренобле и Экс-ан-Прованс, организованных русско-французскими ассоциациями.

* * *

Самородок я, самоцвет.
Появилась сама на свет.
Самобранкой себя стелю,
Свою душу на всех делю.
Подходите, отведайте света
Самородного самоцвета!

* * *

Пишу, дарю, люблю и ничего не жду
Взамен, ни йоты запоздалого признанья.
Пусть будет праздным обо мне воспоминанье
Тех, кто со мной не испытал нужду

В слепом и мягком незаслуженном вниманье,
В печальных ласках при свече печальной
И в омутах немых во льду...

* * *

Мои стихи с мурашками по коже,
Мои простые, немудрёные слова
Так ни на чьи другие не похожи,
Как не похожа ни на чью моя судьба.
И так у всех...
Любая жизнь бесценна,
Одна-единая у нас.
Бездомный, нищий смотрит в вас,
Вам прямо в душу взглядом из Вселенной...

ЭЛЬЗА ТРИОЛЕ

В комнате, где умерла Эльза Триоле,
стоит туалетный столик. С зеркалом.

Завесьте зеркало — любовь мертва.
Нагружена стихом, со мною пала.
Я от неё, зеркальная, устала.
Завесьте зеркало, и не нужны слова.

Слова, в которых я была бесплотна,
Со взглядом, устремлённым ввысь,
То строчкой вверх, то строчкой вниз,
Не видя, что любовь была бесплодна.

Что, как и все, подвластна я судьбе
И что не на словах мне жить хотелось!
Завесьте зеркало, в которое смотрелась,
Чтоб нравиться тебе...

НА ПОГОСТЕ В ЕЛАБУГЕ

М. Ц.

Глаза устремляя ввысь,
Иду, на тебя похожая.
А раньше глядела вниз,
А раньше была прохожею.

Брела как все на погост,
Смотрела вокруг истово:
Может, во весь рост
Встанешь так, будто выстояла?

Может, *моими* устами
Надо *это* сказать,
Чтоб под чужими крестами
Душу твою не искать...

Твой голос под срубом повис,
Нам души тере́бит, как прежде:
«Прохожий, остановись!»
Остановиться — негде!

НАШ ДОМ

Всё в этом доме — ставни для зимы
И ноты медленные музыки венчальной,
И угол для иконы в спальне,
И сны...
И подоконник, чтоб цветы поставить,
И вдруг войти в нахлынувшую память,
И прошлых жизней тайные миры,
Где уже были этот дом и мы...

* * *

«За то, что Бог не спас...»
А. Ахматова «Последний тост»

Даже если я Богу молилась,
Ничего от него не ждала.
Не пред всякой иконой крестилась
И жила.
Свои раны сама врачевала.
Мало кто такое снесёт.
И ещё до Ахматовой знала,
Что Бог не спасёт.

* * *

Крестилась раба Божья Ольга
13 ноября 1995 года...

Креститься *сама* пошла.
Пусть Богом меня помажут
И, голую, всем покажут,
Чтоб чистой стала душа.

Чтоб крестиком были вытканы
И вопли и слёзы строк,
Чтоб в каждый стих были выплаканы
И слово и сам Бог...

Креститься пошла *сама*…

* * *

Нет рябины — вся осыпалась,
Ветки голые торчат.
Я весной своей насытилась —
Зиму надо привечать.

Только чем её встречать?
Всё раздарено, распылено,
Больше нечего дарить.
Чем теперь зимою стылою
Душу голую прикрыть?

* * *

За упокой не ставлю свеч —
Молюсь за здравие.
Моя раскаянная речь
Меня расплавила.
Течёт разнеженная медь,
И тают льдины.
Не охладеть, не затвердеть
И гроздья щедрые рябины
Раздать успеть...

* * *

Я снова расправляю крылья
Своей надломленной души,
Чтоб вновь наполнились они
Высоким воздухом всесилья.

Так каждый раз, когда, кляня,
Судьба и крутит, и ломает,
Душа всё выше поднимает
Непобеждённую меня!

* * *

В другом теперь витаю измеренье.
Там где другая жизнь, другой размах,
Где с нас уже не требуют смиренья
Ни Бог, ни черт, ни ладан, ни Аллах!

Там, где другие голоса я слышу,
Другие созерцаю облака.
Там, где на всё смотрю я как бы свыше,
Не свысока.

ЦВЕТАЕВОЙ И АХМАТОВОЙ

Знаю, даже менялись престолами,
Чтоб моей завладеть душой
И воскреснуть в поэме живой,
Чтоб звенеть над Москвой и Невой
Перекличками колокольными.

Не висеть вам в петле унылой
И не сохнуть в постели стылой.
Птицей вам летать белокрылой
Вдалеке от России немилой,
Где не будет ради Христа
Ни погоста вам, ни креста.

Дмитрий МАКАРОВ

Поэт, писатель, музыкант, либреттист, автор пяти книг стихотворений и малой прозы. Последняя по времени — «Крушение корабля» (2024). Автор либретто к операм и ораториям Александра Чайковского, Алексея Сюмака, Ильи Демуцкого. В сотрудничестве с дуэтом композиторов GANA выпустил поэтические альбомы «Стихами говорить» (2020), «Пещеры и ущелья» (2022), с Кузьмой Бодровым «РЕКА ОКЕАН» (2022). Публиковался в журналах «Знамя», «Сноб». С 2022 года живёт и работает во Франции.

* * *

Ах, гусеница, труженица, путница!
Ты аккуратно оползаешь мира
Насмешливые ямочки,
Нахмуренные складочки!
Влачишь по свету тело тяжёлое своё.
Я знаю, в этом теле
Порхает ночью бабочка —
Крапивница?
Капустница!
Ей чудится свобода,
Легко её крыло.
И презирает гусеницу — труженицу, путницу,
И всех, кому так чудо даётся тяжело.

ОСЕНЬ

Ничего нету русского
В осени южной.
И осеннего — ничего.

В церкви только что кончилась служба.
И выходят француженки в тёплых пальто,
Улыбаются мальчикам в майках и шортах.
Церковь выглядит благородно потёртой,
А старушки как новые.
Думаю, что
Где-то выпуск налажен
Старушек подобных
Сроком годности девяносто
И сто.
Их улыбки, и прядки — в полном порядке,
Неразменный каракуль на шее.
— Что вы носите к мессе, мадам?
— Две жемчужные нитки,
Две капли «Шанели».

Вы откуда? Россия?
Наверное, холодно там?
Вы грустите? О чём?
Ах, ну да… Вы правы.
Вечно вам или весело очень,
Или же слишком грустно.
Так ведь можно и постареть.
Вам рано.
Посмотрите, какая осень!

Француженки — в рестораны.
Мальчики — мячик гонять.
Чайки, море, плюс двадцать пять.
Если есть в южной осени этой
Что-то русское и осеннее,
Это я.

* * *

Будь милостива, жизнь!
Подай мне знак,
Что можно перестать бежать
И перейти на шаг.

Целую мысленно посланников твоих,
Стелю им красную дорожку.
Пусть только это будет *знак* —
Не так, не понарошку.

Бах улыбается впотьмах:
То горько, то насмешливо — по кругу.
Жизнь как прелюдия — сладка, но коротка.
Совсем другое дело — фуга.

* * *

Коты попрятались,
И значит, быть дождю.
Господь охаживает горы плёткой.
И южный ливень размывает чёткость,
Прямоугольность дома моего.
Ковчег в аренду.
Человек расплывчат.

Игла в яйце, яйцо в ларце,
Ларец на дубе.
Когда все звери радовались суше,
Он заявил, что рано покидать корабль,
Перевернулся на бок и обнял подушку.

Ковчег, конечно, на цепях
Качается как на волнах,
Поскрипывает он и стонет.

Не прекращается потоп,
А то, что в окна смотрит кот —
Игра ума и поэтическая вольность.

* * *

Невыносимо невлюблённым быть.
Невыносимо.
Такие паузы как назову?
Хотя какие паузы…
Периоды, сезоны.
Зимы?
И зимы эти всё противней и длинней.
А может, это тёмные века?

Жизнь человека — вечность в пересказе,
И в ней должны случаться тёмные века,
Когда босой идёшь по черепкам.

Высказываний всех разнообразье
Свелось к преданиям о прошлых временах,
О битвах, о предательствах, о клятвах.

На берег выйду поглядеть закат,
Себя утешить рад надеждой зыбкой,
Что тёмные века не на века,
Грядёт архаика, а стало быть, улыбка.

Людмила МАРШЕЗАН

КОНЦЕРТ П.И. ЧАЙКОВСКОГО В ХРАМЕ VAL-DE-GRACE

Вечная музыка. Музыка Вечности —
Париж погрузился в твоё торжество,
Здесь любят Чайковского до бесконечности
За поиски истины, за волшебство.
Светлая музыка. Музыка Света,
Романсы и вальсы так хороши,
Что хочется слушать, сидя до рассвета,
В свободном полёте счастливой души.
И купол пронзая старинного храма,
К куполу неба стремится она —
Чайковского музыка — дивно живая,
Сияет и светит, как в небе звезда[1].

ОСЕНЬ 2024 ГОДА

Осыпается листьев медь,
А раньше, казалось, золотом,
Как трудно сегодня петь,
Словно глотку залили оловом.

Невозможно воспеть любовь,
Вся планета в огне и дыме,
Как дожди, проливается кровь,
Милосердия нет и в помине.

[1] В восемнадцатом округе Парижа одна из улиц носит имя П. И. Чайковского. Она проходит вдоль парка С. В. Рахманинова и заканчивается почти у улицы М. П. Мусоргского.

Ангелы светлые, где же вы?
Принесите нам мир и милость,
Загляните в наши сады,
Где сверкающих листьев медь
Погребает осенняя сырость.

БОМЖ

Без определённого места жительства
Уставший Ангел зашёл ко мне,
Прозрачные крылья вытянув,
Забылся в тревожном сне.
Укутав его мягким пледом,
С любовью пирог испекла,
Проснувшись, ходил за мной следом,
И говорил до утра,
Об ангельской жизни сложной,
Без отпуска — вечность лет…
Я помогу тебе, можно?
Сказала я Ангелу вслед.
Он, улыбнувшись ярко,
Крылом меня осенил,
Спасибо, моя знахарка,
Теперь у меня много сил
СПАСТИ МИР!

СИНДРОМ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Мне разонравился Париж
с его весёлым, дерзким нравом,
и романтическим туманом,
упавшим на верхушки крыш,
мне разонравился Париж.

Здесь Сена ночью серебрится,
из ложа выскочить стремится,
к Парижу броситься на грудь…
Что делать людям. Утонуть?

Луна — соперница седая,
загадочно во тьме мерцая,
дождливым сеет серебром,
вот, ностальгический приём,
будить серебряный синдром
о веке прошлом.

* * *

Любовь — такое государство,
без флага, гимна и границ,
где счастье может длиться миг
иль Вечность…
смотря, какая человечность.

* * *

Душе так душно в рёбрах быть,
ей хочется гулять и жить,
но душу я не отпускаю,
я в ней души своей не чаю.

Ольга СЕРДЮКОВА

Преподаватель испанского и английского языка. Переводчик. Живёт и работает в Париже. Занималась переводами на русский язык книг Михаила Мальковича «Дневник изгнанника» и «Великая тайна».

СКУЛЬПТОР МИХАИЛ МИЛЬКОВИЧ

От мрамора белого
Из Каррары-горы
Ты отсёк фрагмент вечности,
Вдохнув любви в холод камня.
И на глазах судьбы
Рождается могучих рук творение.

ИСТИНА

Воистину все ищут истину...
Но что есть истина и цвет её какой?
И где искать ту истину
В ночи ли при свечах
Иль шумным майским днём?
В её лазури можно небо выстирать
И восхититься грозовым дождём.

Но где же истина и в чём?
Она ведь ждёт
К прекрасному стремлений наших,
Душа должна быть
Полной чашей любви и мира.
И зазвучит отчаянная лира,
Чтоб истину понять нам наконец.

Жан-Пьер ПОЛАК

в переводах Ольги Сердюковой

Жан-Пьер Полак родился в Лионе. Живёт в Орлеане. 25 лет прожил в Африке. Опубликовал шесть романов, пять сборников стихов и три эссе.

AVENIR

On avance malgré nous on a le vertige
On veut tout arrêter mais on ne le peut pas
Notre destin dessine pour nous chaque pas
Nous éloigne du rivage de nos vestiges

Nous sommes des oiseaux aveugles sans rémiges
Navire fantôme sans gouvernail sans mât
Le brouillard nous égare vers ces noirs frimas
Où nous attendent les chimères et les stryges

On s’en va devant sans savoir où va le vent
Fatal entonnoir qu’on soit ignare ou savant
Notre mémoire a déréglé ses vieux repères

Sisyphe se fout de tous nos efforts si vains
Que l’on escalade ou que l’on descende rien
Ne nous livrera jamais la clé du mystère

БУДУЩЕЕ

Вперёд идём и кру́жит голова
Нельзя остановиться, хоть хочется сдаться:
Судьба диктует каждый шаг —
На берегах пенат не даёт остаться.

Мы птицы слепые, без крыльев и сил
Корабль-призрак без руля и ветрил
В тумане теряем мы свой ориентир:
Химеры, хищный холод влечёт.

Стремимся вперёд, не зная куда:
Вот вихрь налетит, свирепо и дико вертя:
Глупец иль мудрец — без разбора настиг!
И всё, что казалось опорой — обрушится вмиг!

Сизиф заливается хохотом: тщетны труды
Хоть ввысь устремляемся, хоть в бездну скользим.
А тайна хранит свои древние сны —
И ключ не отдаст ни врагу, ни своим.

LANGUE MORTE

J’ai égaré tous mes verbes irréguliers
Mes déclinaisons s’effacent dans l’ombre flou
Du gouffre d’une mémoire qui se déjoue
Mon vocatif si lyrique s’est pétrifié

Je ne sais qu'accorder mes vers au singulier
Nul genou nul cou nul bijou ne se dévoue
Pour quêter ce vieux pluriel qui me désavoue
Sans règle et sans exceptions j'estropie mes pieds

Ma concordance des temps se fait au passé
Le futur n'est plus qu'un subjonctif défaussé
Verbe aveugle sans propositions qui le portent

Ô grammaire oubliée des livres d'écoliers
Têtu j'ai beau vouloir remonter l'escalier
L'amour pour moi n'est plus rien qu'une langue morte

ЗАБЫТЫЙ МНОЙ ЯЗЫК

Я растерял неправельных глаголов окончанья
Склонения растаяли в туманной да́ли
И в памяти лирический мотив — ну а в душе — отчаянье
Мой звательный падеж, любимчик, стал постыл

Теперь умею лишь в единственном числе слагать мой стих
Ничьё колено и ни шея в ожерелье не спешит склониться
Чтобы искать без правил и без исключений
Усталое, забытое число
Я ж сбился с ног, но занят поиском, надеясь — отыщу его

И вот выстраиваю времена, но только в прошлом
А время будущее уж похоже на страдательный залог
Глагол ослеп, взбираясь по дороге в склеп

Грамматику всю школьных дней пытаюсь вспомнить
Упрямо я спешу взобраться по ступеням
Той лестницы любви, но вижу с удивлением
Что это всё — забытый мной язык.

Ольга ОЛИВЬЕ

Родилась в России. Окончила художественно-графический факультет Московского Государственного Педагогического института. Преподавала в детской художественной школе. Живёт в Париже. Профессионально занимается живописью и декором интерьера. С 2016 года принимает участие в работе иконописного ателье в Париже, продолжающего традицию Леонида Успенского. С 2018 года член парижского общества «Икона». В 2022 и 2024 годах участвовала в выставках общества «Икона» в частной галерее в Париже. Автор журналов «Литературные знакомства», «Новые витражи» и международной антологии «Высокие ступени» (Германия). Стихи пишет более 20 лет. Впервые вышла на публику со своими стихами в 2023 году. В мае 2024 года участвовала в международном поэтическом форуме «Солнечный ветер» в Анталье (Турция). Автор книги стихов и переводов французской поэзии «Сад откровений берегите» (Санкт-Петерург, «Алетейя»), 2025 год.

ВЕЛИКИЙ РОМАНТИК И СТРАНСТВУЮЩИЙ ЭНТУЗИАСТ

Жизнь и творчество Жерара де Нерваля

Переводы ранней лирики

Он всегда был не столько человеком,
сколько человеческой душой.
Генрих Гейне о Жераре де Нерваль

Жерар де Нерваль (Gérard de Nerval, 1808–1855) — литературный псевдоним Жерара Лабрюни (Gérard Labrunie).

Ещё в юности Жерар де Нерваль взял как псевдоним фамилию дальнего родственника, под которым и получил известность в литературных кругах Парижа, начав свой путь как поэт, переводчик немецкой литературы и филолог, а впоследствии проявил себя как писатель, эссеист, драматург, автор фельетонов и статей о путешествиях и журналист. Переводил Шиллера, Гёте, Гейне. Родился Жерар де Нерваль 22 мая 1808 года в Париже в семье военного хирурга наполеоновской армии и в детстве не отличался крепким здоровьем. Вскоре после его рождения родители, увлечённые идеями Наполеона Бонапарта, покинули Париж и переехали в Германию. В 1810 году возрасте двух лет Жерар потерял мать, которая скоропостижно скончалась от болезни и была похоронена на прусском кладбище в городе Гросс-Глогау (ныне город Глогов в Польше). Его отец не смог оставить карьеру полкового врача, и Жерар жил и воспитывался в имении у своего дяди со стороны матери во французской провинции Валуа в городе Мортфонтен. Лишившись матери и оказавшись надолго оторванным от отца, всё раннее детство Жерар очень остро ощущает своё сиротство. Свои душевные кризисы сам Нерваль связывал с ранней утратой матери.

Вернувшись в 1814 году, вышедший в отставку отец увозит своего шестилетнего сына в Париж и, дабы дать ему хорошее образование, помещает в лицей Карла Великого. В лицее он находит друзей, с которыми сохранит тёплые отношения на всю свою жизнь, и со многими будет переписываться долгие годы. С самого раннего возраста обладающий литературными талантами и слагающий стихи, Нерваль очень рано приобрёл известность, и поначалу его литературная карьера складывалась весьма и весьма удачно. Теофиль Готье поступил в этот престижный лицей в то время, когда о Жераре уже говорили как о весьма талантливом начинающем поэте и переводчике с немецкого языка. Они становятся добрыми друзьями. Выпускники лицея Карла Великого образовали круг «галантной богемы», провозгласившей лозунг: «Искусство для искусства», и Жерар вписался в творческую среду, принимавшую участие в культурной жизни французской столицы. Это же время ознаме-

новалось для него знакомством с Жорж Санд, Ференцем Листом, а так же Виктором Гюго, которым он восхищался как великим романтиком.

Отец Жерара мечтал увидеть своего сына врачом и на протяжении всей жизни был настроен категорически против его литературных занятий. По настоянию отца Жерар даже учился медицине и получил степень бакалавра. В самом скором времени после окончания лицея, в 1828 году, он громко заявит о себе как переводчик «Фауста» Гёте. И ранее это произведение переводили на французский язык и издавали, но никому до этого не удавалось раскрыть перед французскими читателями всю красоту и мощь шедевра классической немецкой литературы. Перевод великой поэмы принёс славу молодому поэту-переводчику в то время, когда у двадцатилетнего Жерара не было ещё даже степени бакалавра медицины. Несмотря на то, что сам Гёте был восхищён и высоко оценил перевод юноши, который по его словам, получился лучше оригинала, Жерар де Нерваль получает отказ в праве на инсценировку, которое было отдано другому, менее талантливому переводчику, что и подтвердило время. Композитор Гектор Берлиоз, вдохновлённый переводом Жерара де Нерваля, использовал именно его при создании драматической легенды для оркестра, солистов и хора «Осуждение Фауста» («La damnation de Faust»). Труд литератора требовал от него постоянного напряжения сил и объём выполняемой им работы впечатляет. Жил Жерар де Нерваль на литературные гонорары, и вся его жизнь была заполнена изнуряющей работой в качестве журналиста, драматурга, поэта, критика, переводчика за более чем скромное вознаграждение. Сохранена его переписка с отцом, и она свидетельствует о том, что на протяжении всей своей жизни Жерар не терял надежды быть понятым своим отцом и принятым. Жерар де Нерваль был влюблён в Иду Ферье ещё до того, как она стала супругой Александра Дюма и сохранил с ней дружеские доверительные отношения. И насколько пронзительны его письма к отцу, настолько же они пронизаны тёплым дружеским чувством к Иде, чей образ он наделяет материнским чертами. В 1848 году он сближается

с уже болеющим Генрихом Гейне и переводит его произведения на французский язык. Между ними возникает настоящая дружба.

К 1854 году в Париже осталось лишь 13 газет, сохранивших право некоторым образом затрагивать политические сюжеты. Это было время административного политического насилия и давления Католического духовенства. Новые законы за нарушение цензуры грозили всё более длительными тюремными заключениями и огромными штрафами. Политика вытеснялась из сознания людей и заменялась полусветской хроникой в прессе. Стало невозможным существование демократической печати. Объяснялось же это целями общественной безопасности. Возникшая в результате переворота Вторая Империя продержалась до 1870 года и в первую половину своего существования считалась «авторитарной империей». Французская журналистика попала под тотальный контроль полицейских чиновников, что практически свело на нет работу Жерара де Нерваля как журналиста. Положение его становится столь бедственным, что лишённый своего постоянного угла Жерар де Нарвал вынужден довольствоваться случайными ночлегами и окончательно оказывается в жесточайшей нужде. Дата его смерти известна. Он ушёл из жизни на одной из тёмных и бедных улиц Парижа, на улице Старого Фонаря, 26 ноября 1855 года в возрасте 47 лет и был похоронен на кладбище Пер-Лашез. Исследователи его жизненного пути и творчества, а их было немало, не пришли к единому мнению по причине его ухода. Было ли это самоубийством, или же смерть была насильственной? Осталось много догадок. Слухи и домыслы сопровождали поэта на протяжении всей его жизни. Жерар де Нерваль неоднократно и на публику говорил о своём членстве в тайном обществе, но так ли это? Не было ли это частью его эпатажного поведения? Впрочем, тогда экзальтированное поведение среди творческой богемы было в моде, а уж поведение Нерваля никак нельзя назвать обычным.

При жизни его стихи выходили только в журналах и всего лишь как дополнение к его прозаическим произведениям, а первый поэтический сборник «Жизнь и мечты» вышел уже

посмертно в 1877 году. В антологиях поэзии XIX века и вплоть до 20-х годов XX века вы не найдёте имени Жерар де Нерваль, будто бы и не существовало такого поэта. В начале 20-х годов XX века во Франции произошла явная переоценка ценностей, и именно поэтическое наследие Жерара де Нерваля получило высокое признание спустя немалый срок после его трагического ухода. В сегодняшней Франции он прежде всего поэт, один из величайших поэтов Франции. Поэт интереснейший, глубочайший, своеобразный. Несмотря на то, что все основные стихи были им написаны в период молодости, который можно назвать ученичеством, а поздних стихов на удивление немного. Шарль Бодлер называл Жерара де Нерваля «писателем восхитительной честности, высокого ума», а Марсель Пруст считал одним из величайших писателей XIX века. Жерар де Нерваль предвосхитил поэтические открытия XX века, стал предшественником сюрреалистического направления в поэзии, которое опиралось на попытки интерпретировать значения снов. Его имя посмертно вошло в число так называемых «про́клятых поэтов».

GERARD DE NERVAL
ЖЕРАР ДЕ НЕРВАЛЬ
(1808–1855)

CHŒUR D'AMOUR

Ici l'on passe
Des jours enchantés !
L'ennui s'efface
Aux coeurs attristés
Comme la trace
Des flots agités.

Heure frivole
Et qu'il faut saisir,
Passion folle

Qui n’est qu’un désir,
Et qui s’envole
Après le plaisir !

ХОР ЛЮБВИ

Мы провели
Волшебные здесь дни!
Стирают грусти пелену они,
И оживляет сердце
Этот страстный шторм,
Смывает скуку океан неудержимых волн.

Лови беспечные мгновения,
Безумна страсть
В своём горенье.
Порыв сердечного влеченья
Пройдёт, растает
После утоления!

UNE ALLE DU LUXEMBOURG

Elle a passé, la jeune fille
Vive et preste comme un oiseau
À la main une fleur qui brille,
À la bouche un refrain nouveau.

C’est peut-être la seule au monde
Dont le coeur au mien répondrait,
Qui venant dans ma nuit profonde
D’un seul regard l’éclaircirait !

Mais non, — ma jeunesse est finie …
Adieu, doux rayon qui m’as lui, —
Parfum, jeune fille, harmonie…
Le bonheur passait, — il a fui !

АЛЛЕЯ ЛЮКСЕМБУРГСКОГО САДА

С цветком в руке, как птичка певчая, вспорхнула,
Походкой лёгкой, быстрою красавица прошла.
В тени аллей она лучилась, как цветущая весна,
Видение животворящей юности мелькнуло.

Воспоминание о ней смягчило горечь дней
И нежным несказанным светом душу озарило.
Как трепетно и тихо сердце с сердцем говорило,
Был мил и мягок свет её распахнутых очей.

Последний солнца луч мне шлёт привет несмело,
Ведь молодость, как птица, мимо пролетела.
Гармония и девушка, и аромат,
Исчезло счастье, опустел мой сад!

AVRIL

Déjà les beaux jours, — la poussière,
Un ciel d'azur et de lumière,
Les murs enflammés, les longs soirs ; —
Et rien de vert : — à peine encore
Un reflet rougeâtre décore
Les grands arbres aux rameaux noirs !

Ce beau temps me pèse et m'ennuie.
— Ce n'est qu'après des jours de pluie
Que doit surgir, en un tableau,
Le printemps verdissant et rose,
Comme une nymphe fraîche éclose
Qui, souriante, sort de l'eau.

АПРЕЛЬ

Весенних дней приблизилась желанная пора,
Воздушней и длинней уж стали вечера,
А стены в бликах солнечных искрятся.
В апрельском воздухе разлит лазури свет,
Но свежей зелени ещё в помине нет.
С закатом ветки голые садов, зардевшись, озарятся!

Скучаю я в сухую ясную погоду,
С нетерпеливой страстью жду дождливых дней,
Которые каскадом звонкой музыки своей
Разбудят спящую и ждущую природу.
Весна появится, как нимфа, в розовых цветах,
Что вышла из воды с улыбкой на устах.

МЕМУАРЫ

Марк КАЗАРНОВСКИЙ

О ВОЛОДЕ АЛЕКСЕЕВЕ

Двадцать третьего января 2025 года ушел из жизни Володя Алексеев. Конечно, когда уходит в небытие человек, уходит целый мир. Мы его провожаем, горюем и понимаем, что произошло неотвратимое, что уже не договоришь, не доспоришь, не допьешь с ушедшим рюмку хорошего «Абсолюта». И вдруг начинаешь понимать, что этот ушедший человек был нам, а значит и мне, глубоко дорог. И хоть, как и в каждом из нас, была в нем тьма противоречий, я видел в Володе неиссякаемую любовь к жизни и огромную, подчас незаметную, доброту. По Володе я смотрю на жизнь и понимаю, каким может быть человек. Какой может быть любовь — звучат в ушах Володины стихи его «Кошке»: «Только ты не уходи, только ты не уходи...».

У Володи была захватывающая жизнь. Мало того, что его всё время «захватывали» женщины, но и в работе ему приходилось проявлять исключительные качества. Тем, кто представляет жизнь в СССР в пятидесятые-семидесятые годы прошлого уже века, будет понятно, какими способностями и достоинствами должен был обладать Володя, чтобы работать в Посольстве Аргентины или, оказавшись на Кубе, переводить главе нашего государства поучения Фиделя о мировой революции.

Большую часть творческой жизни Володя провел в АПН в отделе знаменитого разведчика Григулевича и стал, я как и многие это почувствовал, прекрасным издателем, редактором и автором известного всем альманаха «Из Парижска. Русские страницы», выпустив на одном дыхании двенадцать номеров. Скольких авторов он открыл этим альманахом. Недаром так отчаянно, так горько,

глубоко и искренне прощалась с ним автор сборника Александра Люмель. Я готов был кричать от горя и боли вместе с ней.

Вот в этом — Володя, по которому мы все горюем. Как его мне не хватает. Его теплоты, атмосферы дружбы и любви, которыми были пронизаны все встречи в этом теплом чисто московском доме на Гамбетта. Недаром после посиделок у Володи и Ирины появляются проникновенные строки:

И все помним мы,
Что пили у Володи.
И рассуждали
О французской моде.
А выпив —
Вспоминали свою юность,
Поглаживая женскую округлость.

* * *

Хочу упомянуть, что Володя — ребенок войны сорок первого года. Поэтому он так любил «Прощание славянки». Я не могу удержаться и в память о нем повторю слова, которые он так часто напевал:

Наступает минута прощанья,
Ты глядишь мне тревожно в глаза.
И ловлю я родное дыханье,
А вдали уже дышит гроза.

* * *

Эх, как много хочется сказать! Даже кричать — Какой мир мы потеряли. Мир Володи был пронизан любовью к «Кошке», к его Ирине. Не могу не привести отрывок Володиного «Заклинания»:

В церкви я — редкий гость.
Но Бог во мне есть.
Я ему помолюсь:
Ты её — пожалей.

Его благ нам не счесть.
Он окажет мне честь.
Только ты не болей,
Только ты не болей.

Ну, а я поболею,
Я все же — мужик.
Мужики, как известно, слабей.
Мне лекарство одно —
Из души моей крик:
Только ты не болей,
Только ты не болей.

* * *

Я снова прощаюсь с Володей. Мы все прощаемся и горюем, хоть и повторяем его такие отчаянные слова:

Был я мил или не мил,
Но горазд на всякий номер.
Вы отметьте, что я жил,
А не то, что помер.

Прощай!

Людмила МАРШЕЗАН

«ЖИТЬ БЕЗ ЛЮБВИ НЕЛЬЗЯ…»

Как умел, так и жил,
а безгрешных не знает природа.
Булат Окуджава

Жизнь Володи измеряется не временем, а его замечательными поступками. Он обладал искусством добра и потрясающим чувством юмора, беспредельно шутил и умел смеяться. Среди всех талантов, наш друг больше всего ценил умение жить и дружить. Он радовал всех и создавал радость встреч. Придумать только, пригласить нас отпраздновать 60-летие со дня первого поцелуя с будущей женой Ириной. Светлодушные неразлучники, Вова и Ира, притягивали к себе интересных, творческих людей. Как хороши, прекрасны были наши встречи с песнями, стихами, танцами, забавными тостами. Вот один из них, записанный Володей 25 июня 2018 года в мой альбом друзей:

Ах, мать твою, укоряю слегка —
Не выполнила план
Чтоб в мире у каждого мужика
Была своя Маршезан!

Володя, обожая делать женщинам комплименты, любил только свою Кошку (Иру). Ириша — удивительная женщина, у которой есть стержень и высокая мечта известная только ей. Она — его талисман, муза, любовь, это его всё: «Всех чувств размах», — как он писал о ней в стихах. — «Она была мне нужна, как природе пора цветения».

— Дивные стихи, — похвалила я его.

— Это не стихи. Это лирические спазмы, — отвечал Владимир, — впрочем, совершенство не подлежит словесному выражению.

У Ирины, как у настоящей женщины, нет возраста, она всегда прекрасна, особенно когда поёт под гитару своим волшебным голосом. Володя тоже пел здорово, особенно испанские арии. Как ему не хватало испанского языка во Франции. С каким энтузиазмом он чирикал с испанкой, которая приходила им помогать по хозяйству!

Мы произносим порой совсем не нужные слова, а Володя утверждал, что самые главные слова женского рода — любовь, дружба, свобода. Не знаю, как в любви, но в дружбе он был верным и очаровательным, видя совершенное в несовершенном. Звонил часто, приглашая на чае-гонялки и трепалки с пирожками. Володя не старался блеснуть алхимией слов, он был прост и искренен. Душевный хмель гулял за столом. Никто не стеснялся произнести какую-то глупость. Тогда Алексеев, заливаясь смехом, говорил: «Глупость — это дар божий, но не следует им злоупотреблять».

Он стремился оставить не наследство, а н а с л е д и е, предназначенное всему человечеству. И он его оставил. Сборники «Из Парижска» находятся во всех славянских библиотеках Парижа, а авторы, объединённые Володей, стали не только друзьями, но и «наслаждались поэтическими дуэлями».

Владимир был небольшого роста, но держался всегда с большим достоинством. Даже когда пришлось оказаться лежачим больным, болезнь подчеркнула в его лице самое важное и красивое. Мы только иногда убиваем время, всегда это время убивает нас. Но даже время не властно над ним. Володя остался с нами.

Елена УЛИССОВА-ПИАНКО

ДАР СВЫШЕ

Володя обладал даром вдохновения свыше, тем, что называется греческим словом «харизма». Умея чаровать и очаровываться, он открывал сердца людей. Его необыкновенный человеческий дар притягивал многих. Платон говорил, что если душа не прекрасна, то никогда не увидит красоты. Володя видел малейшие проявления красоты: с жадностью и страстью открывал он пишущих, приглашая в свой альманах «*Из Парижска. Русские страницы».*

Нельзя говорить только о Володе, забывая о его жене. Те, кому посчастливилось бывать в доме на rue Boyer, восхищались союзом сердец Володи и Иры. Мы грелись в их доме любовью, слушали стихи, которые он каждый год писал ей: всю жизнь оставалась Ира Володиной музой и Прекрасной дамой. Мне несказанно повезло: я была приглашена на празднование 60-летия их п е р в о г о п о ц е л у я и в тот вечер любовалась фотографией свадьбы в лесу, на которой Ирочка красовалась в фате, сделанной из марли!

Своей божественной любовью Ира и Володя превзошли знаменитые любовные пары: Ланцелота и Гвиневру, Паоло и Франческу, Тристана и Изольду. Эликсир любви принёс им счастье, а этика и эстетика вели по жизни.

Как-то раз Володя признался мне: «Лена, моя настоящая фамилия — Беленький!» Да, конечно же, вот ключ к пониманию его личности! Володя сиял всеми цветами радуги, вобрав в себя яркую цветовую гамму. Поэтому так широк его спектр интересов и воплощений: то он как будто сходит со страниц испанского плутовского романа и каждая деталь его текста дышит юмором, — ведь он

испановед, — то он перевоплощается в галантного рыцаря, то с пылом слушает философские высказывания некоторых публикуемых им авторов, то рассуждает о стилистических находках.

В последний год жизни Володя не вставал с постели. Его лицо истончилось до лика. Сошло, размылось всё внешнее, остались сущность, глубокая духовность.

В окно Володя видел арку своего дома, любовался ею, сказал мне, когда я держала его за руку: «Красиво». Арка — око в город, в тот милый сердцу Париж, который много лет назад гостеприимно заключил в свои объятия его и Иру.

Володя был и останется для нас не испепеляющим, но греющим и любящим солнечным божеством Ярило.

Ирина и Владимир Алексеевы у себя дома

Екатерина ЭТКИНД

Родилась в Ленинграде. Училась в литературном клубе «Дерзание», работала во Всесоюзном музее А.С. Пушкина, наб. Мойки, 12. В 1973 г. поступила в Институт театра на факультет театроведения. В 1974 г. эмигрировала с семьёй во Францию. В 1995 г. открыла постоянную выставку «Жизнь и творчество Пушкина» в стенах Российского центра науки и культуры (61, rue Boissière, 75016). В 2002 г. основала ассоциацию «Друзья Пушкина».

ЧЕРНЫЙ ПОРТФЕЛЬЧИК

Это было давно. В Советском Союзе. В конце лета, где-то в августе, мы с родителями поехали путешествовать на машине. И вот вдруг на Наро-Фоминском шоссе наш папа съезжает с главной дороги и выезжает на деревенскую. Стоит указатель: Рождество на Истье. Едем медленно, чтобы не проскочить дом, да и дорога не слишком располагает к лихачеству.

Мама: «Фима, куда это мы едем?»

Отец: «Тут совсем недалеко дача Солженицына».

Мама: «Ну ладно, поехали!»

Домик. У ворот вилы. Входим в калитку и по дорожке шагаем к дому. В сенях встречает нас женщина в фартуке: Наталья Алексеевна Решетовская, первая жена Солженицына, говорит: «Гости дорогие! Заходите. Вот сейчас собирались трапезничать. Угощение сельское, скромное: отварная картошка в мундире, капуста квашеная, котлетки. Готовы разделить по-братски. И Саня оторвётся наконец от своей спидолы. А вот и он».

По лестнице спускался мужчина. Увидели сначала ноги в шерстяных носках, брюки, потом телогрейку и, наконец, голову. Поздоровались, сели за стол. Хозяин, решительным тоном: «Вот, дорогие гости, сейчас поедим, и я провожу вас до станции. Как раз и поговорим по дороге».

Отец: «Александр Исаевич, а мы на машине приехали. Вы, помнится, хотели что-то важное передать Лидии Корнеевне?»

А.И.: «Извините меня, ради бога, за мою резкость».

Мама: «Дело, как говорится, житейское, с кем не бывает».

А.И.: «Хотите, покажу нашу территорию? Смотрите: стол-барометр. Если столешница опускается, значит, будет дождь. Это течет небольшая часть реки Истьи. В ней очень чистая вода».

Мама: «А.И., а зачем у ворот стоят вилы? Вроде, сена не видать?»

А.И.: «А это, Екатерина Фёдоровна, для устрашения. Вот, например, приехал к нам, журналист Виктор Луи. Его-то, мы и поперли вилами. Ладно, это не интересно. Поднимемся ко мне в кабинет».

Посередине стоит огромный письменный стол, заваленный бумагами, книгами... и венский стул. Творческий беспорядок...

Мама: «А.И. как же вы тут пишете?»

А.И.: «Слыхали о таком — зековская привычка писать на фанерке? Да вот она. Я действительно хотел коечто передать Лидии Корнеевне. Но, учтите, это документ диссидентский и очень секретный. Никто не должен его видеть».

Отец: «Не беспокойтесь, все будет в порядке!»

Попрощались и поехали в Москву к Лидии Корнеевне Чуковской и её дочке Елене Цезаревне на улицу Черняховского. Они нас уже ждали. Передали привет от А. И. Солженицына.

Тут состоялся такой диалог:

Отец: «Лидия Корнеевна, А.И. передал для вас очень диссидентский и очень секретный документ. Похоже, я слегка переборщил с таинственностью и запрятал его так, что теперь сам не могу найти».

Е.Ц.: «Документ найдётся. Вы сейчас куда движетесь?»

Мама: «Мы едем в гости, к нашим друзьям Эдельштейнам. Это недалеко от Москвы-Жевнево».

Л.К.: «Ну вот, как обратно поедете, так и отдадите. Мы уже вернёмся в Москву. А если хотите, оставайтесь ночевать. Мы едем в Переделкино. Отдыхайте. Ключи оставите у сторожа».

Мы расположились на отдых. Меня поместили в комнату К. И. Чуковского. Наутро, со свежими силами и полные благодарности к хозяевам, начали таскать чемоданы в машину. И вот тут начинается самое интересное. Чёрный портфельчик! Когда мы выносили чемоданы, отцу мешал черный портфельчик. Он попросил меня держать его в руках. А там, напомню, лежал тот самый документ, который получили от Солженицына. Ко всему прочему, наши паспорта, карты дорожные и адреса

друзей. Поэтому он очень строго сказал: «Катеришка, береги его, как зеницу ока».

Тут мама несла чемодан и попросила меня ей подсобить. Я положила портфельчик на какие-то ящики. Потом всё собрали и уехали… На одной из развилок отец остановил машину и сказал: «Не помню, куда сворачивать. Катериша, там, на заднем сидении портфельчик, в нём карта. Можешь мне передать?» Я застыла. Портфельчика не было. Охрипшим от страха голосом, ответила: «А его тут нет». Теперь в ступор впали оба родителя.

«Что делать? — спросил отец, — надо возвращаться в тот двор и искать потерю. Но я не в силах ехать: у меня дрожат руки и ноги».

А ехать надо. Вернулись. Мы с мамой пошли искать, папа отдыхал в машине. Ничего не обнаружив, облокотились на ящик. И тут увидели, как нам навстречу идёт женщина в синем рабочем халате.

«Ищете что-то?»

Мама: «Да, такой небольшой черный портфель».

Женщина: «Так я его сразу, как заметила, директору отнесла».

Я: «Директору чего?»

Ж.: «Так ведь это задний двор здешнего гастронома. Идёмте, провожу».

И вот уже, преодолев три этажа, мы в кабинете директора.

Директор: «А, вот они: Екатерина Федоровна Зворыкина 1918 года рождения и Екатерина Ефимовна Эткинд 1949 года рождения. Ну а где же глава семьи? Пока его не увижу — ничего не отдам».

И я пошла за отцом.

Я: «Отец, пошли к нему, к директору гастронома».

Отец: «Он там один?» (Никогда не видела у отца такого лица.)

Я: «Да, один».

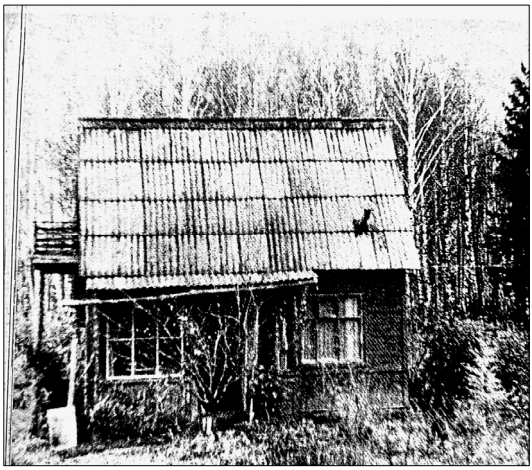
Отец: «Ну, ладно, пошли».

Директор: «А вот и Ефим Гиршевич (так написано у отца в паспорте). Присаживайтесь. Все ваши документы в целости. Учтите и цените. Я никуда не звонил “наверх”. Вы же, уважаемый профессор, можно сказать, донесли сами на себя».

Отец: «Я очень ценю вашу порядочность, честность. Огромное вам спасибо, вы спасли не только нашу семью, но и наших знакомых. Даже трудно себе представить, что нас ожидало».

Директор: «Идите и больше не грешите».

Облегченно вздохнув, дошли до машины и поехали к друзьям родителей Эдельштейнам.



«Борзовка» домик Солженицына в Рождестве-на-Истье

НЕКТО В ШТАТСКОМ

Зарисовка об А. И. Солженицыне

Однажды зимой, когда мы были на даче в Ушково, к нам без предупреждения приехал Александр Исаевич Солженицын. Впрочем, на даче телефона не было, а почту доставляли только летом. А.И. был уже «под колпаком» у КГБ. Вся наша семья сидела за столом, включая гостя. Вдруг в окне появилась физиономия. Нос расплющен — это она, физиономия, пыталась рассмотреть комнату и кто в ней сидит. Потом этот «некто» постучал в окно: «Дачку не сдадите?» Но наш гость, «тёртый калач», спрятался так, что его не видно было и не слышно. А наша мама сделала вид, что она «святая простота»: вышла на крыльцо с фонариком — зимой быстро темнеет — увидела чужака и спросила: «А что вы тут делаете? На чужом участке? Дачу никто не собирается сдавать. Можете не стараться. И никого нет, кто бы мог быть вам интересным. Ступайте с миром…» И «некто в штатском» ушёл, как побитая собака, «с голым носом»[1]. А наш ВПЗР[2] вылез из

Е.Ф. Зворыкина, Е.Г. Эткинд и А.И. Солженицын. Ушково (на даче Эткиндов), 1972 г. В 2018 г. Е. Г. Эткинду и Е. Ф. Зворыкиной, так же как и А. И. Солженицыну, исполнилось бы 100 лет

[1] *М. Зощенко* «Голубая книга (Любовь и коварство)». «Обидно же возвращаться с голым носом...»

[2] ВПЗР: Александр Солженицын.

своего укрытия и сел доедать уже остывшие котлеты. Вот так закончилась эта история, которая могла быть более трагической не только для А.И., но и для всей нашей семьи...

P.S.

30 января 2025 года в Париже на здании книжного магазина Les Editeurs Réunis по адресу 11, rue de la Montagne St-Génévieve состоялось открытие мемориальной доски в честь публикации 28 декабря 1973 года книги Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» в издательстве «ИМКА-Пресс». На открытии присутствовали два сына Солженицына: Игнат и Степан.

ПУТЕШЕСТВИЯ

Галина БЛАРЭ

Образование — высшее техническое, получено в Калининграде. Работала сначала электронщиком, потом программистом. Затем, будучи замужем за французом, летом рисовала портреты людей со всего света на площади Помпиду.

КАНИКУЛЫ В БУДАПЕШТЕ

I

День рождения Жака мы спланировали встретить в Будапеште, уже прослышав со всех сторон, что это красивейший город Европы. Мы взяли билеты на самолет из Орли, сняли комнату в центре Будапешта, изучили карту, уяснили маршруты. Должно было быть тепло, и после парижских ветров и дождей мы рассчитывали, наконец, погреться и вкусить долгожданной весны, но просчитались. Еще на борту командир самолета добавил к прогнозу: «Ветер». Это слегка насторожило, но мы и представить не могли, до чего он мощный и ледяной. Тревожному настроению способствовало и покрытое тучами небо, грозящее дождями.

Наскоро устроившись в не слишком уютной комнате большой квартиры в доме с фонарями на лестнице и решетками перед каждой дверью, мы бросились на встречу с чудо-городом.

Конечно, сначала мы ринулись искать Парламент. Он и вправду великолепен — ажурный, величественный. Говорят, что внутри он просто потрясает, но чтобы попасть туда, надо занять очередь в шесть утра, либо нанять гида, который купил бы для нас эти билеты, а такие подвиги не входили в наши планы. Под все еще ошарашивающим ветром мы прошли по набережной до острова Маржит и увидели там легкомысленно плюющийся струйками фонтан. Мне представилось, что их «плюх-плюх» точно соответствует игривым моментам Венгерской рапсодии Листа. Каково же было мое удивление, когда зазвучала вдруг именно это музыка! Выходит, я прочитала ее «по губам»!

Оттуда мы добрались до знаменитого Рыбацкого бастиона на высоком холме, окруженного кружевной стеной с семью конусными башнями, и нас окатило волной праздничной атмосферы под стать настроению шаловливых китайских туристов с их неизменными знаками победы в виде буквы V. Мы прошли мимо президентского дворца с часовым и через шикарные чугунные ворота спустились по величественной лестнице во двор Королевского дворца, простого и строгого — неоклассицизм! И вот когда мы прошли под его аркой и увидели на одной из стен струящийся водопад с королем, охотниками и собаками, я ахнула от восторга и застыла зачарованная. Эта компания остановилась передохнуть у ручья, и набегавшиеся собаки бросились лакать воду. Красивые и словно живые! Ничего подобного я никогда не видела. Конечно, фонтан Сен Мишель тоже расположен на стене в Париже, но чувства выхваченного момента из жизни он не вызы-

вает. Выйдя из дворцового комплекса, я оглянулась. На чугунных воротах сидела черная металлическая ворона, она смотрела нам вслед, может, что-то накаркала?

На другой день мы одолели еще один холм — Геллерта, чтобы оттуда полюбоваться величавым Дунаем с его семью мостами и городом Пешт, определились с базиликой Святого Стефана, что рядом с нашим домом, колесом обозрения на площади Деак, проспектом Андраши между ними и поняли, что теперь мы в городе ориентируемся. Я приблизилась к паре русских с их персональным гидом и подслушала историю о святом Геллерте, которого в середине 11 века казнили разъяренные язычники за то, что он, будучи епископом Буды, проповедовал Христианство. Согласно легенде, Геллерта затолкали в бочку и сбросили с обрыва в Дунай. И я тут же вспомнила такую же историю памятника Три Креста в Вильнюсе в честь боровшихся за веру христиан, сброшенных язычниками в реку Вильно. Жуть!

Да, город прекрасен, решили мы, без устали щелкая фотоаппаратом по сторонам, не минуя ни одной скульптуры, которые особенно приятно обнаруживать вечером, когда стемнеет и центр города становится праздником с его пешеходными улицами без машин, с мощными четырехгранными фонарями, изливающими душу музыкантами, зазывающими сувенирами бутиками, с архитектурной роскошью, улыбками туристов, заливистым смехом детей, скоплениями азартной молодежи,.. Очаровательная атмосфера!

А на третий день мы отправились на электричке в замок императрицы Елизаветы в Гёдёлё...

II

Иштван жил в Гёдёлё, неподалеку от Будапешта и был студентом математического отделения университета. При мысли о предстоящей перспективе работать в на-

уке и управлять миром, сделать его более гармоничным у него захватывало дух. Но пока надо было столько узнать! Стопы книг он читал и конспектировал, иногда засиживаясь до трех-четырех утра. И искал пути совершенства. Еще ему нравилось наблюдать за людьми, записывать свои наблюдения и мысли. Анализируя, он научился понимать поступки и мотивы каждого.

Его отец был военным, но при первом же случае уволился и стал попивать. Вот и вчера явился поздно: «Опять обувь не на месте. Сколько можно твердить про порядок в доме!» А ведь в детстве он много занимался с сыном, разбирая головоломки, задачи из старых учебников. Иногда он запирал сына в пустой комнате с диваном и гладильной доской, чтобы не отвлекался. А потом рассуждал о первостепенности развитого серого вещества и неустанном его совершенствовании. У меня не получилось, — заканчивал он, а ты должен.

Сегодня солнце снова не вышло, и на душе Иштвана было тревожно, потому что в универе у него появился «хвост» по теории функций комплексного переменного. Он проглотил пару бутербродов с ветчиной, запил колой и пошел во Дворец Элизабет, где он подрабатывал по четвергам, наблюдая в самом заманчивом зале за посетителями. Нельзя было допустить, чтобы визитеры делали фото прекрасной Элизабет. Она была его любимой женщиной, его солнцем... Иштван обожал ее, почти ровесницу, девчонку 26 лет. И строго следил за посетителями.

III

Хмуро было это утро третьего дня. Накрапывало. Мы приехали в Гёдёлё на поезде, подзарядились гуляшом в кафе и прошли через дорогу во дворец. Анфилады комнат

с непривычно яркими стенами, удивительные печки на ножках, особенно зеленая с красным, были словно праздничный терем. Я попросила Жака заснять, но внизу было предупреждающее объявление — фотографировать запрещено! Жак бы щелкнул тайком, но помешали гид с группой, пришлось, покрутившись, уйти. Жаль, таких печей мы не видели ни в одном замке Франции. Затем мы прошли в маленькую комнату с личными драгоценностями Элизабет, ее фотографиями на стенах и карандашным портретом, от которого невозможно было оторваться. Говорят, на нее не советовали смотреть долго, чтобы не потерять голову и не разбить свое сердце. На этом портрете ее умные и грустные глаза прелестной удлиненной формы были живыми и, казалось, выражали скорбь и тоску когда-то простой восторженной девчушки, в 15 лет оказавшейся супругой короля Австрии под бдительным взором свекрови. А может, предчувствие?

Жак тоже «попался» и кружил по маленькому залу, пытаясь уловить, когда бдительный молодой человек с блеском в глазах удалится, чтобы сфотографировать портрет. Но и тот был не промах. В комнате три двери — две сквозные и боковая — в коридор, поэтому, выходя в боковую, он рывком возвращался в сквозную. К тому же опытным глазом он засек готовность Жака смошенничать и фактически встал на оборону портрета. Мы вышли с чувством досады.

— Ты видел, как пасет? А мне так хотелось рассмотреть эту технику рисунка, поучиться тонкости работы...

Больше ничего интересного нам не встретилось, вот только при входе в очередной зал я заметила в левой распахнутой двери внизу прямоугольное отверстие, а за ним изгибающийся вправо маленький узкий проход. Потайной ход?

— Хотите посмотреть?

Рядом стоял тот же юноша с горящими глазами.

— Да, это была тайная комната, и иногда императрица спускалась сюда, чтобы остаться с самой собой, вести записи в дневнике... Хотите взглянуть? Не бойтесь, дальше проход расширяется.

Идемте!

Мы переглянулись, а почему бы «нет», согнулись и спустились по винтовой лестнице довольно глубоко. Там оказалась уютная комната с обоями в полоску, с диваном и старыми куклами на нем, письменным столом с несколькими книгами, фотографиями на стенах

— Вам должно здесь понравиться, убедительно сказал он. Удобства рядом. Если захотите пить — там есть кран.

— Э... Вы хорошо говорите на французском...

— У меня мама венгерка, а папа француз, вы мне его очень напомнили.

— А что вы от нас хотите? Смотреть здесь вроде не на что... Вы нас похитили что ли?!

— Я решил вас испытать, потому что понял, что вы люди дотошные. Поэтому я сделаю так: вы выйдете отсюда, если решите задачу, имеющую красивое решение. Вот. Слушайте и запоминайте: имеются несколько мешков с золотыми монетами, в одном — фальшивые. Вес золотой монеты и фальшивой известен. Как с помощью одного взвешивания найти это мешок?

— Но мы должны идти, завтра мы уезжаем...

— Ничего, это на пользу. Мобильники дайте мне. Я вернусь через два часа и проверю. Успеха!

Он быстро вышел, задвинул за собой массивную дверь, запер ее и удрал.

— Вот это история. У парня-то не все дома. Надо что-то делать. Мы на каком этаже? Окон нет, не убежишь.

— А ты в школе-то учился хорошо?

— Средне.

— А я хорошо. Но в углу однажды постояла. Учительница читала условие задачи, а там «Надя принесла домой...» А я вскочила: «моя сестра Надя!»

— А я однажды не выучил про глаз и все про него читал с плаката на стене. Отвечал так уклончиво на вопросы, что учитель посоветовал мне идти в дипломаты.

— А что у нас с математикой? Ты как?

— Да никак.

— Ну тогда порассуждаем логически, я не собираюсь сидеть здесь до утра.

Жак подошел к двери и стал колотить ее кулаком с криками «Откройте! Откройте!» Но дверь была массивной, а звук глухой, и что называется, никто не шелохнулся.

На столе лежали в беспорядке книги и папка. В ней были репродукции скульптур, преимущественно женских, портреты, чертежи... Я открыла наугад одну книгу, полистала ее и наткнулась на «Биографию Елизаветы Баварской (императрицы Австрии)».

— Ты посмотри, какая красавица!

И я, завороженная, впилась в содержание.

IV

«За два года до наступления XX столетия респектабельная и благополучная Европа содрогнулась от неслыханного злодеяния, совершенного в самом тихом и миролюбивом ее уголке. Острие напильника безжалостно вошло в сердце женщины, спокойно прогуливающейся сентябрьским утром 1898 года по берегу Женевского озера. Жертвой оказалась самая красивая женщина Европы, австрийская императрица Елизавета I.

Она родилась в 1837 году в знаменитом баварском роду Виттельсбахов в воскресенье, что согласно преданиям было знаком счастливой судьбы, к тому же у малышки был крохотный зуб. Говорили, что такой же был и у новорожденного Наполеона Бонапарта, а потому оснований полагать, что принцессу в жизни ждет нечто особенное, было предостаточно».

Начало было захватывающим, и я расположилась на диване, отодвинула кукол, подобрала под себя ноги, и окунулась в сказочный мир красавицы, которую взял в жены король Австрии, когда ей было только 15 лет, влюбившись в нее без памяти с первого взгляда, хотя приехал свататься к ее старшей сестре Хелене.

Историю сопровождали удивительные фотографии. Она была поистине хороша, и хотя не всегда удачными были ее портреты, но очевидно вырисовывалось ее совершенство — большие удлиненные глаза, узкие скулы, точеный нос, прелестный небольшой рот, хороший волевой подбородок и роскошные темнорусые волосы.

Я стала читать вслух:

— «Но и ее молодой красавец-император не мог оставить равнодушной. Это была та любовь, о которой она мечтала и писала стихи»... Жак, ты слушаешь?

— Угу. Что будем делать? А если он не придет?

Я вздохнула и продолжала:

— «С первых дней восшествия на престол она почувствовала себя невольницей, жертвой жесткой ревнивой свекрови. Но изменить свою жизнь она не могла, ее судьбой было навсегда остаться императрицей.

...В назначенный срок императрица родила дочь. Пока роженица приходила в себя, новорожденную, даже не посоветовавшись с матерью, нарекли Софией и унесли — в апартаменты свекрови. Это едва не добило несчастную Елизавету».

В это время Жак довольно скептично и безрадостно, скорее угрюмо и с сарказмом, зачитал текст из скромной брошюры:

— «Элизабет Австрийская — мифы и правда. Когда родилась вторая дочь, ее постигла та же участь, тогда Франц Иосиф написал матери письмо, требующее вернуть детей, чтобы иметь их около себя. Но вскоре случилось непоправимое... В 1857 году 20-летняя молодая мама Сисси (так звали Елизавету, или Элизабет) настояла, чтобы взять обеих дочерей, Софи и Гизелу, в одно из своих многочисленных путешествий, на этот раз в Венгрию. По дороге обе девочки подхватили кишечную инфекцию, у них начался сильный понос, и старшая дочка умерла».

— Жалко, — сказала я, и продолжила читать: «Это трагическое событие ненадолго смягчило открытую неприязнь свекрови. К тому же в этом же году родился долгожданный наследный принц Рудольф. Теперь Елизавета всеми силами стала отстаивать право на собственные мысли, взгляды и поступки. Наперекор канонам дворцового этикета она открыла дверь монарших апартаментов для художественной интеллигенции Вены. Художники, поэты, артисты, люди иных творческих профессий — словом, все те, чье присутствие еще вчера здесь было просто немыслимым, постепенно входили — в круг общения Елизаветы, все больше отодвигая совершенно неинтересную ей безликую знать».

Я полистала брошюру, наслаждаясь портретами и фотографиями Елизаветы и красавца в молодости мужа Франца Иосифа (а ведь он был сыном тети, значит, двоюродным братом...).

Судьба Сисси описывалась разными авторами, возможно, разными исследователями и переводчиками венгерского архива. Она оказалась не из легких. Странная ранняя смерть любимого сына выбила ее из седла и по-

следние десять лет были бегством от душевной боли, бросающей ее в непрерывные путешествия, не позволяя задерживаться ни в одном самом престижном или удивительном месте. Не менее странной была судьба ее кузена Людвига II, также удивительно красивого, оставившего после себя богатые сказочные замки и тоже погибшего при странных обстоятельствах на прогулке со своим доктором психиатром. Говорили, будто после смерти он приходил к ней и предсказал, что душа ее уйдет через крошечное отверстие в сердце.

Так и получилось. На суде 25-летний Луиджи Лукени заявил, что «все должны работать», и его миссия состояла в том, чтобы уничтожать тех, кто не работает. Убийца, по его признанию, не знал, кого убивает, но ему якобы хватило одного взгляда на женщину, чтобы сделать вывод: «Она достаточно аристократична, чтобы заслужить смерть...»

V

Иштван был сегодня напряжен — в 6 часов в Будапеште собиралось общество Красота и Гармония, где предлагались к обзору фото лучших из лучших представителей земной цивилизации, с попыткой обосновать и даже представить закон красоты в математической форме, но директор музея задержал сотрудников, чтобы напомнить о порядке и нарушениях на территории замка, о личной ответственности каждого сотрудника и материальной ответственности за статуи во дворе. Поэтому, едва освободившись, Иштван ринулся за папкой в свою каморку и вспомнил по дороге, что там его ждут. О господи!

— Извините, задержался. Как вы? Решили? — отодвинув дверь, ворвался он. И не дожидаясь ответа, вы-

тащил из папки лист бумаги: — А задача решается вот так! Из первого мешка берем одну монету, из второго — две и так далее. Все это взвешиваем и... — он лукаво уставился на меня — находим разницу между ожидаемым весом, если бы все монеты были золотыми, и реальным. Ну, дальше-то просто. Делим на разницу между весом золотой монеты и фальшивой. Красивое решение?

Он взглянул на часы:

— Извините, должен бежать, опаздываю. Я бы с удовольствием с вами посидел, но у меня в 18 часов клуб. Потом он лукаво посмотрел на нас: «А я думал, вы догадаетесь». Мы удивленно посмотрели на него. Он прошел в туалет и нажал на кнопку на стене за унитазом. Стена легко отошла, оказавшись деревянной, и обнаружила за собой густой сад.

Он тщательно закрыл стенку-дверь, схватил папку со стола, и устремился к лестнице, потом обернулся: «Вы свободны! До свидания. О, ваши мобильники. Извините!» Вынул их из кармана, очаровательно улыбнулся, отдал, махнул приветливо рукой и исчез по винтовой лестнице.

Показалось или нет? Страница перевернулась. И книга осталась раскрытой на том самом карандашном портрете с тревожными глазами, словно спрашивающими: «А что ждет вас?»

VI

У нас был еще один день в запасе, и его мы посвятили милым животным, птицам и пресмыкающимся в зоопарке. И вечером уже прощались с залитым огнями городом, слоняясь по уже любимой улице Ваци, снимая ярко выступающее из ночи королевство на Крепостной горе.

У меня в сумке на дне обнаружился «камень благодарности» (обыкновенный голыш с Балтийского моря, по правде говоря). По словам одной мудрой американки, увидев его, надо за все благодарить, тогда ты будешь самодостаточным и счастливым. И получишь еще больше хорошего. Одно венгерское слово я все-таки выучила: «кёсы» — это типа «спасибо, очень приятно». Будапешт — кёсы!

Милые, очаровательные венгры — и молодой официант в кафе, потрепавший меня по плечу: «Ну как? Все нормально?», и небдительные контролеры в метро вместо турникетов, и этот сумасбродный мальчишка — всем вам кёсы!

Людмила МАРШЕЗАН

ИЗ БАХРЕЙНА В УЗБЕКИСТАН

Привычным и естественным стал для нас обычай путешествовать в те края, где по долгу службы оказываются наши дети. Так и в эти летние каникулы мы (мой супруг Филипп и старший сын Давид) рискнули отправиться в жаркую страну, где температура воздуха в августе достигает +45°С в тени. Но, легко отбросив теневые стороны поездки, мы решили навестить младшего сына Александра, который уже пять месяцев работал в королевстве Бахрейн — единственном островном и самом малом государстве арабского мира. Бахрейн — крупнейший остров одноимённого архипелага, состоящего из тридцати трёх островков.

— Давид, как переводится с арабского Бахрейн? — спросила я сына, погружённого в чтение путеводителя.

— Два моря. Одно уже синеет в иллюминаторе — Персидский залив, а где второе?

— Спроси у твоего соседа, он явно местный.

— Наверное, это чёрное море нефти с золотым дном, — улыбаясь, ответил молодой человек, весь покрытый золотом, абсолютно весь.

— На самом деле, — заметил Филипп, — второе — это чудо природы — источник пресной воды в солёном Персидском заливе.

— Мы учили об этом в школе, — вспомнил Давид, — пресное море посреди солёного. Кстати, такой коктейль понравился моллюскам перламутровых ракушек, внутри которых сформировался самый красивый жемчуг мира — чёрный, белый, розовый.

Мои мужчины забросали меня интеллектуальными перлами. Оказалось, что Бахрейн — единственная страна,

где запрещена продажа искусственного жемчуга. Все ювелирные изделия созданы из натурального, который называют здесь «бриллиантом моря», а сам Бахрейн — жемчужиной арабского мира.

Мне захотелось процитировать поэтические жемчужинки, особенно строки Константина Бальмонта:

— А знала ль ты. Жемчужина,
что после ждёт тебя?
— Я отблеск Лун, я отблеск Солнц,
мой путь — светить любя.

Блеснуть не удалось. Голос из микрофона приказал пристегнуть ремни и приготовиться к посадке.

— Наконец-то, — воскликнула я. — Самолёт, как холодильник. У меня ноги замёрзли. Мальчики, а вы как?

— Так, — ответил Филипп, — холодные и голодные.

Загоревший, подстриженный на местный лад, встретил нас Александр и вывел на «свежий воздух». Мне показалось, что по ошибке мы вошли в баню, настолько влажно-горячим оказался первый «поцелуй» Бахрейна. Стремительное, утомляющее тепло. Мгновенное согревание, нагревание, перегревание. Нырнув в кожаное нутро такси, мы через несколько минут задрожали от холода. Александр рассмеялся: «Привыкайте. Это страна контрастов. Бахрейнцы слишком долго жарились в пустыне, чтобы сейчас позволить себе ощутить прелесть прохлады».

Войдя в просторный номер гостиницы, я решительно увеличила температуру кондиционера на пять градусов. Вот теперь жить можно. Надев солнечные очки и шляпу, я приготовилась к обещанной Александром прогулке.

— Мама, что за карнавал? — удивился Александр. — Открой шторы и посмотри в окно.

— Это я и собиралась сделать...

От удивления фраза бессмысленно повисла в воздухе.

За окном август, местное время 18 часов, а утомлённое солнце, кубарем скатившись в море, растянулось на золотом ковре Персидского залива. Подмигнув нам последними лучами, оно скрылось под покровом ночи. В то же мгновение вспыхнули тысячи искусственных светил небоскрёбной столицы Бахрейна — Манамы.

— Приехав в Манаму, в шесть вечера снимай панаму, — пошутил Давид, сбросив мою шляпу в кресло.

— За что и на что нам подарена так рано эта ночь? Не удалось нам попасть в такт Манамы.

— Значит, мы бестактные люди, — продолжал шутить Давид.

Дружный смех прервал Филипп, объяснив, что Манама в переводе означает «место мечты».

— Так вперёд! Мечте навстречу, — поторопила я своих верных рыцарей.

Заглянув в сувенирные лавки, мы поняли, что здесь чай — индийский, сувениры — китайские, ковры — персидские, сладости — пакистанские. Только жемчуг — бахрейнский.

Отведать национальных блюд тоже не удалось по причине их отсутствия, но изрядный выбор ресторанов со всевозможными кулинарными выкрутасами удовлетворит любого гурмана. Обслуживание мгновенно-ненавязчивое и предельно вежливое. В этой сфере работают мигранты из Индии, Пакистана, Филиппин. Бахрейн привлекает всех высоким уровнем жизни. Примечательно, что в 2000 году в стране проживало семьсот тысяч жителей, а сейчас, в 2023 году — полтора миллиона, из которых коренное население составляет всего 40%.

— Александр, за счёт чего они так богатеют? — удивилась я. — Ведь Бахрейн первая страна в регионе, открывшая нефть, и поэтому первая изжившая ресурсы.

— Мама, всё очень просто. Финансы и новые технологии. Весь секрет — в банках.

— Как жаль, что во Франции нет такой «банки».

— Зато есть 365 сортов сыра, лучшая кухня мира, прекрасные вина и самый посещаемый музей под открытым небом — Париж…

— Как много в этом слове...

— Слова не нужны. Париж — это Париж, единственный и неповторимый.

* * *

Бодрое утро. Желание взять вершины неба до самой синей глубины. Ни одного облачка. После дождливых парижских дней — сухой паёк Бахрейна. Как манны небесной ждут все дождя. Он редкий гость в этих краях — 10 дней в году. Шербургские зонтики здесь не в моде, предпочтение отдаётся пляжным «парасолям» немыслимых цветов и размеров. Словно маки Клода Моне расцвели они на обширном песчаном берегу, куда мы добрались на такси, проехав половину острова. По мнению Александра — это один из самых красивых пляжей, где чистота воды соперничает с чистотой неба. А по-моему, — это море песка у моря воды. Благоустроенная песочница, но почему-то безлюдная.

— Это нормально, — объяснил Александр, — ведь сегодня воскресенье — рабочий день. Выходные — пятница и суббота.

— Признайся, сынок, трудно отправляться на работу в воскресенье?

— Когда любишь своё дело, на работу идёшь смело даже в воскресенье, — отшутился Алекс, окунаясь в море.

Можно было бесконечно плескаться в тёплых ладонях Персидского залива. Температура воды +34°С. Наши

бледные лица превратились в малиновые. Александр, взглянув на часы, дал команду собираться. Ведь так много запланировано на сегодня: посещение индийского храма, католической церкви и самой главной мечети страны — Аль-Фатех.

Общественный транспорт в Бахрейне отсутствует: все передвигаются в частных автомобилях или такси. Сохранились ещё лондонские такси в стиле «ретро», на одном из которых мы вернулись в Манаму, остановившись вблизи католической церквушки Sacré-Cœur, построенной в 1939 году. Мы очень удивились, увидев шеренгу снятой обуви у входа. Может быть, влияние «мягкого» ислама? Последовав примеру, мы впервые вошли в католический храм босыми. Чистота и уют. Благодать, умиление перед молением босоногих прихожан. И вот в такое мгновение послышался приглушённый смех наших сыновей. Пронзив их взглядом, мы с Филиппом поспешили выйти из помещения.

— Не сердитесь,— продолжая давиться смехом, сказал Александр, — представьте, что у входа в Nôtre-Dame все снимут туфли! Вавилонская башня башмаков! Как найти свои?

— Придумал, — ответил Давид. — Каждый башмак надо закодировать, чтобы он отзывался на голос своего хозяина. Допустим, звучит высокий голос модницы: «Мои шпильки бежевые сбежали. Ау, где вы?» — «Мы здесь, на шпиле зашпилились».

Все расхохотались.

— Папа, ты помнишь шутку про Бога, создавшего наш мир за семь дней, а на восьмой — чувство юмора. К сожалению, не всем досталось. Как здорово, что нашей семье хватило!

Снова всеобщее веселье. Вот так, «навеселе» мы пробирались ароматно-пряными улочками индийского квар-

тала в их Храм. Вошли мы, конечно, босыми, и, несмотря на то, что опоздали на начало церемонии, были встречены чрезвычайно ласково. В зале, устланном коврами, слева сидели мужчины, справа — женщины. Усевшись приблизительно в той же позе, что и все, я залюбовалась красочностью женских одежд, украшениями, цветами в их черных волосах. На тонких запястьях рук и узких щиколотках босых ног — браслеты со звоночками. В Индии звоном бубенцов отпугивают змей, здесь, в Храме, они имели сакральное значение. Дети вели себя совершенно свободно, и никто на них не шикал. Они подбегали к статуе Будды, простирались ниц и убегали обратно, как бы соревнуясь, кто быстрее и ловчее. Вдруг все задвигались, чтобы сделать подношения своим божествам: фрукты, гирлянды цветов, сладости. Наш традиционный подарок — Эйфелева башня — произвела такое впечатление, что нам выдали целое блюдо всевозможных вкусняшек и предложили сфотографироваться на память. Как мило, но мне кажется, что память сердца сильнее и долговечнее.

Мечеть Аль-Фатех встретила нас величественной архитектурой. Построенная в 1987 году, она является не только местом религиозных церемоний, но и центром проведения общественных и культурных мероприятий. Усевшись в удобные кресла в ожидании экскурсовода, мы рассматривали книги, изданные на многих языках мира, включая и русский, которые раздавались бесплатно, как и кофе, вода, конфеты. Вскоре к нам подошла миловидная женщина, завернутая в одежду цвета спелой сливы, и представилась. Её сложное имя запомнить было невозможно. Мы «окрестили» её Сливка, поняв, что она олицетворяет сливки общества, имея за плечами Оксфорд и другие престижные учебные заведения. Перед экскурсией Сливка пригласила нас зайти в раздевалку-одевалку и привести себя в соответствующий этому месту вид. Через несколь-

ко минут нас трудно было узнать. Мои мужчины, облачённые «в белое, как правда, полотно», напоминали накаченных спортивных ангелов, а я, упакованная с головы до ног, бросала чёрную тень на их светлость. Инстинктивная антипатия к «закрытости» женщин испортила мне радость интересной экскурсии. Всё-таки меня поразил прозрачный стеклянный купол, кажущийся таким лёгким и воздушным, а на самом деле весом 60 тонн. Гениальная архитектурная находка позволила солнцу властвовать пространством, заливая всё вокруг янтарным светом. Ноги наши утопали в золотистой роскоши ковра.

— Мама, — шепнул Александр, — ты помнишь, как в детстве нам рассказывала о коврах-самолётах, этот — один из них, тебе не кажется?

— Ты прав, сынок. По внешнему виду он ничем не отличается от обычных ковров, а по цене — от обычных самолётов.

Александрик мужественно боролся со смехом, но в конце концов сдался и поспешно отошёл в сторону. Давид вопросительно посмотрел на меня.

— Что с ним?

— Мечтает. Разве слово «мечеть» не связано как-то со словом «мечтать»?

— Оригинальная шутка. Но в переводе с арабского «мечеть» означает «падать ниц».

— Так вот оно что. Теперь понятно, почему я падаю в этих долгополых одеждах.

— У вас есть вопросы? — ласково обратилась ко мне Сливка.

— Да, только один. Почему вы, вернее, мы, так одеты? Неужели это угодно Богу, создавшему нас совершенно обнажёнными?

— Видите ли, я — свободная женщина, поэтому выбираю свободные одежды, скрывающие моё тело от лип-

ких, похотливых взглядов мужчин. Я враг всякого кокетства и отрицательно отношусь к демонстрации женского тела, подобно витрине мясной лавки. Я предпочитаю, чтобы меня любили за мой ум, знания, характер и мою возвышенную натуру. Мир держится на целомудрии женщины.

Мы с уважением простились с ней. В её речи, полной достоинства, прозвучало что-то новое, антирекламное и совершенно духовное.

Выйдя из простора мечети, вмещающей более семи тысяч человек одновременно, мои мальчики застряли у лавки с традиционной женской одеждой.

— Что вы ищете? — спросила я.

— Как что? Ты же хочешь быть свободной современной женщиной? Вот и выбираем для тебя «свободные» одежды.

— Я понимаю, что это шутка. Но если говорить серьёзно, то только истина делает нас свободными. А истина…

— Истина в вине, — рассмеялся Александр. — а в Бахрейне — в морепродуктах. Приглашаю в рыбный ресторан на наш прощальный ужин.

— Неужели мы всё посетили, посмотрели, попробовали?

— Мама, не забывай, что Бахрейн — это маленький остров. Надеюсь, я сумел передать его атмосферу, и у вас сложилось определённое представление, которое мы дополним после ужина прогулкой в Форт. Это самое древнее место поселения дильмунов — аборигенов острова, который захватывали все, кому не лень: греки, португальцы, персы… Каждый завоеватель строил и перестраивал фортификации на свой лад, оставив нам «слоёный пирог» разных цивилизаций. Кстати, в 2005 году Форт вошёл в сокровищницу ЮНЕСКО. Вечером он загадочно красив в свете фонарей и звёзд. Ну, а если у вас достаточно сил

и любопытства, можно совершить ночное путешествие в пустыню, вернее, паломничество к Дереву жизни, одиноко растущему в безводных песках уже 400 лет! А завтра, завтра, дорогие родители, в программе — исполнение желаний. Мы с Давидом организовали поездку, о которой так долго говорили много лет, — в Узбекистан! Утром вылетаем в Ташкент.

* * *

Ташкент… Дар неожиданный и прекрасный. Казалось бы, чем может привлечь город, разрушенный апрельским землетрясением 1966 года и отстроенный в стиле «сейсмического модернизма» за три года? Меня волновало, как объяснить детям, рождённым во Франции, особый стиль: национальный по форме и коммунистический по содержанию? К счастью, объяснять ничего не пришлось.

Итак, белый «шевроле» мчал нас из аэропорта в Ташкент. В распахнутые окна врывался тёплый ветерок. Как нам не хватало его в Бахрейне. Мальчики смотрели по сторонам и посмеивались.

— Мама, спроси у таксиста, почему все машины белые?

Шофёр, услышав вопрос, с улыбкой ответил:

— Настоящие мужчины не ездят на голубых или красных тачках. Настоящие мужчины покупают только чёрные или белые. Но в чёрных жарко, поэтому почти все «шевроле» — белые.

— А почему только «шевроле»? — спросил Давид.

— Остроумный вопрос, — развеселился таксист. Видно, что вы не местные и не знаете, что у нас находится завод, выпускающий триста тысяч «шевроле» в год.

— Значит, выбора нет?

— Почему же, есть ещё советские «жигули». Не смейтесь, Узбекистан — единственная страна, где они сохра-

нились, не заржавев, потому что у нас сухой воздух. Обратите внимание, сегодня +35°С, а вам не жарко, даже без кондиционеров. Расслабляйтесь, вы в Ташкенте — столице, где много деревьев, фонтанов, цветов, улыбок и белых «шевроле».

* * *

Утром синий шёлковый ковёр неба напомнил нам, что пора выходить на Великий шёлковый путь, караванные тропы которого позволили сделать мир единым: соединить Восток и Запад, Север и Юг. Если расстояние Ташкент-Самарканд верблюды преодолевали за неделю, то скоростной экспресс «Афросиаб» — за два часа! Современный, аэродинамичный поезд (испанский производитель Taldo), регулярно курсирует с 2011 года. В вагоне нас встретили, говоря словами Мурата, настоящие красавицы-проводницы. Для работы с интуристами девушки обучались английскому языку и прошли конкурс красоты. Безукоризненное обслуживание напоминало внимательных стюардесс самолётов XX века. Нам принесли чай, кофе, напитки, фрукты и круасаны.

— Странно, — недовольным голосом произнёс Александр, — почему не узбекские лепёшки? Такое впечатление, что мы едем не в Самарканд, а в Лондон. Только и слышится английская речь.

— Сыночек, пойми, они стараются для нас, туристов, стремясь подражать европейскому стандарту, не понимая, что мы приехали сюда, чтобы открыть что-то новое, попробовать что-то национальное.

— Мама, надеюсь, что в Бухару мы поедем на обычном поезде с нормальными людьми. Ты помнишь, как Мурат показал табличку с официальной надписью: «Осторожно! Высокое напряжение», а от руки приписано: «Наше напряжение — самое высокое в мире». Ведь это отпечаток эпохи, когда люди спасаются юмором.

— Мурат всегда «юморил», — подтвердил Давид. — Даже на серьёзные вопросы отвечал шуткой. Когда мы говорили о свободе в Узбекистане, он сказал по-философски: «В Англии — что можно, то можно. Во Франции — можно даже то, что нельзя. В Германии — чего нельзя, того нельзя, а в Узбекистане — нельзя даже то, что можно».

— Мальчики, в этой шутке только доля шутки, остальное — правильно подмеченный национальный характер каждого народа и узбекская несвобода.

— Что и говорить, — вмешался Филипп, — встречаясь с интересными людьми, мы глубже познаём страну. Рискнув приехать в августе, вне туристического сезона, мы наслаждаемся всеобщим вниманием, низкими ценами, тишиной и отсутствием толп туристов.

— Нам крупно повезло, — ответила я, — Мурат говорил, что накануне нашего приезда жара так жарила, что температура воздуха подымалась до 50°С.

— Выходим. Мы прибыли в Самарканд, — объявил Давид.

— Отлично, — сказал Александр, глядя в мобильник. — Сегодня в Самарканде всего лишь +36°С. Какая программа?

— Берём такси…

— Знакомимся с таксистом, — рассмеялись мальчики.

— Ну, дайте договорить маме,— урезонил сыновей Филипп.

— Итак, заезжаем в зарезервированную гостиницу, оставляем сумки, потом едем обедать и открывать Самарканд.

Не успели мы отойти от платформы, как были «атакованы» водителями, предлагающими свои услуги и готовыми отвезти нас даже на край света. Вот, что значит

приехать вне сезона. Нам приглянулся интеллигентный человек, молча протянувший свою визитную карточку: «Джам. Сертифицированный гид. Историк. Искусствовед».

Мы представились ему и с первых же слов поняли, что нам снова повезло.

— Что вы знаете о Самарканде? — спросил Джам, усаживая нас в белый автомобиль.

— Ничего, — хором ответили мы.

— Тогда не будем терять времени. По дороге в гостиницу я успею кое-что вам сообщить.

Красивый тембр голоса, отчётливая дикция, умение Джама приблизить древнюю историю к современности покорили нас в первые же минуты его рассказов.

Города, подобно людям, имеют своё неповторимое лицо, своё сердце, свой характер, свою жизнь. Но Самарканд, с его многовековой историей, олицетворяет летопись целых народов и государств, отражает путь, пройденный многими поколениями. Римом Востока называли Самарканд поэты и историки прошлых столетий. Автор первого тюркского словаря считает, что в переводе «Самарканд» означает «жирный, богатый», что соответствует действительности. Этот город претендовал на звание столицы мира в то время, когда являлся бескрайней империей Тимура, простирающейся от Волги до Ганга, от Тянь-Шаня до Босфора. История поставила перед Амиром Тимуром задачу — разрушить основу монгольской империи Золотая Орда. Он героически решил её и помог освободиться русским княжествам и народам Восточной Европы от татаро-монгольского ига, выиграв тысячу сражений и не проиграв ни одного в течение тридцатипятилетнего летнего правления. Имя Тимур в переводе звучит как «железный», но по количеству жертв и жестокости он ничем не уступал стальному. Единственное, отличался храбростью, участвуя в боях, сутками не покидая седла. В одной

из битв был тяжело ранен стрелами, после чего стал хром на правую ногу и сух на правую руку. В Европе его прозвали Тамерлан — что означает «хромоногий», а для нас он — Амир-Тимур, победивший непобедимую армию султана Дели в 1398 году. Нас поражает, что интерес к искусству у Тимура сочетался с безраздельной жестокостью и, чтобы одолеть индийцев с дрессированными слонами, он приказал обмотать промасленной тканью верблюдов, ночью поджечь их и направить в стан врага. Обезумевшие от боли, ревущие, пылающие верблюды испугали слонов, которые в панике истоптали своих же воинов.

В те грубые времена не понимали, что надо завоёвывать сердца, а не территории. К сожалению, даже в XXI веке ещё существуют «Чингиз-Хамы», пытающиеся создать новые империи, только уже не с помощью слонов и верблюдов, а танков и ракет.

Вот мы и подъехали к сердцу Самарканда — площади Регистан, что означает «песчаная». Я не буду рассказывать о её красотах, сегодня вечером вы сами убедитесь в этом, так как гостиница находится совсем рядом.

— Нам не хочется с вами прощаться. Можно пригласить вас пообедать с нами в каком-нибудь симпатичном ресторане с национальной кухней, чтобы продлить удовольствие нашего общения?

— Хорошо, оставляйте вещи в гостинице и отправимся в знаменитый «Самарканд». По дороге можем взглянуть на интересное архитектурное и дизайнерское решение парка Конфуция, выдержанного в классических китайских традициях. Лучшие мастера Поднебесной выполнили из гранита символические ворота в мир философии великого мыслителя Конфуция, а по периметру парка установили типичные беседки с черепичной кровлей.

— Мне хотелось бы пройти через эти ворота и прикоснуться к бронзовой скульптуре создателя этико-

политического учения, повлиявшего на развитие духовной и политической жизни не только Китая, но и всего мира, — предложил Филипп.

— Вы знаете…

— Знаем, мама, знаем, — вмешался проголодавшийся Александр, — что в 136 году до н.э. император, не помню, какой, провозгласил конфуцианство официальной государственной доктриной, а сам Конфуций был обожествлён. Хочу дополнить его известную фразу, и тогда вы поймёте, что для народа человеколюбие нужнее огня и воды, ибо от них погибают, но никогда ни один человек не погиб от человеколюбия и… шашлыколюбия!

— Сыночек, всё ясно, едем и едим шашлыки!

Оторвавшись от гастрономических шедевров, мы поспешили в некрополь, где сине-бирюзовые купола уже много веков держат синее небо. Такое впечатление, что мы вступили в Вечность. Покой и пряный запах трав. Сухая, прозрачная жара. Вместо туристов и паломников (ведь не сезон), вышагивают муравьи на высоких лапках. Красота и богатство декора восхищают. Эти вместилища скорби и печали покрыты росписями и сверкающей чешуёй глазированных плиток от купола до пола, который тоже выложен голубыми изразцами.

Джам вывез нас на высокий холм, откуда чётко определялся архитектурный облик Самарканда. Его минареты, порталы, возвышаясь над жилыми постройками, вырисовывали сказочный силуэт города с морем голубых куполов, тающих в синеве неба.

Потом мы отправились взглянуть на шедевр архитектуры Средней Азии — Гур-Эмир (усыпальница Амира). Нет смысла описывать этот удивительно гармоничный в своих пропорциях мавзолей, увенчанный ребристыми лазурно-бирюзовыми куполами. Его надо видеть. Богатство и разнообразие внутреннего декора завораживает:

резьба по камню и дереву, сталактиты и витражи, инкрустации драгоценными камнями и золотые росписи, от которых воздух казался золотым.

Джам рассказал нам, что строительство мавзолея началось по приказу Тимура в 1403 году для его внука, погибшего во время военного похода. Однако, безутешный дед не увидел завершенного шедевра, скончавшись зимой 1405 года в возрасте 69-ти лет. Таким образом, мавзолей стал усыпальницей для него самого и его потомков. На плите Тамерлана было высечено предупреждение: «Кто откроет мой гроб, того ждёт война». В 1941 году, накануне Великой Отечественной войны, советские археологи, нарушив запрет, потревожили сон Амира Тимура.

— Интересная легенда, — проговорил Филипп, — но, как вы понимаете, начавшаяся война — это просто случайное совпадение. В истории подобных фактов предостаточно. Возьмём пример Собора Парижской Богоматери. В 1841 году Виолле-ле-Дюк — известный архитектор и знаток средневекового искусства — руководил капитальной реставрацией Собора. Одной из статуй над порталами Храма, апостолу Фоме, скульптор придал портретное сходство с Виолле-ле-Дюком, который предупреждал, что в случае снятия скульптуры, Notre-Dame сгорит, а ответственный за восстановительные работы — погибнет. 15 апреля 2019 года весь мир, благодаря телевидению, наблюдал, как полыхал Собор Парижской Богоматери, где накануне были убраны все статуи для реставрации. Руководить восстановлением Собора был назначен генерал Jean-Louis Georgelin. В августе 2023 года во время отпуска в Пиренеях он нелепо погиб, так и не увидев конечного результата своей работы. Как видите, никакой мистики нет, просто странные совпадения.

— На Востоке мы думаем по-другому, — задумчиво ответил Джам. — Даже пишем иначе. Наш известный ис-

ториограф XV века свою хронику назвал *Море тайн в известиях о достойных*, у вас этот труд назывался бы *История Франции*.

Восток медлителен и с первым встречным не откровенен. Он ждёт, когда вы сами доберётесь до его тайны. У Самарканда сложный состав крови, настоянной на восточной пышности, персидской томности, тимурском коварстве и... социалистическом реализме. Здесь шумно, красочно, неправдоподобно. Самарканд обладает множеством секретов и легенд, но они откроются тем, кто спешит медленно. Вы наблюдали за гончарным кругом? Он, как символ времени, крутится из поколения в поколение. Вы слышали нашу тягучую музыку, останавливающую время? Остановитесь и вы, задумайтесь, посозерцайте.

Запад живёт стремительно и эгоистично. У вас разрушение есть созидание. У нас — наоборот.

— Как это? — удивилась я.

— Мама, — прервал разговор Александр, — это же понятно, как в том случае, когда капитализм — это эксплуатация человека человеком, а социализм — это наоборот.

Дружный взрыв смеха.

— Веселые вы ребята, жаль расставаться. Вы не обычные туристы, которых мы классифицируем буквой «М» — мечети, мавзолеи, музеи, медресе, минареты. Вам хочется узнать страну изнутри, заглянуть в прошлое, почувствовать вкус настоящего и предвкусить будущее.

Александр, лукаво взглянув на экскурсовода, попытался разочаровать его: «Наша семья и есть официально на букву «М» — Marchesin!»

Снова взрыв смеха.

На прощание Джам посоветовал нам посетить чайхану, посидеть со старейшинами и «набраться от них мудрости». Но, как говорят на Востоке, судьба уже предусмотрела нам встречу с семилетним мудрецом, сыном хозяев гостиницы Нур-Султаном. Его мама Дильназа, что в пере-

воде звучит как «Добрая душа», радушно встретив нас днем, в разговоре упомянула об их единственном горячо любимом сыне, который не хочет есть манную кашу.

Нур-Султан поджидал нас в уютном, нарядно декорированном внутреннем дворике гостиницы. Мои мужчины с удовольствием растянулись на широком топчане, устланном коврами. На низком столике прозрачными бусами светился свежий виноград.

— Угощайтесь, — предложил с улыбкой черноглазый бойкий мальчуган. — Давайте знакомиться. Меня зовут Нур-Султан.

— Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? — задала я ему избитый, глупостью набитый вопрос после церемонии знакомства.

Нур сумел нас удивить и обрадовать.

— Я родился, чтобы стать самим собой.

— Ты прав, друг мой. Смотри, какое сегодня голубое небо.

— Это у нас постоянно, а мне хочется наоборот чёрных, низких туч, чтобы получить из них гром и молнию. Однажды мне это удалось, ну, когда я был маленьким, — серьёзно глядя мне в глаза, произнёс мальчик.

Трудно было не рассмеяться, но мне удалось сохранить серьезность.

— На каких языках ты говоришь?

Загибая пальцы правой руки, Нур-Султан перечислял:

— Узбекский, таджикский, русский, английский, а теперь буду учить французский, чтобы приехать в Париж.

— А кто тебя научил английскому?

— Моя мама — учительница этого языка, но уже не преподает в школе. Она сказала мне, что на зарплату учителя можно купить пиалы для чая, а на чай денег уже не хватит. А дома мы говорим по-таджикски, ведь живем в таджикском квартале, вы разве не заметили?

— Нур, а как отличить таджиков от узбеков?

Он удивлённо посмотрел на меня, даже привстал на стуле.

— Тётя Люда, вы видели мою маму? Вы заметили, что её лицо светлое и с большими глазами? Она таджичка, или, как говорит папа, «персиянка». Мой отец — узбек с постоянно загоревшим лицом и прищуренными глазами, что очень удобно. Он никогда не носит солнечных очков. Он родился таким, чтобы смело смотреть в глаза солнцу.

— Мальчик мой, как просто ты объяснил сложные вещи.

— В школе меня прозвали «философом». Вы знаете кого-нибудь из них? Расскажите.

— Ну это, мой дружочек, гораздо проще, чем узбеки и таджики. Хочешь послушать историю Сенеки?

— Давайте. У меня память быстрая, я всё запоминаю. Только родителям некогда мной заниматься.

— Садись рядом и слушай, а потом я научу тебя складывать бумажные самолеты. Так вот, Сенека — римский философ, который в детстве не ел манную кашу и в 20 лет заболел туберкулёзом. Ему пришлось уехать в солнечный Египет, где он занимался в Александрийской библиотеке.

— Надо было приехать в Самарканд, так сразу бы выздоровел, — перебил меня маленький мудрец.

— Вернувшись, Сенека поступил на государственную службу в Сенат, где прославился своим умом и блестящими выступлениями. Нур, ты знаешь, что такое зависть?

— Конечно. Когда я завоевал первое место по шахматам, многие мне завидовали.

— Вот и Сенеке завидовали.

— Тётя Люда, а правда, что на каждого умного приходится по дураку?

— Если честно, я не считала. Мне кажется, что на каждого умного гораздо больше приходится дураков и завистников, из-за них Сенеку сослали на Корсику. Но жена

императора Агриппина добилась возвращения философа из ссылки и предложила ему стать наставником, по-современному — учителем её сына Нерона, у которого был жуткий характер. И опять Сенеке позавидовали, обвинив его в государственном заговоре. Умный Сенека сумел доказать свою невиновность, но это уже не спасло его. Нерон приказал философу умереть. Сенека и его верная жена покончили жизнь самоубийством.

— Зачем умирать? Надо было сказать Нерону, что он дурак. Ведь только бог может распоряжаться жизнью и смертью.

— Не горюй, мой дружок. Кто сейчас помнит Нерона? А Сенеку знает и любит весь мир. Запомни, добро всегда побеждает зло. Просто надо набраться терпения и есть манную кашу.

— Хорошо. Я знаю, что папа и мама меня очень любят, ведь я единственный сын. Они ждали меня восемь лет, пока я выбирал самых добрых родителей. Вот сейчас они строят новую гостиницу, которую назовут моим именем. С её террасы откроется вид на площадь Регистан. Вы приедете к нам?

— Будем надеяться. А может, встретимся в Париже?

— Обязательно. Верите, я приеду через несколько лет и буду говорить по-французски?

— Верю, друг мой, верю. Твоя мама сообщила нам, что в июле было настоящее пекло, как ты выносил жару?

— Мама выносила её в другую комнату, чтобы я хорошо спал.

Нур-Султан очень смешил и удивлял своей взрослостью и детскостью одновременно. С ним можно было беседовать на любые темы. Он покорил наши сердца, а мы решили покорить сердце Самарканда — площадь Регистан. Она ещё сохранила свой нрав, свою роскошь и яркость, несмотря на изменения, которые происходили в течение ве-

ков. Сейчас площадь с трех сторон украшают величественные здания: медресе Улугбека (1417–1420), медресе Шер-Дор (1619–1636), мечеть-медресе Тилля-Кари (1647–1660). В лучах заходящего солнца Регистан казалась золотым сном, восточной сказкой, где множество людей чего-то ожидали, наверное, чуда. Ещё слышалось эхо жаркого дня, но вечерний упругий ветерок освежал собравшихся зрителей. Вдруг стены древнего медресе ожили, осветились разноцветьем, зазвучала музыка, и начался рассказ (лазерное шоу) об истории Самарканда от древности до настоящего времени. Мелодии востока захватили публику: многие хлопали в ладоши, танцевали, подпевали. Одна красавица так лихо вошла в ритм танца, что закон земного притяжения оказался бессилен перед ее виртуозностью.

— Это внучка моя, — с гордостью произнесла пожилая женщина, заметив, с каким восхищением мы наблюдаем за девушкой.

— Она профессиональная танцовщица? — спросила я.

— Ещё хуже. Физик. Работает в институте низких температур за границей. Так я ей и говорю — приезжай в Узбекистан летом в высокие температуры, чтобы согреться.

Словоохотливая бабушка готова была рассказать нам много интересного, но внучка уже подошла к нам.

— Сара, — представилась танцовщица-физик.

«Это не узбекское имя», — пронеслось у меня в голове. Её огромные чёрные глаза и пышные кудрявые волосы совсем не вписывались в объяснения Нур-Султана про узбеков и таджиков.

— Вы родились в Самарканде? — поинтересовался Филипп.

— К сожалению. Мой прадедушка — Абрам Каланга-ров. Надеюсь, вы видели его дворец? Сейчас там находится краеведческий музей.

— Ещё не успели, Сарочка. Расскажите эту историю, пожалуйста, — попросила я.

— Вам действительно интересно?

— Очень. Мы всегда стремимся услышать рассказы, о которых не пишут в путеводителях.

— Мой прадедушка, услышав, что русский царь Николай II собирается посетить Самарканд в год 300-летия династии Романовых, решил построить для него дворец. Но не просто здание, а с намёком. Стиль был определён: европейский снаружи и восточный внутри. В этом действительность и вся сущность Средней Азии. Строил дворец итальянский архитектор, а внутренние отделки осуществили таджикские зодчие. Однако, царь так и не приехал. Прадедушка с семьёй жили во дворце недолго, лишь до 1920 года. Надеюсь, причины понятны всем. Когда освободилась должность директора музея, я была уверена, что моя кандидатура будет утверждена. Но увы...

— Простите, — прервал молчание Александр, — в Самарканде можно посетить синагогу?

— Посетить можно (синагога Гумбаз), только некому, еврейская община города немногочисленна, большинство эмигрировало в 70-е — 80-е годы XX века. Грустно покидать родные места, где веками гармонично сосуществовали культура и традиции различных народов, где не было погромов. Но социалистический реализм-антисемитизм вынудил их уехать. В Самарканде осталось только несколько семей, считающих своим долгом ухаживать за могилами, посещать синагогу, отмечать еврейские праздники, чтобы сохранить память предков. Кстати, еврейское кладбище так ухожено и красиво, что хочется остаться там навсегда.

— Я не могу, мне в Бахрейн на службу срочно надо, — Александр постарался лейкопластырем юмора залечить боль Сары. Она впервые улыбнулась.

— Ну, если не желаете попасть на кладбище, то я вам покажу единственное захоронение, находящееся прямо здесь, на площади Регистан, — могилу мясника, который на протяжении 17 лет снабжал бесплатно едой строителей вот этой красоты.

Сара изящным жестом указала на портал медресе, украшенный мозаичным панно, символизирующим небосвод с десятигранными звездами.

— Добрый мясник, — проговорила бабушка Сары, — ты заслужил, чтобы покоиться здесь. Жаль, что мы не знаем твоего имени, а ведь твой поступок более славен, чем все военные победы Тимура.

— Мясники всех стран, соединяйтесь! — дополнил Давид несколько пафосную речь бабушки.

Взрыв смеха привлёк внимание нескольких подростков, пожелавших сфотографироваться с нашими сыновьями. Нам показалось это очень странным, но Сара объяснила, что в Узбекистане мужчины плотно сбитые и низкорослые, поэтому запечатлеть себя с такими гигантами под два метра ростом — большая честь.

На следующий день мы уже не удивлялись, когда взрослые и дети подходили к нам с аналогичной просьбой, а хозяин гостиницы сообщил, что самаркандцы прозвали Давида и Александра «ДВА МИНАРЕТА». В этот сияющий день мы не предусмотрели никаких экскурсий, просто решили окунуться в Самарканд — место неожиданных домов и архитектурных сюрпризов. Этот город упоителен каждой мелочью. Голубая лазурь древней плитки под ладонью руки — ощущение незабываемое. Прошлое всегда помогает будущему. Из трёхстворчатой арки, украшенной мозаикой в сине-голубых тонах, неслась песня: «Самарканд — страна волшебная, как я тебя люблю...» Мы шагнули внутрь и оказались на базаре. Ат-

мосфера восточной сказки с мобильным телефоном. Сиаб — нескончаемый рынок. Цветной, радушный, вкусный. Торговцы расхваливают свой товар на разных языках, но первостепенным является язык гостеприимства. Здесь не только предлагают всё пробовать, но настаивают на этом. Ну и, конечно, главная тонкость восточного базара — обряд торга. Это — искусство, это — театр со множеством сценариев.

* * *

Бухара — драгоценная шкатулка Востока. Небольшое расстояние отделяет её от сказочного Самарканда — 270 км. Население Бухары — 280 тысяч жителей, т.е. в два раза меньше, чем самаркандцев. Главные площади в этих городах называются одинаково — Регистан. У этих городов одно дыхание на двоих. Но они не повторяют, а дополняют друг друга.

Бухара — один из немногих городов мира, который, начиная с V века до н.э., рос и развивался на одном и том же месте. В конце IX века Бухара превратилась в крупный культурный и культовый центр мусульманского мира: её называли «куполом ислама», хотя издревле она была средоточием множества религий и верований. Если иногда возникали ссоры, всегда говорили: «Живите мирно, как бухарские евреи с мусульманами». Эта пословица натолкнула нас на посещение живописного еврейского квартала, в центре которого находилась школа и старинная синагога. В густой тени чинар за столиком восседал дедушка в шелковом халате и тюбетейке. Его безграничное радушие создавало впечатление, что он заждался нас и что мы здесь не приезжие, а свои люди. Угостив нас чаем, похвастался шёлковым халатом, рассказав (кто бы мог подумать!), что раньше дискриминация евреев заключалась в запрете носить шелка.

Нас эта новость развеселила, зная, что в Российской империи и Советском Союзе рабочие и колхозники даже не мечтали о шелковых одеждах.

— А почему вы носите вместо кипы тюбетейку? — полюбопытствовал Александр.

— Климат жаркий. Невозможно собрать все мозги в кипу, а тюбетейка и красивая, и удобная. Да и какая разница? Вы, наверное, не знаете, что раньше бухарские евреи молились в мечетях, и только в 1620 году была построена первая синагога.

— Дедушка, а вам уже исполнилось 100 лет? — спросил Давид.

— Может быть больше, кто знает. Я помню еще, как после революции красноармейцы грузили золото и драгоценности бухарского эмира, несколько вагонов награбили. Куда это всё исчезло?

— Как вас зовут? — спросила я.

— Моё имя известное, Иов, по-местному — Аноб. Вы видели мавзолей со странным коническим куполом?

— Да, мы обратили внимание, в нём есть какая-то отрешённая созерцательность, которая соответствует убеждению, что мусульмане не умирают, а лишь переходят из одних дверей, чтобы войти в другие.

— Правильно говорят. Так вот, раньше на месте мавзолея были песчаные дюны пустыни. Жители страдали от недостатка воды и молились Богу. В ответ на молитвы появился святой Иов, который ударом посоха о землю сотворил чудо: заструился источник живительной воды. Считается, что до сегодняшнего дня вода сохранила свои целебные свойства.

— Спасибо за интересный рассказ. Теперь нам стало понятно, почему в мавзолее открыли музей ВОДЫ.

— Без воды не было бы чая, а без шёлка — Великого Пути.

— Мы знаем, — ответили мальчики. — Это крупнейший в истории человечества трансконтинентальный торговый путь.

— Вы слишком малы, чтобы всё знать. Ведь раньше (его любимое словечко) шёлк был самой надёжной валютой, вытесняя из обращения даже золото. К примеру, цена коня приравнивалась к стоимости десяти отрезов шёлка. Им также платили за выполненную работу. Шёлком можно было откупиться от наказания за преступление. В конце концов, натуральный шёлк приятно носить, и не только евреям.

С жалостью взглянув на наши хлопчатобумажные одежды, он поднялся с вышитых золотом подушек и гордо прошелся с прямой спиной перед нами, демонстрируя свой ярко-сочный шёлковый халат. Его шествие мы нарекли «Великий шёлковый путь Иовы».

Впервые главную магистраль цивилизации назвал Великим Шёлковым путём венецианский купец Марко Поло, первым из европейцев достигший пределов китайской империи. Бухара была этапом этого Пути, протяжённостью в несколько веков. До сих пор сохранилось множество памятников жизни этой эпохи, поэтому в 1991 году город Бухара был внесён в список мирового наследия ЮНЕСКО, а в 1997 году — отметил свой 2500-летний юбилей. Бухара — город, который замер во времени. Здесь, как и в Париже, эмблематичные архитектурные «маяки», не дающие возможности заблудиться. Если Эйфелева башня является символом, или, как говорят французы, «гвоздём», на котором «висит Париж», то минарет Калян (что значит Великий) — главный символ священной Бухары. Мощный, вертикальный, конический

Колян, сложенный из жжёного кирпича, виден с любой точки города. Одна из легенд гласит, что, когда Чингисхан, разгромив защитников города, вошёл в Бухару, он так засмотрелся на минарет, что с его головы упал шлем. Ему пришлось наклониться, чтобы поднять его. «Я никогда, никому не кланялся, — сказал Чингисхан, — но это строение настолько грандиозно, что оно заслуживает поклона». Благодаря этому поклону, истолкованному, как добрый знак, жестокий победитель Чингисхан не разрушил красавицу-Бухару.

Для нас минарет — главный ориентир в прогулках по городу. Случайно наша гостиница оказалась рядом с ним. Без Каляна мы бы заблудились в узеньких улочках жилых-живых кварталов, где традиционная архитектура домов с толстыми, высокими стенами без окон на улицу предохраняет жильцов от шума, зноя и холода. Все окна и балконы выходят во внутренний зелёный дворик, часто с фонтанчиками или водоёмами, охлаждающими солнечные щедроты. «Солнце есть солнце, и мы рады его есть», — говорят узбеки, изготовляя лепёшки: пресные и сдобные, плоские и пышные, хрустящие и мягкие, круглые и горячие, как солнце.

Неповторимый восточный колорит вдохновляет нас ходить по Бухаре часами. Она наполнена поэтической таинственностью. Неизвестно откуда доносятся лёгкие звуки тар — изящного музыкального инструмента, выполненного из тутового дерева украшенного перламутром. Жаркая лазурь неба не пугают нас. Чинары, изъеденные временем многих веков, щедро бросают прохладную тень. Постукивают ремесленники, которые в нашем присутствии куют вечность, т.е. вечные титановые ножи. Медитации гончарного круга напомнили строки Омара Хайяма:

Мы из глины, — сказали мне губы кувшина —
но в нас билась кровь цветом ярче рубина.
Твой черёд впереди. Участь смертных едина —
всё, что живо сейчас — завтра пепел и глина.

Ошибся Хайям, он продолжает жить, и не только в Бухаре, где он нежился в лучах славы и успеха, где он до безумия влюбился. Его первая любовь — запретная, опасная. Тринадцатилетняя принцесса Туркан была предназначена в жёны бухарскому правителю. Обратимся к «Истории Омара Хайяма, рассказанной им самим»: *Забегая вперёд, скажу, что прожил долгую жизнь и повидал много женских глаз, но прекраснейшими во всём мире для меня остаются глаза принцессы Туркан. Чувствую, что меня увлекает к ней такая сила, которой я не могу противиться.*

Омар Хайям романтично описывает сцены любви с принцессой на зелёной траве, у прохладной воды, в окружении диких роз. Но вернёмся к его записям.

Все мысли мои были в те дни о Туркан, и я почти перестал читать. Но ко мне откуда-то свыше пришли стихи. Слова мои о любимой сами складывались в песни помимо моей воли.

Вином и розами у бегущей воды
Я буду наслаждаться с луноликой.
Пока я жив, и пока я буду жив,
Я пью и буду пить вино любви.

Главное лето моей жизни закончилось, и, когда по утрам зелёная трава стала покрываться плотным слоем белого инея, мы возвратились в Бухару.

Омар Хайям, прожив 83 года, ни разу не был женат, оставшись официально бездетным. Но при его обильной,

неиссякаемой любви в это трудно поверить. Вероятно, дети у Хайяма были, а скрывать отцовство приходилось из-за гонений за вольнодумство. Омар Хайям элегантно сумел изобразить ситуацию: «надели уздечку на язык».

Воспоминание о Хайяме подтолкнуло нас на посещение мавзолея саманидов (начало X в.), которым восхищался философ за совершенство его геометрических форм — кирпичный куб, перекрытый полусферическим куполом. Эти выразительные формы имеют истолкование: куб — символ устойчивости, символ Земли, купол — подобие небосвода: их соединение — символ единства Вселенной. В зависимости от освещения внешний облик мавзолея меняется, благодаря искусно выполненной декоративной кирпичной кладке из чередующихся столбиков горизонтально положенного кирпича и вертикальных вставок, создающих ажурный, орнаментальный мотив плетёнки. Кирпичные кольца, выложенные в цепочку, опоясывают фриз мавзолея, словно ожерелье. В блаженном изнеможении сумерек он выглядел удивительно лёгким, торжественным, дивно-медовым. Может быть, здесь Омар Хайям написал вечные строки:

> Кто понял жизнь, тот больше не спешит,
> Смакует каждый миг и наблюдает…

Нарушив мудрейший совет, мы поторопились, чтобы успеть до наступления ночи поприветствовать Ходжу Насреддина. Сидя на ишаке, лукавый весельчак — «возмутитель спокойствия» — с чёрной бородой на бронзовом лице, прижав руку к сердцу, казалось, поджидал нас, готовый рассказать смешную историю или анекдот.

— Мальчики, вы помните его благородную хитрость и находчивость, острые шутки и весёлые проказы?

— Мне запомнилась одна из них, которая, возможно, пригодится в дальнейшей жизни, — улыбнулся Александр. — Насреддин принёс маленький кусок мяса и спросил жену, что из него можно приготовить. Она ответила: «Всё, что угодно». Тогда хитрец сказал ей: «Приготовь всё!»

Внезапно наступившая ночь, скрыла наши улыбки. Утомлённые древние улицы затихли, а купола вознеслись ввысь, касаясь звёзд. Город «большого величия», как назвал Бухару Марко Поло, спал.

* * *

За окном поезда пустыня Кызыл-Кум. Бескрайние барханы. Тёмный песок. От Бухары до оазиса жизни Хивы — 450 км. Есть время для отдыха тела, парения души и беседы.

— Мальчики, что вас поразило в Бухаре, кроме её красоты?

— Забавно было узнать, что раньше муллы в мечетях Бухары выбирались народом на основе конкурса проповедей, где каждый кандидат соревновался в ораторском мастерстве и знаниях. Неплохо бы возродить эту бухарскую традицию и не только в мечетях, — заметил Давид, — а ещё запомнилось средневековое изречение, которое мы прочитали в медресе: «Стремление к знанию является обязанностью каждого мусульманина и каждой мусульманки».

— Вот тебе и средние века, а как современно звучит. Всё-таки путешествия продлевают не только жизнь, но и тренируют интеллект. Меня в Бухаре поразили гнёзда аистов…

— Какие гнёзда, — прервал Александра молодой человек, сидящий напротив, — это же муляжи! Аисты перестали прилетать в Бухару с 1980 года. Силуэты птиц со-

хранили только знаменитые бухарские ножницы. Мы преступно вторглись в совершенство природы. Если Иисус Христос превращал воду в вино, то Советский Союз сумел превратить пресноводное Аральское море в пустыню, с кладбищем ржавых кораблей. Это самая масштабная экологическая катастрофа нашего времени. Исчезла рыба, птицы; флора и фауна стали убогими. Надо спасать природу, а не любоваться минаретами с узорчатыми изразцовыми шапками.

В его зажигательно-темпераментной речи чувствовалось, что за плечами у парня не только рюкзак, а отличное образование и культура.

— Какой же выход? — живо поинтересовался Александр. В нём пробудилась профессиональная любознательность стратега зелёных финансов.

— Кустарник саксаул. Посмотрите в окно, вот он — сопротивленец пустыни. Его мощная корневая система позволяет достать влагу с глубины пятнадцати метров, а чешуйчатые прозрачные листья, наполненные водой — это и есть питьё и корм всем животным пустыни. Спасительная тень саксаула даёт жизнь другим растениям. Так в пустыне появляется жизнь. С моими единомышленниками стараемся производить посадку саксаула на дне бывшего Аральского моря, что постепенно возрождает флору и фауну.

Теперь совсем другими глазами смотрим мы в окно поезда, отыскивая заросли саксаула среди тёмных песков пустыни.

* * *

Хива была одним из городов древнего Хорезма, который представлял собой крупное государство, расположенное на западе Центральной Азии. Легенда об основании города повествует, что он вырос вокруг колодца Хейвак, что

означает «вкусная вода». Этот колодец можно увидеть и сегодня в старом квартале Хивы, Ичан-Кала. Когда статус столицы окончательно был закреплён за Хивой при Абульгази-хане (1643–1663), город имел уже 20-вековую историю. В русских письменных источниках государство часто называлось Хивинским ханством, однако в официальных документах и на монетах продолжало именоваться Хорезмом. В 1763 году к власти пришёл представитель узбекского рода Мухаммед Амин (1760–1790), занявшийся реконструкцией и украшением Хивы. Его сын Мухаммед Рахам-хан II продолжил работы по благоустройству, стремясь новыми постройками не нарушить гармонию древнего города. Это был просвещенный монарх, известный поэт и композитор. При его дворе музыкой и поэзией занимались десятки интеллектуалов, которые одновременно являлись переводчиками, историками, советниками. Все писали на староузбекском языке и подражали творчеству Навои (1441–1501). Почти каждый из поэтов создавал свой поэтический diwan (сборник), чтобы разделить с другими радость эстетического наслаждения. Это время можно назвать «золотым веком» Хивы, когда вся власть принадлежала поэтам.

Небольшая историческая справка, зачитанная Филиппом, вызвала удивление сыновей.

— Мы часто забываем, что Восток был прогрессивнее и культурнее Запада. У меня даже появилось желание устроиться на диване, чтобы творить свой diwan, — пошутил Александр.

— Мальчики, может, хватит смеяться, и начнём открывать Хиву? На таксистов не рассчитывайте, мы живём в историческом квартале, где автомобилям въезд воспрещён. Так что пешком, Хиве навстречу!

В первую очередь нам хотелось посетить уникальную мечеть Джума. Если в Бухаре главным «маяком» высился минарет Калян — Великий, то в уютной Хиве

(100 тысяч жителей), нам приглянулся недостроенный минарет Кальта-Минор (Кальта-Короткий). Его массивный ствол, изыскано украшенный широкими и узкими поясами глазированного кирпича, свидетельствовал о грандиозных замыслах величественного сооружения, наверное, предполагаемого стать главной вертикалью города. Но даже недостроенный, он служил нам верным ориентиром. Подойдя к мечети Джума, мы увидели, что на входной двери сохранилась датировка строительства — 1778–1782 годы. Но красоту мечети придавали 210 колонн X–XV веков, не похожих друг на друга. Каждая была уникальной, и можно было часами блуждать среди них, погружаясь в разные века и стили.

Издали, увидев многочисленную толпу, мы полюбопытствовали, в чём дело. Страж порядка, услышав французскую речь, щедро улыбнулся, открыв проход, проговорил: «Добро пожаловать на праздник дыни!» Мы переглянулись в недоумении, увидев надпись: «Вход по пригласительным билетам». Тогда полицейский объяснил, что иностранцев это не касается, потому что Узбекистан заинтересован в туризме. Напоследок, по-свойски подмигнув, добавил: «Fraternité! Хива и Версаль — города-побратимы, так что мы — родственники!»

В приподнятом настроении мы вошли на выставку достижений, где мощный запах дынь кружил голову. Они были везде: в фонтанах и вместо фонтанов, в скульптурах и павильонах, совершенно невероятных размеров, окрасок и форм. Пустая сцена с огромным экраном скучала в ожидании захода солнца. Бригада рабочих драпировала расставленные полукругом стулья. Рулон шёлка раскрылся, как небо, синевой, струился, переливался в руках узбека то лазурью, то аквамарином, а он, играя ножницами, отрезал нужные, нежные лоскуты.

— Красиво, — засмотрелся Давид, — может быть, взять несколько километров для мрачного неба Парижа?

Мы вошли в прохладу павильона, как будто вбежали в детство, увидев вырезанных из дынь и арбузов разных чебурашек, бригантину с алыми арбузными парусами и даже знакомый нам автомобиль «шевроле».

Филипп, не говорящий по-русски, привлёк внимание журналистов. Узнав, что он профессор Сорбонны, нас как дорогих гостей усадили за праздничный стол, напоив ароматным нектаром дынь, угостили ими в самых различных вариантах: вяленые, сушёные, свежие, мочёные и т.д. Надегустировавшись всласть, мы стали беспричинно весёлыми, впрочем, как и вся публика, нарядно одетая, смеющаяся. С наступлением темноты начался грандиозный концерт, и мы сидели на небесных шёлковых стульях, оригинальным образом продолжая наше путешествие по великому шёлковому пути.

В последний день пребывания в ласковой Хиве наше внимание привлёк необычный художник, что-то творящий на солнечном беспределе центральной площади. Для создания рельефного цвета картины он использовал кусочки цветной керамики, полудрагоценные камни и треугольники зеркал, отражающих внешний мир. Яркое цветовое решение картины казалось аппетитным праздником жизни.

— Нам нравится ваши поиски новых форм выражения. Вы — замечательный новатор, — обратилась я к нему с комплиментами.

— Ерунда. Товар для туристов. Хотите увидеть настоящие шедевры?

— Конечно!

— Поезжайте в степной Лувр, так мы называем музей Игоря Витальевича Савицкого, спасшего от уничтожения неопримитивистов, кубистов, конструктивистов — короче, «смак» русского авангарда — 15 тысяч полотен. Это фестиваль цвета и формы 30-х годов. А сам

Савицкий (1915–1984) — герой, талантливый художник, пожертвовавший своим искусством ради сохранения других. Вы знаете его?

— Савицкий почти мой земляк, — ответила я — киевский аристократ, этнолог, археолог, коллекционер, меценат, заслуживающий лавров, но я не знала, что он создатель Лувра на краю света.

— Почему же на краю? Всего 130 километров от Хивы, в столице Каракалпакии — Нукусе.

— Как жаль, что сегодня мы разлетаемся в разные стороны: Париж и Бахрейн, так и не успев заглянуть в прошлое авангардного искусства.

Художник ничего не ответил, только возвышенно и скорбно посмотрел на нас. Мы откланялись и побрели в гостиницу за чемоданами.

— Мама, не расстраивайся, — успокаивали меня сыновья, — мы обязательно вернёмся в Узбекистан, подаривший нам замечательных друзей. Ты помнишь, как говорил Джам: «Уходящему — поклон, остающемуся — братство», а как тебя веселили мудрости Нур-Султана: «Старожилы — это люди, у которых старые жилы, а пенсионеры — люди, которым надоело работать, но не надоело жить».

Ну, как не улыбнуться, вспомнив все наши приключения? Утешением мне всегда служат строки Булата Окуджавы: «Весь мир устроен из ограничений, чтобы от счастья не сойти с ума».

Небо отразилось и задумалось в моём стакане воды. Весь в солнце и мечтах красовался минарет Кальта-Минор. Но кто же ценит бесплатную красоту? Даже никто не замер на мгновение. Окинув взглядом Хиву в солнечном изнеможении, мы в последний раз вдохнули нектарный аромат млеющих на жаре дынь. Нестерпимая синева неба. Его прощальный горячий поцелуй.

ЭССЕ

Елена АРКАТОВА

Елена Аркатова родилась и живёт в городе Орле. Заведующая музеем И.А. Бунина. Автор многих статей о жизни и творчестве писателя и его современников, опубликованных в местных и московских изданиях. Соавтор фотоальбома «В мире круга земного. И. А. Бунин в портретах и фотографиях», вышедшего к 150-летию со дня рождения писателя. Увлекается восточными философиями, старается соответствовать одной древней мудрости: «Пойти по дороге любви и стать самой любовью!»

А. П. ЧЕХОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ИЗОБРАЖЕНИИ И. А. БУНИНА И Б. К. ЗАЙЦЕВА

(К 155-летию со дня рождения И.А. Бунина и 165-летию со дня рождения А.П. Чехова)

Чехов. Зайцев. Бунин. Их творчество известно всему миру. Три имени, три писателя, три судьбы. Их многое сближало как в жизни, так и в творчестве. Литературоведы часто говорят о влиянии писателей друг на друга. Но, скорее, надо говорить о родстве душ, о родстве мировосприятия.

И. А. Бунин оставил воспоминания о многих своих современниках. Но с особой любовью он написал о двух: о Л. Н. Толстом и А. П. Чехове. О Чехове писали и пишут

многие, но всегда интересны воспоминания людей, которые лично знали писателя. Книга И. А. Бунина «О Чехове» вызывает неизменный интерес читателей. То же самое можно сказать о романе — биографии Б. К. Зайцева «Чехов».

Как И. А. Бунин и Б. К. Зайцев относились к А. П. Чехову, что он значил для них? Каждый шел к «своему Чехову» долго, по крупицам собирая материал для книги. Каждый видел то, что близко и понятно ему самому.

Мысль написать о Чехове появилась у Б. К. Зайцева почти сразу после смерти Антона Павловича. Но статью он смог опубликовать лишь в 1914 году в газете «Речь» под названием «Смерть Чехова». В 1939 году в Париже вышла книга воспоминаний Б. К. Зайцева «Москва». Начинается этот сборник с рассказа «Памяти Чехова». За свою жизнь Б. К. Зайцев написал о Чехове около полутора десятков статей, очерков, заметок.

И. А. Бунин также неоднократно писал об А. П. Чехове. В 1904 году, после смерти Антона Павловича, издательство товарищества «Знание» стало готовить сборник воспоминаний о Чехове. По просьбе М. Горького И. А. Бунин писал очерк для этого сборника «Памяти Чехова». Позже эти воспоминания были дополнены и опубликованы в газете «Русское слово» (1914, № 151, 2 июля) под названием «О Чехове: Из записной книжки». В своем шеститомном собрании сочинений (Петроград, 1915) И. А. Бунин объединил оба очерка. Для десятого тома собраний сочинений (Берлин, Петрополис, 1935) Иван Алексеевич переработал и объединил очерки, назвав свои мемуары «Чехов».

К 50-летию со дня смерти Антона Павловича Бунин задумал написать книгу о Чехове, но закончить ее не успел. Рукопись была подготовлена к печати женой Бунина В. Н. Муромцевой-Буниной и вышла в свет в Нью-Йорке в 1955 году. С чего начинается знакомство с писателем? Конечно, с его произведений.

Б. К. Зайцев вспоминал: «…впервые в руках новая книжка: Антон Чехов “Хмурые люди”. Оторваться нельзя. Всё особенное. Люди, манера, язык…». Было тогда Борису Константиновичу 17 лет.

Приблизительно в том же возрасте произошло первое «знакомство» Бунина с Чеховым: «… я эту книгу [“Пестрые рассказы”] прочёл в поезде, не отрываясь, купив ее в Ельце, на вокзале в шестнадцать лет, и пришел в восторг». Личное знакомство писателей состоялось в Москве 12 декабря 1895 года, ближе они познакомились в апреле 1899 года, когда случайно встретились в Ялте на набережной. Бунин быстро стал «своим» в семье Чехова. «У Чехова я как родной», — писал Бунин своему старшему брату Юлию.

О том, что значил Чехов для Бунина, можно говорить много. Собственно, наиболее полно об этом уже сказано самим Буниным в его книге. «У меня ни с кем из писателей не было таких отношений, как с Чеховым. За все время ни разу ни малейшей неприязни. Он был неизменно со мной сдержанно нежен, приветлив, заботился как старший, — я почти на 11 лет моложе его, — но в то же время никогда не давал чувствовать своё превосходство и всегда любил моё общество…».

Книга Бунина — это книга воспоминаний. Иван Алексеевич включил в неё как свои воспоминания, так и воспоминания современников Антона Павловича. Тесное общение Бунина и Чехова давало автору такое право.

Зайцев виделся с Чеховым всего несколько раз, но эти встречи произвели на него неизгладимое впечатление. Первый раз Борис Константинович, тогда еще гимназист, посетил Чехова в Москве. Второй — в Ялте. Это были встречи учителя и ученика. Последний раз они виделись в 1903 году, когда Чехов был уже тяжело болен. Провожал Зайцев Антона Павловича и в последний путь.

Итак, литературная биография Чехова. Все мы читали и перечитывали произведения Антона Павловича. Но тот

Чехов, который раскрылся Зайцеву и которого он описал, мало кому знаком. Чувствуется, что Чехов близок автору внутренне. Это придает книге особую ценность. Зайцев основное внимание уделяет внутреннему миру Чехова, показывая его писательский и духовный рост.

С первых страниц книги показано, как формировалось мировоззрение маленького мальчика: «Чехов Антон с ранних лет видел жизнь такой, как она есть: оранжереи не было. Видел пеструю смесь ничтожного и смешного, насильнического и серьезного. <…> С ранних лет зрелище неправды, грубости и насилия ранило — так прошло и через всю жизнь».

И вот уже окончен университет, получено медицинское образование. И перед нами — сложившийся человек с сильным характером и удивительным внутренним миром. Не каждый в 17 лет мог написать такое письмо младшему брату: «Зачем ты величаешь свою особу “незаметным братишкой”? Ничтожество своё сознаёшь? Ничтожество своё сознавай, знаешь где? Перед Богом; пожалуй, пред умом, красотой, природой, но не перед людьми. Среди людей нужно сознавать своё достоинство».

Это письмо приводит в своих воспоминаниях и И.А.Бунин. Если книга Б.К. Зайцева — плавное художественно — биографическое повествование, то у И. А. Бунина — отдельные воспоминания, выстроенные, скорее, по темам, чем по хронологии. Но эти небольшие зарисовки из жизни Чехова очень ёмки по содержанию.

И. А. Бунин вспоминал: «Я вижу Чехова чаще бодрым и улыбающимся, чем хмурым, раздраженным, несмотря на то, что я знавал его в течение четырех лет наших близких отношений в плохие периоды его болезни. Там, где находился больной Чехов, царили шутка, смех и даже шалость».

Как И. А. Бунин, так и Б. К. Зайцев приходят к одному выводу: Чехов очень много работал над собой, своим характером. Он умел управлять своими слабостями, поэтому они у него приобретали характер достоинств. Он постоянно одерживал самую трудную из побед — победу над самим собой, над несовершенством своей натуры.

Бунин всегда восхищался Чеховым, считая его и Толстого замечательными русскими писателями второй половины XIX — начала XX веков.

Говоря о писателе, о его творчестве, нельзя обойтись без упоминания о его личной жизни, о любви к женщине. Всем известен роман Антона Павловича с Ликой Мизиновой, которая стала прототипом Нины Заречной в пьесе Чехова «Чайка». И. А. Бунин и Б. К. Зайцев с большим интересом пишут об О. Л. Книппер — жене писателя. Но большой загадкой в жизни Чехова до сих пор остаются его отношения с Лидией Алексеевной Авиловой, написавшей интереснейшие воспоминания об Антоне Павловиче.

Здесь мнения Бунина и Зайцева расходятся. Борис Константинович пишет: «О “романе” с Авиловой судить трудно потому, что мы знаем о нем только с её слов. Не сомневаюсь, что было довольно много дам, считавших, что Чехов к ним неравнодушен».

Зайцев напрочь отвергает возможность «романа» Авиловой и Чехова. Почему он так думал? В одной из бесед с американским профессором, литературоведом С. П. Крыжицким в июне 1971 года на вопрос «Как Вы смотрите на Ваши романизированные биографии о Жуковском, Тургеневе, Чехове?» Борис Константинович Зайцев отвечал: «Я их считаю второстепенными, потому что много там есть все же пересказа, много вычитанного из книг, а не взято из плоти и крови своей».

Мнение о том, что Чехов просто помогал Авиловой в ее литературных писаниях, довольно распространенное.

В это верили многие, кроме… Бунина. Ведь Иван Алексеевич и его жена Вера Николаевна лично хорошо знали Авилову на протяжении многих лет. Последним толчком для написания книги о Чехове Бунину послужили именно воспоминания Лидии Авиловой.

Вот как написал об этом сам Иван Алексеевич: «Сегодня Зуров принес мне книгу “Чехов в моей жизни” Авиловой, я ничего лучше не читал из женских воспоминаний, — необыкновенно талантливо, живо написано, с внутренней правдивостью, с исключительной деликатностью. Я очень заинтересовался, так как Лидию Алексеевну я знал еще в молодые годы, а в эмиграции мы даже переписывались, но я никогда не слыхал о ее отношениях с Чеховым».

Прочитав с изумлением эти воспоминания, Иван Алексеевич твердо решил «дописать» о Чехове и написать о Лидии Авиловой, которую всегда чрезвычайно ценил.

В письме к Алданову от 15 июля 1953 года Бунин писал: «Что до книги о Чехове, то я думаю, что она должна выйти летом 1954 года к пятидесятилетию со дня смерти Чехова. Эту книгу мы с В. Н. <Вера Николаевна Муромцева-Бунина> надеемся скоро сделать; эта книга может быть замечательна прежде всего потому, что в жизни Чехова была большая и, думаю, единственно большая любовь к Авиловой, которую я знал еще тогда, когда она была очень молода и красива, но была уже замужем и имела троих детей, и поэтому никак не могла соединить свою жизнь с жизнью Чехова, которого тоже бесконечно любила. Мы знали ее и тогда, когда она с мужем переехала в Москву с 15-го года; она пережила большевизм в страшной нужде, была за границей у больной дочери. Я старался ей помочь всячески. У нас есть целый пук ее писем, чрезвычайно замечательных; одним словом, такая книж-

ка для Издательства имени Чехова была бы настоящий клад». По словам Веры Николаевны, в книге о Чехове Бунин хотел многое соединить из того, что он когда-либо писал об Антоне Павловиче, с тем, что после прочтения изумительных воспоминаний Авиловой открылось ему. Захотелось ответить и критикам. В VII главу первой книги вошли отрывки из воспоминаний Авиловой и ее письма к Буниным. Вот некоторые цитаты из книги:

«Воспоминания Авиловой, написанные с большим блеском, волнением, редкой талантливостью и необыкновенным тактом, были для меня открытием <…>».

«А ведь до сих пор многие думают, что Чехов никогда не испытал большого чувства. Так думал когда-то и я. Теперь же я твердо скажу: испытал! Испытал к Лидии Алексеевне Авиловой».

«Чувствую, что некоторые спросят: а можно ли всецело верить ее воспоминаниям? Лидия Алексеевна была необыкновенно правдива. Она не скрыла даже тех отрицательных замечаний, которые делал Чехов по поводу ее писаний, как и замечаний о ней самой. Редкая женщина!».

«Одиночество его было велико. Он знал все о своей болезни, любил Авилову, боялся за нее, любя, оберегал ее, не хотел разрушать семью, зная какая она мать».

Еще в 1917 году И. А. Бунин, будучи в селе Глотово Орловской губернии, говорил своему племяннику Н.А. Пушешникову о Л. А. Авиловой: «Она принадлежит к той породе людей, к которой относятся Тургеневы, Чеховы. Я говорю не о талантах, — конечно, она не отдала писательству своей жизни, она не сумела завязать тот крепкий узел, какой необходим писателю, она не сумела претерпеть все муки, связанные с литературным искусством, но в ней есть та сложная таинственная жизнь. Она как переполненная чаша». В другой записи, сделанной в том же году,

есть следующие строки об Авиловой: «Она обладает таким тактом, таким неуловимым чутьем, каким не обладает ни один из моих товарищей по перу».

Лучше об этой женщине, наверное, и не скажешь. И. А. Бунин все понял и все объяснил. А что было на самом деле мы теперь, скорее всего, уже не узнаем. И надо ли искать здесь правду?

Книги И. А. Бунина и Б. К. Зайцева об А. П. Чехове написаны с большой любовью и уважением к Антону Павловичу и его творчеству. Этой любовью они заражают читателя. Именно в этом и заключается ценность этих богатых фактами и художественно написанных произведений.

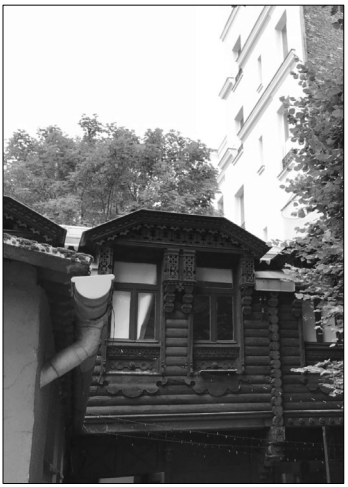
Елена ЛЕНЁВА

РУССКИЕ ИЗБЫ В ПАРИЖЕ. ОТКУДА ОНИ ВЗЯЛИСЬ В ЕВРОПЕЙСКОЙ СТОЛИЦЕ?

Знаете ли вы, что в одном из самых престижных районов Парижа, а точнее, в шестнадцатом округе, разместилось настоящее старинное русское подворье?

Не верите?

Тогда посмотрите на два фото:



Это русские избы, не так ли? И если бы не название статьи, думаю, вы никогда не догадались бы, что эти избы находятся в Париже! Избы спрятаны от посторонних глаз, а территория, где они находятся, ограждена металлическим забором.

Но для нас, путешественниц и в хорошем смысле авантюристок, удалось пройти сквозь все ограждения и

заборы! (Если серьезно, то нам просто повезло: в тот момент с закрытой территории выезжала машина, и мы с подругой Ириной, русским гидом в Париже, проскочили в открытые ворота.)

Итак, откуда же здесь взялись русские избы?

На самом деле никакого секрета нет. Избы остались в Париже как память о первом участии Царской России во Всемирной выставке 1867 года, проходившей на Марсовом Поле с 1 апреля по 3 ноября. Надо отметить, что Париж был основным и наиболее известным местом проведения международных выставок, задуманных как интернациональные конкурсы-демонстрации новейших достижений промышленности, науки, техники, культуры и искусства с 1855 года, с Первой Всемирной выставки трудов промышленности, сельского хозяйства и изящных искусств и вплоть до конца 1930-х годов.

Что касается Всемирной выставки 1867 года, её подготовка началась за четыре года до открытия, а именно в 1863 году, когда своим декретом император Наполеон III официально призвал нацию провести очередную Всемирную выставку. И когда выставка открылась, она никого не оставила равнодушными. Были представлены достижения сорок одной страны. За полгода ее посетили девять миллионов человек.

Среди почетных гостей были король Бельгии Леопольд II, принц Уэльский и будущий король Эдуард VII, русский царь Александр II, Король Баварии Людвиг II, султан Абдулазиз (с двумя племянниками, будущими султанами Мурадом V и Абдулхамидом II), эмир Абд эль-Кадер, японский принц Токугава Акитаке, Отто фон Бисмарк и другие знатные особы со всего мира.

В качестве помощника генерального комиссара Русского отдела выставки был назначен Великий химик Дмитрий Иванович Менделеев.

Русский отдел располагался в восьми галереях: первые две показывали предметы археологии и художественные произведения, остальные — изделия промышленности и земледелия. В русском отделе выставки демонстрировались многочисленные деревянные сооружения, среди которых русская изба, конюшня для лошадей с Императорского конного завода, помещения для экипажей и конной сбруи, жилище сибирских кочевников, киргизская юрта и якутская ураса.

Экспонаты из России в итоге получили 476 наград — золотых, серебряных и бронзовых медалей, в том числе два больших приза («Гран-При»): первый — академику Б. С. Якоби, второй — императору России за улучшение конских пород.

Но вернемся к избам.

В одном из павильонов России была представлена русская деревня. Прогуливались здесь барышни в жемчужных кокошниках; ребята-половые носились с подносами, подавая щи, окрошку, разносолы, тарелки с ботвиньей и хрустальные вазочки с чёрной икрой. Чёрную икру французы прозвали «cochonnerie russe» (русские удивлялись переводу смешного слова «cochonnerie»: «вредная еда» или даже «свинская еда») и говорили, что эту мерзость невозможно есть. (О, спустя полтора столетия черная икра — одно из самых дорогих лакомств во Франции!)

Вот тогда французы открыли для себя новое слово «izba». А еще они увидели много интересного, экзотичного, необычного, одним словом — русского.

Что сохранилось с выставки? Сохранилась монументальная мозаика русского павильона, выполненная художниками Хмелевским, Бурукиным, Агафоновым и Муравьевым. После выставки мозаику установили, как и планировалось изначально, в Исаакиевском соборе в Санкт-Петербурге.

И СОХРАНИЛИСЬ ИЗБЫ!

«Русских домов» на территории, куда нам посчастливилось заглянуть, — четыре.

После закрытия выставки часть Русского павильона, а именно избы, которые представляли типичную русскую деревню, были проданы. Французский архитектор Поль Бенар (Paul Bénard) перевез их на запад Парижа, где обустроил дома для четырех французских семей. Вот таким образом после закрытия выставки избы и остались в Париже. Один дом, модернизированный, в настоящее время находится на Rue des Écoles в Сан-Клу (пригород Парижа), а четыре других (те, что мы фотографировали) — в шестнадцатом округе Парижа, на вилле Босежур (Beauséjour), которая так и называется «Isbas de la villa de Beauséjour» («Избы на вилле Босежур»).

И пусть мы не совсем законным способом пробрались на территорию виллы, зато получили массу удовольствия и приятных эмоций. Правда, один старичок всё же вышел из крайней избы и начал недовольно ворчать… мол, кто мы такие и зачем снимаем чужие частные владения! Ну, зачем-зачем? Интересно нам, вот зачем!

Такая вот русско-французская зарисовка.

Лела МИГИРОВ

Лела Мигиров — профессор медицины, представитель современного интеллектуального искусства, член Европейской Академии Искусств, Республики Монмартр, ассоциации Художников, Работников Здравоохранения (Франция), награждена престижными международными призами. Её картины представлены в Европейском Музее Искусств (Дания), в Музее Современного Искусства 20–21 веков (Санкт-Петербург), в ассоциации Франца Кафки (Прага).

SPIRA MIRABILIS

Спираль, древний символ духовного развития и нашей идентичности со Вселенной, интригует и олицетворяет бессмертие. Она одна из самых распространенных природных форм и геометрических мотивов в культурах всего мира. Было очень любопытно разобраться, почему же у млекопитающих орган слуха имеет форму улитки. Известно, что спиральная структура внутреннего уха эффективно повышает чувствительность к низким частотам, имеющих решающее значение для голосового общения.

Более чем 500 лет назад двойные винтовые лестницы были построены в соборе Святой Елизаветы в Кошице в Словакии, в бурге Граца в Австрии и в замке Шамбор во Франции. Возможно, было глубокое понимание человеческой природы в те времена, но это знание, близкое к сущностному, к вечному, как-то растворилось вплоть

до открытия структуры ДНК в 1953 году. Я была очарована, обнаружив, что и улитка во внутреннем ухе, и ДНК задуманы, как двойные спирали.

Система равновесия во внутреннем ухе рыб, птиц и млекопитающих практически идентична, отличаются только слуховые системы. Этот факт дал мне возможность предположить, что слуховой орган млекопитающих расположен в самой твердой (височной) кости тела во имя того, чтобы лучше защитить такое мощное средство общения, как голосовая связь.

Что-то астральное, отличное от материального, беспокойное, какое-то едва уловимое дрожание в пространстве прокралось сквозь хаос и вселило в меня веру в то, что орган слуха, имеющий форму улитки, это часть фантастически закодированной тайны и очень изящной и тонкой вселенской метафизической игры в спиральной галактике Млечный Путь.

Елена АРКАТОВА, Инна КОРНЕЕВА, Ангелина ТИМАТКОВА

Инна Корнеева родилась и выросла в Орле. Окончила филологический факультет Орловского государственного факультета. Старший научный сотрудник музея Бунина. Увлекается литературой, любит путешествовать.

Ангелина Тиматкова живёт и работает в городе Орле. Филолог, научный сотрудник музея Бунина. Активно популяризирует творчество писателя. Увлекается художественной фотографией.

БУНИН В ГРАССЕ

К 155-летию со дня рождения писателя

Великий русский писатель Иван Алексеевич Бунин (1870–1953), лауреат Пушкинских премий, академик Императорской академии наук, обладатель Нобелевской премии по литературе, прожил яркую, удивительную и сложную жизнь. Он оказался свидетелем смены исторических эпох, пережил потерю Родины, стал политическим эмигрантом, покинув Россию в 1920 году. На долгие тридцать три года его вторым домом стала Франция.

Иван Алексеевич со своей женой Верой Николаевной Муромцевой прибыли в Париж в конце марта 1920 года. «Париж <…> встретил нас не только радостной красотой своей весны, но и особенным многолюдством русских, многие имена которых были известны не только всей России, но и Европе», — вспоминал Бунин.

В первые годы эмиграции Бунин пишет очень мало. Он словно приходит в себя после пережитого. Для работы Ивану Алексеевичу всегда было нужно спокойное уединенное место. И такое место Бунин находит на юге Франции в небольшом городе Грассе.

Иван Алексеевич писал в «Автобиографической заметке»: «Во Франции я жил первое время в Париже, с лета 1923 года переселился в Приморские Альпы, возвращаясь в Париж только на некоторые зимние месяцы…»

Удивительный город Грасс, с его мягким климатом, оливковыми рощами, лавандовыми полями Иван Алексеевич полюбил горячей любовью. В середине мая 1923 года Бунины сняли виллу Мон-Флери, стоявшую высоко над Грассом, в большом саду. Из окон этого трёхэтажного дома открывался божественный вид на Эстерель, на Средиземное море. Здесь у Буниных гостили Сергей Рахманинов, Марк Алданов, Семен Юшкевич и Иван Шмелев, который именно здесь написал свою книгу «Солнце мертвых». В такой спокойной обстановке Иван Алексеевич возвращается к работе, пишет повесть «Митина любовь», рассказы «Дело Корнета Елагина», «Солнечный удар», «Ида», объединенные одной темой — темой любви, волновавшей писателя на протяжении всей его жизни. Полностью философия любви Бунина раскроется в его знаменитом сборнике «Темные аллеи».

В то время денежные дела писателя обстояли скверно, трёхэтажная вилла вскоре оказалась не по карману. В апреле двадцать пятого года Бунины снимают виллу

«Бельведер», которая, как и «Мон-Флери» принадлежала мэру Грасса Рукье. Писательница Г. Н. Кузнецова вспоминала: «Вилла Бельведер, стоявшая высоко на стене горы, подымавшейся над Грассом, была старым провансальским домом, с трещинами в желтоватых стенах, с зелеными створчатыми ставнями по обе стороны высоких окон. Ставни эти с грохотом и скрипом распахивала по утрам стремительная рука Ивана Алексеевича, и сам он быстро сбегал по лестнице своей легкой, почти юношеской походкой. Площадка сада, куда он выходил утром взглянуть на Грасс внизу, на далекое море <…> висела высоко над волнами оливковых садов, одевавших гору, и была чем-то похожа на палубу корабля».

Ледяная ночь, мистраль,
(Он еще не стих).
Вижу в окна блеск и даль
Гор, холмов нагих.
Золотой недвижный свет
До постели лег.
Никого в подлунной нет,
Только я да Бог.
Знает только Он мою
Мертвую печаль,
Ту, что я от всех таю…
Холод, блеск, мистраль.
(И.А. Бунин)

Вера Николаевна писала в письме брату в Москву, что Иван может работать только в уединении и что все созданное им за эти годы создавалось именно на вилле «Бельведер». Хотя Бунина называли «грасским отшельником», по своей натуре он был очень общительным, жизнерадостным человеком в кругу семьи и близких ему людей. Поэтому в его доме часто гостили и подолгу жили его друзья, писатели, как знаменитые, так и начинающие.

Неоднократно в гостях у Буниных были: Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Борис и Вера Зайцевы, Сергей Рахманинов. Знаменитый русской композитор, живя в Америке, приезжал в Европу на летний отдых, неоднократно бывал во Франции. Первые, с кем Сергей Васильевич спешил повидаться во Франции, были Бунины. Вместе они неоднократно ездили в Канны. Г. Н. Кузнецова в своем дневнике делает запись:

«Вчера обедали на песке под лодкой с Алдановым и Рахманиновыми. Был настоящий песчаный смерч, так что нам ничего не оставалось, как забраться в это сравнительно тихое место и расположиться там. "Босяцкий обед", по выражению Ивана Алексеевича, вышел оригинальным. Котлеты, помидоры, сыр и фрукты были с песком, и на всех было только четыре стакана. Рахманиновы подъехали тогда, когда все было разложено; у них были с собой бутерброды с ветчиной и бутылка Виши». «Босяцкий обед на песке под лодкой» перешел в «лунный вечер на берегу моря», разговоры о Шаляпине, Горьком и т.д. Сергей Рахманинов еще неоднократно бывал в Грассе, в гостях у Буниных.

Гостеприимная вилла Бельведер открыла свои двери для молодых литераторов, которые годами жили с Буниными. Иван Алексеевич оказывал материальную поддержку, делился своим литературным опытом и мастерством. Это были Николай Рощин, Леонид Зуров и Галина Кузнецова.

Иван Алексеевич познакомился с Галиной в 1926 году на пляже в Жуан-ле-Пен. Молодая поэтесса становится его последней любовью и музой. Писателя пленили «ее фиалковые глаза (как тогда говорили), ее женственная фигура, детские руки, <…> ее речь с небольшим заиканием, придававшим ей еще большую беззащитность и прелесть». С 1927 года Кузнецова поселилась на вилле «Бельведер»

в качестве литературной ученицы Бунина. Для Веры Николаевны это был страшный удар. Бунин убедил жену в том, что между ним и Галиной ничего нет, кроме отношений учителя и ученика. Вера Николаевна, как это ни кажется странно, — поверила.

Писательнице Ирине Одоевцевой Иван Алексеевич рассказал об одной прогулке с Галиной: «Мы с ней вдвоем постоянно гуляли, исходили все дороги, объездили все окрестности. И как это было чудесно. Она мало говорила, но как умела слушать. И понимать меня. Раз, когда мы с ней возвращались домой, до того усталые, что с трудом передвигали ноги, я подумал — как хорошо было бы сейчас лечь здесь, под шуршащим тополем, обняться и уснуть вместе. И — ведь мысль о смерти всегда присутствует в любви — мне вдруг мучительно захотелось не только уснуть, но и умереть вместе с нею. Не сейчас, конечно. А когда придет мой час. Я пожелал это с такой силой, что почувствовал боль в горле. <…> Она, конечно, переживет меня и будет еще долго жить после моей смерти. Я сдержался. Я не сказал ничего. И все-таки она почувствовала. Она поняла. Её нежные, прелестные пальцы вздрогнули в моей руке. В ответ. Будто выражая согласие и готовность исполнить и это моё желание».

В это время Иван Алексеевич много и плодотворно пишет, а 22 июня 1927 года Бунин начинает работать над своим знаменитым романом «Жизнь Арсеньева». Роман был высоко оценен современниками. К. Паустовский писал: «Жизнь Арсеньева» — это одно из замечательнейших явлений мировой литературы. К великому счастью, оно в первую очередь принадлежит литературе русской». «Жизнь Арсеньева» была переведена на английский и шведский языки, что дало возможность зарубежному читателю познакомиться с романом. Это способствовало тому, что в 1933 году Шведская Академия наук

присудила И. А. Бунину Нобелевскую премию по литературе. Иван Алексеевич Бунин — первый русский писатель, удостоенный этой высокой награды.

О присуждении Нобелевской премии писатель узнал в Грассе. Когда почтальон принес на «Бельведер» телеграмму из Стокгольма с известием об этом, Иван Алексеевич был в синема. Он глядел, по его собственному выражению, какую-то веселую глупость под названием «Бэби». «В синема И. А. был нервен и сначала даже плохо смотрел, — вспоминает в своей книге Г. Кузнецова об этом знаменательном событии. — Оглянувшись на свет ручного фонарика, внезапно блеснувшего позади в темноте зала, и увидала у занавеса фигуру Л[еонида Зурова], указывавшего на нас билетёрше. (…) Все последующее происходило как-то тихо, но тем более ошеломительно. Л. подошел сзади в темноте, нагнулся и, целуя И. А., сказал: «Поздравляю Вас … звонок из Стокгольма».

10 декабря 1933 года в Стокгольме из рук шведского короля Густава V Бунин получил диплом и золотую медаль Нобелевского лауреата. Для эмиграции получение Иваном Алексеевичем высочайшей мировой награды стало символом победы всей русской литературы.

После нобелевских торжеств отношение Кузнецовой к Бунину изменилось, и вскоре она покидает писателя. Позже Иван Алексеевич скажет: «Грустно еще и потому, <…> что судьба меня побаловала. Но потом взяла такую контрибуцию, что хоть трагический рассказ пиши!»

С конца лета 1939 года Буниным пришлось снять другое жилье. В сентябре они переехали на виллу «Жанетт» — «чудесную английскую виллу на такой высокой горе, что вид кругом необозримый», — писала Вера Николаевна. Вилла находилась на шоссе Наполеона — одна из последних на высотах Грасса, она была окружена прекрасным садом, за которым начинался лес. Красивая об-

становка, изумительный вид на Грасс — все это подбодрило Буниных. Но все изменилось с началом Второй мировой войны.

Начавшаяся война принесла с собой настоящую нужду, жили «в полном голоде и адском холоде», катастрофически ухудшилось здоровье Бунина: частые простуды переходили в бронхиты и воспаление легких, развивалось малокровие, требующее витаминов и усиленного питания.

Бунины голодали, но Иван Алексеевич отказывался сотрудничать с немецкими изданиями. А жизнь становилась все более тяжелой. На завтрак капустные листья, вареные в воде, на обед — «тошнотворные супы из белой репы». За письменным столом в своем кабинете Бунин сидит в теплых перчатках, «пальцы в трещинах от холода, не искупаться, не вымыть ног».

Несмотря на такое бедственное положение, Бунин дает у себя в доме приют нуждающимся: подвергая себя серьезному риску, он в течение нескольких дней прячет пианиста А. Б. Либермана и его жену. Александр Борисович вспоминал: «Как сейчас помню жаркий летний день в августе 1942 года. Подпольная французская организация оповестила нас, что этой ночью будут аресты иностранных евреев. Мы сейчас же принялись за упаковку небольших чемоданов, чтобы скрыться в «подполье». Как раз в этот момент зашел Иван Алексеевич. С удивлением спросил, в чем дело, и, когда мы ему объяснили, стал настаивать на том, чтобы мы немедленно поселились в его вилле. Мы сначала отказывались, не желая подвергать его риску. Но он сказал, что не уйдет, пока мы не дадим ему слово, что вечером мы будем у него. Так мы и сделали — и провели у него несколько тревожных дней. Это как раз было время борьбы за Сталинград, и мы с трепетом слушали английское радио, совершенно забывая о нашей собственной судьбе…. Пробыв около недели в доме Буни-

на, мы вернулись к себе в Cannes. В это время Иван Алексеевич был стопроцентным русским патриотом, думая только о спасении Родины от нашествия варваров».

Война шла своим зловещим ходом. Жизнь на вилле «Жаннет» становилась всё тяжелее день ото дня. Несмотря на голодные дни войны, И. А. Бунин не переставал работать над своим последним и самым лучшим сборником рассказов «Тёмные аллеи». Сейчас этот сборник насчитывает 40 удивительных новелл, объединённых одной темой — темой любви. Бунин в рассказах цикла пишет о любви всепоглощающей, страстной, безумной, трагической, о любви мимолётной, но всегда оставляющей неизгладимый след в жизни героев.

Большая часть рассказов из книги «Темные аллеи» была написана в Грассе, в годы оккупации Франции. Из письма к Б. К. Зайцеву: «Книга эта называется по первому рассказу “Тёмные аллеи” — во всех следующих дело идёт, так сказать, тоже о тёмных и чаще всего весьма жестоких “аллеях любви”. И вот ещё что — нынешней осенью всё хотелось писать и писать что-нибудь милое… не всё же думать о смерти и о дьявольских делах в мире! Боккаччо написал “Декамерон” во время чумы, а я вот “Тёмные аллеи”».

Одним из центральных рассказов сборника является «Чистый понедельник», который Иван Алексеевич считал лучшим из всего того, что он написал. В дневнике Бунин делает запись: «Благодарю Бога, что Он дал мне возможность написать “Чистый понедельник”».

«Час ночи. Встал из-за стола — осталось дописать несколько строк “Чистого понедельника”. Погасил свет, открыл окно проветрить комнату — ни малейшего движения воздуха, полнолуние, ночь неяркая, вся долина в тончайшем тумане, далеко на горизонте неясный розоватый блеск моря, тишина, лёгкая свежесть молодой древесной зелени, кое-где щёлканье первых соловьёв… Господи, продли мои силы для моей одинокой, бедной жизни в этой красоте и работе!»

С самого начала войны в России внимание Бунина было приковано к его Родине, от которой он никогда не отрывался сердцем. Всё негативное, связанное с большевистской Россией, теперь ушло для писателя в сторону. Осталось одно — его Родина, его Россия находится в большой опасности. Бунин говорил: «…Если бы немцы заняли Москву и Петербург и мне предложили бы туда ехать, дав самые лучшие условия, — я отказался бы. — Я не мог бы видеть Москву под владычеством немцев, видеть, как они там командуют. Я могу многое ненавидеть и в России и в русском народе, но могу и многое любить, — чтить её святость. Но чтобы иностранцы там командовали — нет, такого не потерпел бы».

В своём кабинете Бунин повесил карты Советского Союза. На них писатель отмечал путь продвижения советских войск. Дневники Ивана Алексеевича этих лет стали отчасти и хроникой военных событий, и отражением его душевного состояния. Особое волнение вызывала у писателя судьба тех городов, в которых он раньше жил или бывал. Вот несколько записей Бунина начала войны:

— 13 июля 1941 года: «Взят Витебск. Больно».

— 9 октября 1941 года: «Взят Орёл. … Дело очень серьёзно».

— 13 декабря 1941 года: «Русские взяли назад Ефремов, Ливны… В Ефремове были немцы! Непостижимо! И какой теперь этот Ефремов, где был дом брата Евгения…»

Наперекор бедности и голоду мысли о России придавали Бунину сил. Радовала Ивана Алексеевича и всех обитателей виллы «Жаннет» и родная русская речь, которую они слышали от советских военнопленных. Русские солдаты — из Белоруссии, Ленинграда и Москвы, с Украины — бывали в доме Бунина на «Жаннет». Пленные делились с семьёй Ивана Алексеевича хлебом, пели, слушали радио. Бунин вспоминал о пребывании советских военнопленных в его доме в письме к писателю Борису Зайцеву от 23 ноября 1944 года так: «…Расскажу о пленных — их у

нас бывало в гостях немало… Некоторые были настолько очаровательны, что мы каждый раз целовались с ними как с родными… Они немало плясали, пели — “Москва, любимая, непобедимая…”. Советские военнопленные во время оккупации немцами Грасса рубили лес, работали на хлебопекарнях. Им разрешалось бывать вне лагеря. Вера Николаевна вспоминала, что пленные бывали на “Жаннет" по воскресеньям, они пели и плясали — “талантливый подобрался народ!”».

Как только Франция была освобождена от фашистских захватчиков, Бунины навсегда уезжают из Грасса. 1 мая 1945 года они возвращаются в Париж, который почти уже не покидают.

О юге Франции, о прекрасных пейзажах Грасса у Бунина остались самые теплые воспоминания. Грасс тоже не забыл нобелевского лауреата. 27 ноября 1973 года в Грассе на дороге, ведущей к вилле «Бельведер», была открыта памятная стелла. Был установлен бюст И. А. Бунина в саду принцессы Полины в 1999 году, а в июне 2017 года в парке виллы «Сен-Илер», в нескольких сотнях метров от виллы «Бельведер», был открыт памятник Бунину. Он представляет собой бронзовую скульптуру высотой два метра и изображает писателя в полный рост. Маленький город на юге Франции бережно хранит память о великом русском писателе.

Этой краткой жизни вечным измененьем
Буду неустанно утешаться я, —
Этим ранним солнцем, дымом над селеньем,
В свежем парке листьев медленным паденьем
И тобой, знакомая, старая скамья.

Будущим поэтам, для меня безвестным,
Бог оставит тайну — память обо мне:
Стану их мечтами, стану бестелесным,
Смерти недоступным, — призраком чудесным
В этом парке розовом, в этой тишине. (*И.А. Бунин*)

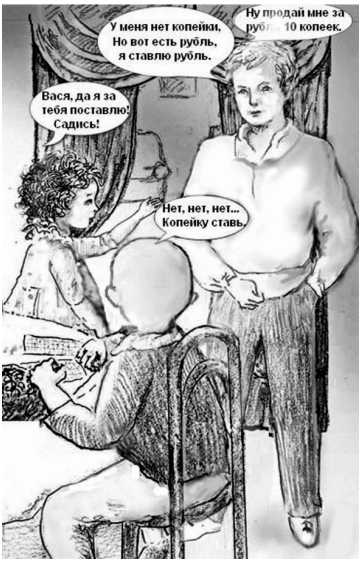
ИСКУССТВО

Галина БЛАРЭ

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РАССКАЗУ А. П. ЧЕХОВА «ДЕТВОРА»

Папы, мамы и тети Нади нет дома. Они уехали на крестины к тому старому офицеру, который ездит на маленькой серой лошади. В ожидании их возвращения Гриша, Аня, Алеша, Соня и кухаркин сын Андрей сидят в столовой за обеденным столом и играют в лото.

Выкрикивают числа все по очереди, кроме Сони и Алеши. Ввиду однообразия чисел, практика выработала много терминов и смехотворных прозвищ. Так, семь у игроков называется кочергой, одиннадцать — палочками, семьдесят семь — Семен Семенычем, девяносто — дедушкой и т. д. Игра идет бойко.

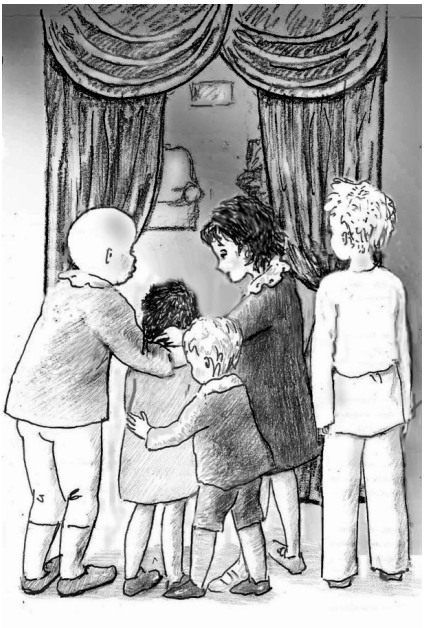


В столовую входит Вася, ученик V класса. Вид у него заспанный, разочарованный.

«Это возмутительно! — думает он, глядя, как Гриша ощупывает карман, в котором звякают копейки. — Разве можно давать детям деньги? И разве можно позволять им играть в азартные игры? Хороша педагогия, нечего сказать. Возмутительно!»

— Копейку уронил! — заявляет вдруг Гриша взволнованным голосом. — Постойте!

Соня, положив кудрявую голову на руки, спит сладко, безмятежно и крепко, словно она уснула час тому назад. Уснула она нечаянно, пока другие искали копейку.



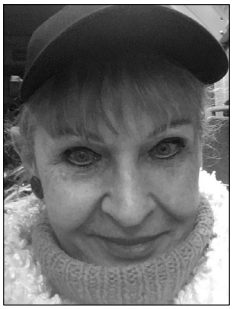
— Поди, на мамину постель ложись! — говорит Аня, уводя ее из столовой. — Иди!

Ее ведут все гурьбой, и через какие-нибудь пять минут мамина постель представляет собой любопытное зрелище.

Спит Соня. Возле нее похрапывает Алеша. Положив на их ноги голову, спят Гриша и Аня. Тут же, кстати, заодно примостился и кухаркин сын Андрей. Возле них валяются копейки, потерявшие свою силу впредь до новой игры. Спокойной ночи!

Наталья КЕЛЕННЕК

Наталья Келеннек — журналист. Работала редактором в Филармонии и занималась рекламой концертов и творчества артистов. Издала книгу «Царь и царица во Франции». Работала в туризме. Любит путешествовать и открывать новое.



ЗАБЫТАЯ МОГИЛА

Самое обширное кладбище Парижа находится в его пригороде Тье, в пятнадцати километрах на юго-восток. Ворота в стиле ар деко, своей массивностью напоминающие о вечности, ведут в широкие аллеи, на которых остроконечные тополя тянутся в бесконечность. Каждый участок, а их здесь сто тридцать, огорожен ровно подстриженной живой изгородью. Четкие ряды захоронений геометрически размерены. В центре некрополя Тье — впечатляющее пространство вечнозеленой травы. Этот непроницаемый порядок напоминает загородный частный парк, где можно бегать и отдыхать. По траве прыгают сороки, нарушая тишину и улетая при малейшем жесте их покормить. Они не привыкли к вниманию людей, их свободу никто не нарушает. Кошки не водятся здесь, им негде прятаться — на кладбище нет надмогильных часовендомиков, в которых захоранивают по несколько поколе-

ний старинных семейств. Некрополь Тье открыт в 1929 году и по дате создания последний в Париже. В это время уже не было места для захоронений в городе и выбрали загородный пустырь, подходивший по размеру и по составу земли. Чтобы привлечь внимание публики, расценки установили ниже, чем в городе, а могилы рыли бесплатно. Впервые я посетила это кладбище в 1993 году — там находится могила родителей моего мужа. Низкие ряды каменных прямоугольников с невысокими стелами для надписи и фото умиротворяют своей однотипностью. Однажды мой муж обратил мое внимание на единственный памятник в этом участке. На нем была обозначена русская фамилия, выгравированная на камне по-французски.

Фамилия вызывала ассоциацию с подмостками сцены и героями пьес Александра Островского — Серафим Судьбинин. Дата смерти — 1944 год, указана профессия — скульптор-керамист. Подойдя ближе, мы прочли еще одно имя на фоне креста-барельефа: Ольга Судьбинина. Конечно, это русские эмигранты. Памятник был скорее символичным и рассказывал о деятельности этого человека: круглая база в квадрате стенок напоминали гончарный круг и печь. Две тонких колонки, тянущиеся вверх, как руки, объединяющиеся в согласии. Возможно, это два человека в одном порыве. Захоронение выражало что-то личное, в отличие от остальных. Могилы русских эмигрантов встречаются в разных местах Франции, их можно узнать по православным крестам. Проходя через участки за водой, я иногда подходила к ним. Одна надпись хорошо запомнилась: «Народився в Україні, а помер на чужбині». Славянские фамилии встречались на кладбище Тье редко, а на плане возле входа в некрополь были указаны самые известные — князь Орлов и Лев Седов, сын Троцкого.

Мы посещали кладбище несколько раз в год. Проходя мимо могилы Судьбинина, я отмечала всегда буйство травы на ней. «Наверное, родственники далеко. Всё-таки давно умер...» Такие мысли возникали всякий раз. На день Всех святых, когда кладбища Франции превращаются в цветники из разноцветных хризантем, на могиле скульптора ничего не менялось. С годами сомнения рассеивались, и мне стало ясно — сюда никто никогда не придёт... В конце 1999 года, приближаясь к одиннадцатому участку, я издали увидела красные знаки на колонках памятника, а на круглой базе — табличку с надписью. Нечто подобное я уже видела. Так предупреждают об окончании срока концессии, о необходимости уплаты за продление срока существования могилы. Иначе её уничтожат и заменят новым захоронением. Ох, эти французские законы! Даже в этом месте нет покоя и нужно платить. Увидев эту угрозу могиле Судьбинина, я осознала, что кроме меня никто не среагирует. В павильоне администрации, куда я в эмоциональном порыве вошла, громко обращаясь сразу ко всем: «Этого нельзя делать, зачем этот вандализм! Русский скульптор, создатель...» Я говорила что-то ещё, уже не помню. Но хорошо запомнила круглые черные глаза служащего. Они, казалось, всё больше округлялись, а рот застыл в полуулыбке. Это не был засушенный в своей непробиваемости французский бюрократ. «Мы ищем родственников», — его ответ охладил меня. Через месяц ни таблички, ни красной краски на могиле не было. На каменный круг я положила крестик и посадила выносливый седум — приближались холода.

В рождественскую ночь 1999 года по Франции пронесся сильнейший ураган. Утренние пейзажи поражали воображение: поваленные деревья дрожали в воздухе вырванными корневищами, не понимая происшедшего... Все

некрополи были закрыты. Когда мы приехали в Тье, тополиной аллеи уже не было, остались несколько деревьев с переломанным станом. Другие исчезли, как свечи, выдернутые из аналоя, оставив пустоту взрыхленной поверхности. Колонки памятника Судьбинина остались единственным вертикальным элементом этого участка кладбища. Прекрасно, что они уцелели! Я ничего не знала об этом скульпторе и его жизни. В ту пору у меня не было интернета. Просматривая книги о русской эмиграции, я не встречала имени Судьбинина. Однажды увидела его в каталоге музея фарфора Севра, где были его произведения. Также в музее декоративного искусства Парижа.

С приобретением компьютера информация прибавилась. Фамилия Судьбинин действительно была театральным псевдонимом. Серафим Николаевич Головастиков двенадцать лет был актером Московского художественного театра, исполнял ведущие роли и дружил с Константином Сергеевичем Станиславским. Игру Судьбинина в пьесе «На дне» высоко ценил ее автор — Алексей Максимович Горький. Первая скульптура Судьбинина — бюст Станиславского. Он был подарен Горькому и находился в его кабинете. Серафим Николаевич обучал пластике дочерей Саввы Тимофеевича Морозова. Получив материальную поддержку этого мецената, Судьбинин уехал учиться в Париж, в мастерскую Родена. В музее этого французского скульптора можно узнать историю о том, что скульптуру «Рука Бога», которую еще называют «Кафедральный собор», выполнил из мрамора Серафим Судьбинин по гипсовому оригиналу Родена. Огюст Роден любил своего ученика и даже создавал его скульптурные портреты, один из них находится в музее Сан-Франциско. В музее парижской оперы есть скульптура Судьбинина «Анна Павлова», — символ белоснежной вечности. Еще

были статуэтки Тамары Карсавиной, Леонида Собинова. Судьбинин первым начал создавать статуэтки артистов-современников и участвовал в парижской выставке «Русский балет С. П. Дягилева». В 1913 году приходит не только признание его творчества, но и достижение в нем — Судьбинин создает первую в мире статуэтку с опорой на точку пуанта. Этой работой скульптор увековечил Тамару Карсавину в партии Сильфиды. Вернуться из Франции в революционную Россию он не решился, а после нескольких лет, проведенных в США, это стало опасным. Творчество и жизнь ранее неизвестного мне скульптора все больше захватывали воображение. «Русский самородок», — так высказывались о нем современники. Действительно, он мог остаться актером, его сценическая карьера складывалась удачно, как и его супруги Ольги Судьбининой-Полибиной. Но чувство созидателя победило в нем. В 2010 году появилось первое крупное исследование о скульпторе «Серафим Судьбинин. На переломе эпох: от модерна до ар деко». Искусствовед Екатерина Хмельницкая исследовала творческий путь скульптора и подробно описала американский период его жизни. Дружеские отношения со многими американцами, их поддержка и память о нём остались. Наверное, это был искренний и душевно богатый человек. С ним дружили и его любили. Произведения Судьбинина украшают музеи Бруклина, Сан-Франциско, Вашингтона. В интервью он признавался: «Я — нижегородец. К сожалению, я лишен всякого контакта с моей страной». Книга о Судьбинине интересна, как открытие, ведь его имя почти неизвестно на родине. Но одно заключение книги остановило меня в раздумье: «Местонахождение его могилы неизвестно». Безусловно, если она нигде не указана и никто не упоминает ее, только так и можно написать. Вспомнилось чье-то

высказывание: «Человек умирает дважды. Один раз физически и второй раз, когда исчезает его могила». Но могила Серафима Судьбинина существует, только срок ее давно закончился. Но кто же оплатил второй тридцатилетний срок концессии? У супругов не было детей и родственников во Франции. Памятник установлен в 1937 году, после смерти Ольги Судьбининой. По французским законам сроки захоронений — 10, 30, 50 лет — и надолго... Я опять пришла в павильон администрации некрополя Тье. В документах есть запись: в 1967 году некая Ольга Жихарева, уже находясь в доме престарелых в Бретани, оплатила срок на тридцать лет. Конечно, этой дамы уже нет с нами... Вспомнилось, что в 1943 году, за год до своей смерти, Серафим Николаевич ездил к друзьям в Бретань. У него были друзья! Последние годы жизни были нелегкими для скульптора. В оккупированном Париже не было работы для него. Он дарил свои произведения музеям города. Одиночество, безденежье, болезни. К сожалению, сегодня нет его выставок, памятных мест и фильмов, посвященных Судьбинину. Имя известно в узком кругу специалистов, а во Франции — организаторам аукционов, которые ищут его произведения.

Годы шли, мы с мужем не забывали о могиле Судьбинина. Она стала как бы нашей по-соседству. Сажали-поливали, очищали-вырывали. Но пришел год, когда возможности посетить некрополь Тье у меня не было. Придя в ноябре 2020 года, я увидела грустную картину. Правая стенка каменного кадра могилы упала, высокие заросли покрыли почти стертую надпись на сыром камне, темно-коричневые жучки мха поползли по колонкам. Поднять упавший бортик было невозможно: изогнулись внутренние металлические прутья. Дома, на странице фейсбука, я обратилась за помощью в группу соотечественников,

и отклик был бурный. Описывали истории с исчезнувшими могилами русских эмигрантов, давали ссылки о Судьбинине, удивлялись безразличию коллег и предлагали помощь. Две дамы были заметно отзывчивы, и мы встретились в ближайшее воскресенье на кладбище Тье. Ольга и Светлана пришли с цветами и садовыми инструментами. Прямоугольник заросшей земли быстро превратился в цветник. Накрапывал дождь, но мы не замечали его. Говорили о том, что хорошо бы перенести захоронение в русский некрополь Сант-Женевьев-де-Буа, там проводят экскурсии, его описывают, снимают фильмы о нем, в оплате помогает русское посольство. Во Франции право продления срока могил имеют родственники или друзья по поручению. А если близких нет, да и времени прошло много? Серафим Судьбинин — один из представителей российской культуры «без границ». Его творчество принадлежит двум странам и требует бережного отношения. Слова «хранить» и «хоронить» имеют один смысл и корень. После того, как могила русского скульптора обрела цветущий вид, мы произнесли речь: «Серафим Николаевич, к Вам пришли русские дамы с цветами!» Возвратившись домой, я прочла сообщение Татьяны Львовны Грачевой из Нижнего Новгорода. Она занимается архивами и поиском предков нижегородцев. Татьяна Львовна написала мне: «Вообще интересная штука жизнь. Еще пять дней назад я не знала про Судьбинина и Вас не знала. И вот собрала интересную информацию...»

Серафим Головастиков из семьи купцов-старообрядцев поморского согласия. Его тетка — мать известного местного историка Александра Савельева. Дед из крепостных графа Шереметева, владельца богородских земель. У отца Серафима Николаевича было еще два брата, но

в документах наследники не находились. В Богородске проживает более двадцати семейств Головастиковых, но искать их родство нужно с XVII века. Она обратилась за помощью к корреспонденту газеты «Земля нижегородская» Андрею Дмитриеву. Он откликнулся очень живо. Изучал в библиотеке информацию о скульпторе и написал статью о нем к празднованию 800-летия Нижнего Новгорода. Статья получила много отзывов, но родственники не находились. Не среагировала и администрация города. Тогда Андрей Дмитриев отправил письмо в Министерство иностранных дел России, его переслали в Посольство России во Франции. Запрос отправили в центральное бюро некрополей Парижа. Почти год ждали ответ. Мне было приятно сообщить моим нижегородским друзьям информацию о том, что могила Судьбинина внесена в список известных людей некрополя Тье, после 76 лет забвения. Теперь его имя можно увидеть на плане при входе и прочесть в интернете. Отвечая на письмо Министерства иностранных дел России и Посольства России во Франции, бюро некрополей Парижа приняло решение не разрушать могилу русского скульптора.

Я медленно шла по обновленной тополиной аллее к одиннадцатому участку. Высокий ряд деревьев напоминал шеренгу охранников тех, кто ушел навеки. Вспомнилась история с исчезнувшей могилой актрисы, певицы, модели художников и скульпторов Кики — музы творцов квартала Монпарнас. Ее таланту поклонялся весь Париж, она стала лицом города в период между двумя войнами. Ей посвятил очерк Хемингуэй, даже в Москве есть созданный ею портрет Сергея Эйзенштейна. Когда Кики умерла, все кафе Парижа прислали букеты, но на кладбище Тье ее сопровождал один художник Фужита. Через двадцать лет

её могила была уничтожена, как неухоженная и неоплаченная. Туда никто не приходил. Сегодня о Кики ставят спектакли и пишут книги, добавляя эпитет для рекламы — «воскресшая Кики». Но откуда могла воскреснуть её душа, если этого места давно не существует...

Вот уже двадцать лет, как закончился срок концессии захоронения Серафима Судьбинина. Сегодня только внимание людей поддерживает её статус. Ей нужен ремонт, возрождение забытого имени преодолеет забвение. Сейчас возвращаются многие имена. Их судьбы открывают нам прошлое и сознание настоящего. Уважение к былому всегда одухотворяет души. Вспомним слова Ивана Бунина: «Страсть к кладбищам — очень русская черта». Я бы добавила — это и познание жизни.

Татьяна МОЖЕНОК-НИНЭН

Петербурженка и парижанка. Искусствовед, арткритик, просветитель и немного писатель. Люблю посещать выставки и рассказывать о них. Этот текст для детей о выставке Ван Гога в музее д'Орсэ я написала «на одном дыхании», вернувшись после очередной экскурсии и готовясь к следующей для подростков. Прочтите и вы его, дорогие читатели, и поклонитесь гениальному Ван Гогу!

ВЫСТАВКА «ВАН ГОГ В ОВЕРЕ» В МУЗЕЕ Д'ОРСЭ

Привет, давай познакомимся! Винсент Ван Гог, 37 лет. Но ты можешь называть меня просто Винсент. Именно так я и подписывал свои картины. Ах, да, я же не сказал тебе: я художник. Впрочем, это не первая моя профессия. Я работал в фирме по продаже произведений искусства, преподавал в школе для мальчиков, был проповедником. В галерее родственников (мой отец был пастором в родном городке Зюндерте, а его братья — маршанами картин) я впервые открыл для себя живопись. Как много на

свете прекрасных художников! Но более всего мне сразу полюбились Рембрандт, мой соотечественник, великий голландский живописец XVII века, и француз Милле (XIX век). Оба эти художника очень любили людей, безотносительно к их происхождению и социальному положению. Рембрандт, например, писал бедных обитателей еврейского квартала Амстердама, а Милле — крестьян деревушки Барбизон рядом с Парижем. Я тоже всегда любил людей и хотел сделать их жизнь лучше. Потому, когда я был проповедником в Боринаже, шахтёрском районе Бельгии, я вместе с рабочими спускался под землю, делил их скудную пищу, старался помочь им. А потом на своих картинах, портретах изображал крестьян, сеятелей и жнецов, почтальонов, скромных владелиц провинциальных гостиниц...

Я начал рисовать в 27 лет. Сейчас искусствоведы говорят, что это решение — стать художником — изменило не только мою жизнь, но и всю историю искусства. Ибо теперь невозможно представить себе европейскую живопись без меня. Мне странно это слышать, при жизни я совсем не был знаменит, мало кто интересовался моим творчеством, и я продал, кажется, только одну картину — «Красные виноградники». Она сейчас, кстати, находится в Москве в Пушкинском музее. Я был так беден, что, наверное, умер бы с голоду, не будь у меня брата. Мой дорогой Тео, как много он сделал для меня! Каждый месяц он давал мне деньги на жильё, холсты и краски. Поэтому я всегда считал, что он *не просто* маршан.

Но довольно прозы, мой маленький друг! Давай лучше посмотрим мои картины! Тебе, наверное, хочется узнать, как я выглядел. Смотри, это мой Автопортрет 1889 г. Я написал много автопортретов, но этот мне особенно дорог. Я даже думал его послать на выставку в Брюссель. Мне хотелось, чтобы именно так меня представляли себе люди. Ну, как у вас «аватарка». Видишь, какой я серьёзный, сосредоточенный, какой у меня напряжённый проницательный взгляд. Знаешь, когда я писал этот Автопортрет, я только что оправился после долгого мучительного кризиса. Да, я ещё не сказал тебе, что был болен. У меня случались припадки, которые длились неделями. Меня преследовали галлюцинации, странные видения. Поэтому я год лечился в госпитале на юге Франции, в Провансе в городке Сен-Реми. Там я и написал этот портрет. Когда мои кризисы прекращались, я старался понять, что со мной происходило, что случалось в моём мозгу... Видишь эти странные клубящиеся закрученные мазки? Это как те непонятные загадочные мысли, которые одолевали меня и которым я не находил объяснения.

В мае 1890 года я привёз этот автопортрет в Овер, где решил поселиться по возвращении с юга. Почему в Овере? Тео, мой милый Тео, не хотел, чтобы я жил в Париже (большой город был слишком опасен для моего здоровья), и он нашёл это живописное местечко — деревню неподалёку от столицы, где бы я мог спокойно работать. К то-

му же, в Овере жил доктор Поль Гаше, психиатр, гомеопат и большой друг художников. Он сразу взял меня под своё крыло. Ему очень понравился этот мой Автопортрет, и он захотел свой портрет «в том же настроении» («dans le même sentiment») — меланхолии. Я написал доктора дважды. Первый портрет я послал Тео, а второй подарил доктору. Сейчас этот второй портрет находится в музее д'Орсэ.

Доктор Гаше и сам занимался живописью и гравюрой. У него была мастерская и пресс, где и я сделал свой единственный офорт. У него была дочь, хрупкая 20-летняя девушка Маргарита. Она любила играть на пианино и ухаживать за цветами в саду. Помнишь эту картину с белым силуэтом среди цветов? Это она, Маргарита, в саду дома своего Гаше.

А поселился я в центре городка у Мэрии на постоялом дворе, принадлежавшем семейству Раву. Он, кстати, и сейчас ещё существует. Ты можешь его посетить. У Раву тоже была дочь, Аделина. Я сделал три портрета Аделины. Два из них были на выставке.

Видишь, как много синего цвета в моих картинах? Жёлтый — тёплый солнечный цвет, цвет подсолнухов — и густой таинственный синий, фиолетовый, цвет ночи,

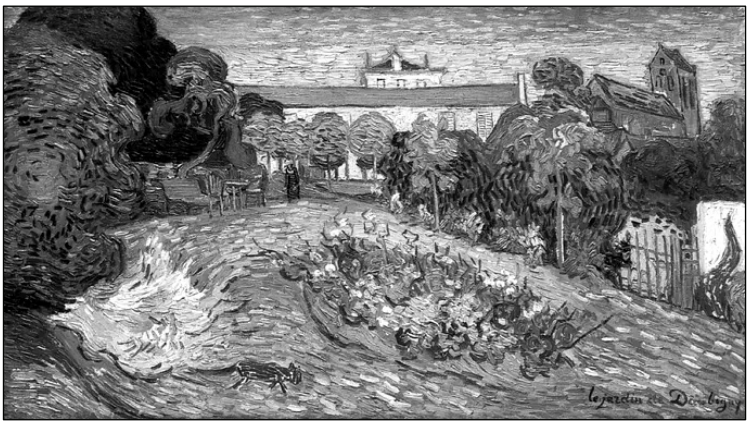
тоски — мои любимые. Вообще более всего в живописи я люблю краски. Я часто утрировал цвета, делал реальный цвет насыщеннее, ярче. Искусствоведы назвали мой стиль экспрессионизмом. В общем, они не ошиблись — я действительно писал все предметы более выразительными (экспрессивными), чем они есть на самом деле. Посмотри, например, на мою «Церковь в Овере». Мне всегда казалось, что она живая, что её окна с тёмными витражами — это глаза, что она хочет что-то нам сказать... Но что? Ты можешь пофантазировать.

Я работал очень быстро — представляешь, за 70 дней в Овере я написал 74 картины! Поэтому и «почерк» (мазок) у меня был соответствующий — нервный, быстрый, то короткий, отрывистый, то длинный, завивающийся в раковину.

«Овер невероятно красив» («Auvers est gravement beau»), — написал я брату сразу по приезде. Да, я ведь ещё и письма писал. Если бы я жил сейчас, я бы, наверное, слал сотни СМС-ок в день, или, как там это у вас называется, делал посты в Инстаграм. Ну, а в наше время были письма, и я написал своему брату 652 письма! Его вдова издала их. Ах, Ио, Иоганна — жена Тео — добрая мужественная женщина, которая после смерти Тео (ведь он всего на 5 месяцев пережил меня) сделала всё, чтобы нас не забыли, чтобы о моих картинах узнал весь мир!

Но давай посмотрим на пейзажи Овера. Какой тебе понравился больше всего? Может, вот этот, с садом Добиньи? Ты знаешь, кто такой Шарль Добиньи? Это художник-пейзажист, предшественник импрессионистов. Представляешь, он оборудовал свою мастерскую в лодке и писал прямо посреди реки! Когда я приехал в Овер, Добиньи уже не было в живых, его некогда наполненный дружественными голосами дом опустел... Но его вдова ещё жила в Овере. Она пригласила меня к себе в сад, и я написал этот грустный, немного заброшенный сад с одинокой фи-

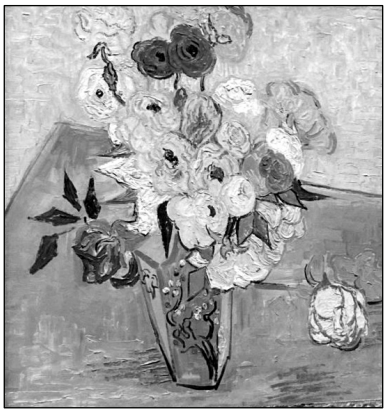
гуркой, чёрной кошкой, клумбами. «Это одна из самых дорогих моих картин», дорогих моему сердцу. Я сделал несколько её вариантов. Я всегда восхищался Добиньи и его друзьями-барбизонцами. Так называли художников, которые в 1820-30е годы покинули суетный Париж и поселились в деревушке Барбизон рядом с лесом Фонтенбло. Мне всегда казалось, что им удалось осуществить мою мечту о содружестве мастеров кисти, где все работают мирно и сообща. Я тоже хотел создать такую Мастерскую Юга в Арле, куда уехал из Парижа в 1888 году. Не получилось. Два месяца нашей совместной жизни и работы с Полем Гогеном, который позже уехал на Таити, кончились драмой... Но не будем о грустном!

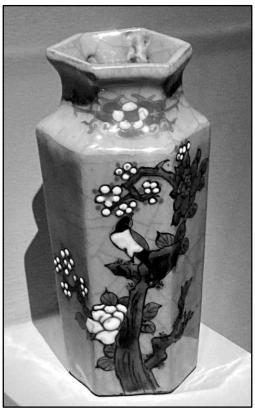


Посмотри лучше, как красив Овер! Вот его крутые лестницы, дома с соломенными крышами (я всегда считал, что хижина, крытая соломой, — лучшее архитектурное сооружение!), сады, бескрайние поля с пшеницей и маками, лодки на реке Уазе...

В Овере я писал пейзажи, портреты, натюрморты. В доме доктора Гаше было так много «всякой всячины» — например, эта японская ваза. А я всегда так вос-

хищался Японией — страной восходящего солнца! Я и в Арль поехал в поисках Японии. Так вот, я написал этот букет — цветы в японской вазе. А специалисты, которые готовили выставку, даже эту вазу рядом представили! Вот молодцы!





В июне 1890 г в Овере я был почти счастлив. Много работал, вставал в 5 часов утра, уходил в поля, рано ложился. Но в конце июня я получил письмо от брата. Тео писал мне, что его сын, родившийся в феврале, мой тёзка, тоже Винсент, болен. А ещё, что он, Тео, хочет уйти из фирмы по продаже картин и открыть своё собственное дело (но ведь это так рискованно!). Я испугался, что стану ещё большей обузой для брата, что он не сможет по-прежнему мне помогать...

В июле я часто уходил один в поля и писал их — бескрайние пустынные поля под грозовым небом, с летающими над ними чёрными воронами. «Я не побоялся в них выразить чувство предельной тоски и одиночества».

А помнишь эту картину, с корнями деревьев? Её я написал за несколько часов до трагического выстрела. 27 июля 1890 я смертельно ранил себя в грудь. Тео примчался ко мне из Парижа, я умер 29 июля на руках любимого брата. 30 июля меня похоронили в Овере. Гроб был украшен подсолнухами. Доктор Гаше, еле сдерживая слёзы, произнёс трогательную речь. «Это был честный человек и великий художник, — сказал он обо мне. — Любовь

к человеку и искусство были единственными целями его жизни». Позже Иоганна перевезла в Овер прах Тео. Теперь мы вместе.

Да «я заплатил жизнью за свою работу, и она стоила мне половины моего рассудка...»

Не грусти, мой юный друг! Ведь ты пришёл на мою выставку, тебе, я надеюсь, понравились мои картины, значит, я продолжаю жить, волновать и радовать тех самых людей, которых я так любил. Всё-таки жизнь, какой бы она ни была, — прекрасная штука!

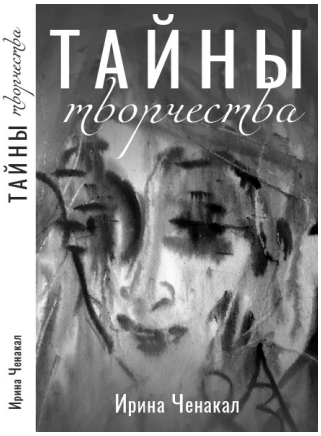
Ирина ЧЕНАКАЛ

Родилась в Калининграде, работала в Москве в Академии медицинских наук (психиатрия). С 1989 года живу во Франции. Будучи арт-терапевтом, организовала для своих пациентов «Ателье артиста». Занимаюсь живописью, пишу пейзажи и натюрморты. Мое артистическое имя — Мзелма. Процесс творчества неизменно привлекает мое внимание.

ТАЙНЫ ТВОРЧЕСТВА

Моя первая книга «Алла, ее жизнь и Диор» опубликована на французском языке в 2021 году, а на русском — в 2022. В этой книге рассказывается об известной манекенщице Кристиана Диора и Ива Сен-Лорана Алле Иличун.

«Тайны творчества» — моя вторая книга, где рассказывается о художниках, оставивших свой след в истории искусства, таких, как Анатолий Зверев, Дмитрий Плавинский, Станислав Жуковский, Марк Шагал, Дора Маар, Арман и другие. Я рассказываю о некоторых секретах их творчества, а также о картинах, при создании которых мне посчастливилось присутствовать.



Обложка книги «Тайны творчества» А. Зверев «Портрет Ирины»

Первая глава книги посвящена художникам-нонконформистам, с которыми я была знакома. Раньше их называли неофициальными художниками. К ним относили московских художников послевоенного поколения, отказавшихся от соцреализма и экспериментирующих с формой и содержанием своих произведений. Их ещё называли шестидесятниками, хотя не все они были с этим согласны. Эрнст Неизвестный и Анатолий Зверев начали работать по-другому до 1957 года, когда состоялся Всемирный фестиваль молодежи и студентов, на котором Зверев получил Золотую медаль от знаменитого Сикейроса. Ему исполнился только 21 год, но он уже сложился как независимый мастер. Эрнст Неизвестный сформировался как художник ещё в сталинские времена, а на Фестивале был награждён второй и третьей премиями.

С 1962 года искусство неофициальных художников получило название андеграунда. В Москве в Манеже 1 декабря 1962 года состоялось открытие выставки, посвященной тридцатилетию МОСХ. Прибывший на выставку Никита Хрущев, увидев картины, назвал их «мазнёй». Начались преследования. В культурной жизни страны не нашлось места «другому искусству». В газетах и журналах публиковались разгромные статьи в их адрес, после которых следовало увольнение с работы. Приходилось устраиваться дворниками, охранниками, заведующими сельских клубов, а творить на чердаках и

в подвалах. Их нелегальные выставки устраивались на частных квартирах. Они ушли в подполье — по-английски underground, что и стало названием этого направления в искусстве. 15 сентября 1974 они организовали выставку, получившую название «Бульдозерной». В ней приняли участие Немухин, Рабины, Жарких, Комар, Меламид и другие.

Об этой выставке и о том, как она была раздавлена бульдозерами, мне много рассказывал Оскар Рабин. Оскар Рабин и его сын Александр бросились на ковш бульдозера и повисли на нем. К счастью, обошлось без жертв. Имена многих художников стали известны за границей. В последующие дни все иностранные «Голоса» только и говорили об этом событии. Властям пришлось пойти на уступки, дав разрешение на организацию новой экспозиции в Измайловском парке. Для «укрощения строптивых» в 1976 г. создали Горком графики. В секцию живописи вступили многие неофициальные художники, поскольку они получили таким образом возможность выставлять свои картины и стали вполне официальными. Музеи начали приобретать и экспонировать их произведения. Так закончился андеграунд. В 2008 г. Владимир Немухин, Эрик Булатов, Эдуард Штейнберг, Оскар Рабин получили звание почетных академиков Российской Академии Художеств. Рабин показывал мне свою звезду академика.

Поэтому неофициальных художников надо было назвать по-другому, поэтому и стали употреблять малоизвестное слово — нонконформисты. Нонконформизм означает способность противостоять давлению общепризнанных течений, творить и думать по-своему.

Я знала многих художников-нонконформистов, но в книге пишу только о тех, чьи картины находятся в моей

коллекции. Мне хотелось описать с наибольшей точностью историю создания некоторых картин, а также наиболее запомнившиеся мне встречи и беседы.

Самое большое впечатления на меня произвел А. Зверев. Привожу отрывок из моей книги: «Виртуозно владея всеми техниками рисования — маслом, акварелью, гуашью, а также гравюрой, — он работал во многих стилях, но всегда отличался своей особой манерой письма, по которой его тут же узнавали: “Это Зверев”.

Автопортрет Зверева, 1980 г.

Он творил необычайно быстро, без предварительного рисунка. Если не было красок, художник использовал зубной порошок или салат из свёклы, а при отсутствии кистей брал в руки зубную щётку или бритвенный помазок. Рассказывали, что однажды он нарисовал картину веником. Я хорошо помню, как одержимо он работал: быстрыми взмахами рук, будто бы дирижируя какими-то чудодейственными силами, что-то бормоча себе под нос, как будто произнося таинственные колдовские заклинания. Через пятнадцать минут картина почти была готова. “Улыбочку!” — просил он. Вы невольно улыбаетесь, а он уже протягивает вам готовый портрет».

Вторая глава рассказывает о современных художниках — Алексее Бегове, Армане Аветисяне, Василии Куксе, Андрее Захарове, Надежде Стрельцовой, Евгении Саре, Владимире Кара, Владимире Купцове — и об особенностях их оригинального творчества.

Третья глава посвящена известным русским художникам — Марку Шагалу, Станиславу Жуковскому, Льву Нифонтову. Жизнь и творчество каждого из них неординарны.

Французские художники и их произведения представлены в следующей главе моей книги: Пьер Гризо, Алексис Гинсбержер, Арман, Дора Маар. Восхитительные парижанки Гризо привлекают своей грацией и элегантностью. Аккумуляции трибальных масок известного франко-американского скульптора и художника Армана вызывают интерес к творчеству группы «Новых реалистов» с Ивом Клейном. Редкая картина известной музы Пикассо Доры Маар «Молящаяся» знаменует новый период в ее жизни, жизни без Пикассо.

Книга «Тайны творчества» адресована широкому кругу читателей и включает 63 иллюстрации — картины, рисунки, документы, фотографии, основная часть из которых ранее не публиковалась.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ
И БЕСЕДЫ

Денис фон МЕКК

Денис фон Мекк — семейный историк, меценат, коллекционер, издатель, основатель Международного благотворительного фонда имени Надежды фон Мекк.

ДЕНИС ФОН МЕКК О СВОИХ ПРЕДКАХ

Во время пребывания Дениса во Франции осенью 2024 года, мне посчастливилось взять у него интервью.

— Дорогой и уважаемый Денис Андреевич, когда у вас появилось желание обратиться к истории ваших знаменитых предков? Рассказы бабушки в вашем детстве о семейных событиях не стали ли позже импульсом для дальнейшей просветительской деятельности?

Интерес к предкам приходит в разном возрасте, со мной это случилось в 42 года. С детства я слышал рассказы бабушки за праздничным столом. Но эти разговоры, скажем так, тогда ещё не задевали меня за живое, просто я находился в этой атмосфере. Бабушка была очень востребованным человеком, её приглашали в музеи, на конференции, я видел её статьи. Я помню, как она уже в преклонном возрасте откликалась на все приглашения и самоотверженно ездила туда, где должна была высту-

пать, чтобы поделиться своими знаниями о великих людях. Мне она передала главное — пример своих действий. Во второй половине жизни, в 42 года, во мне это проснулось. Я думаю, в этом не какая-то моя заслуга. Вероятно, предки с неба выбрали меня и загрузили программу, по которой я действую.

— Как звали вашу бабушку?

Татьяна Алексеевна Себенцова по папиной линии.

— Вы много времени уделяете архивам?

Весьма активно занимаюсь ими. Слава богу, что современная технология и государственная власть дают возможность работы с архивами, не посещая их. Оцифровываются архивы, а также фонды всех библиотек и музеев. Напомню, что такое фонд музея. Выставленные в залах экспонаты составляют порою лишь 2–3 % от того, что находится в фондах. Колоссальное количество спрятано в хранилищах! А сейчас идёт программа оцифровки, да и искусственный интеллект научился читать и распознавать рукописные записи. Так что теперь можно найти в церковных книгах: кто когда родился, крестился, женился, умер и где отпевали, — интереснейшие вещи открываются. Всё это возможно теперь читать дистанционно, и я больше всего работаю дома, хотя и в архивы получается попадать.

— Вы — основатель благотворительного фонда вашей прапрабабушки баронессы Надежды Филаретовны фон Мекк. Когда вы создали ваш фонд?

Я подал документы на открытие фонда шесть лет назад. Обычно эта процедура длится две-три недели. В моём случае она заняла полгода. В мае 2019 года я находился в Клину в музее Петра Ильича Чайковского и на мой телефон пришло сообщение, что фонд имени Наде-

жды фон Мекк внесён в государственный реестр. И это произошло 7 мая, в день рождения Чайковского! Я чувствую поддержку великого композитора.

— Замечательно, что высшие силы Вам помогают. А сейчас в фонде есть другие сотрудники?

Нет, я один. Конечно, несколько людей эпизодически помогают знакомствами, соорганизацией. У нас нет финансирования и зарплат, поэтому всё держится на редких волонтёрских акциях.

— Это люди из вашего ближайшего окружения или же те, кого вы заинтересовали настолько, что они включились в вашу работу?

Всё по-разному. Когда люди видят, насколько я масштабно занимаюсь, причём бесплатно, они тоже хотят сделать что-то доброе. Им импонирует просветительская позиция. Но во многих случаях они не понимают, что сделать и как сделать. Просто проявляют добрые намерения.

— Вы из семьи, в которой смешалась кровь Чайковских, Потёмкиных, Давыдовых, Раевских, фон Мекк. Богатая, огромная родословная! Груз ли это или же подарок судьбы?

Я бы сказал не груз, а обязанность. Я так это ощущаю и действую. Тут ещё есть необходимость восстановления справедливости, потому что некоторые мои предки, несмотря на то, что были великие люди и внесли в русскую экономику и культуру потрясающе огромный вклад, были репрессированы, кто-то расстрелян, кто-то сослан, кто-то сидел в тюрьмах помногу лет. Их просто вычеркнули из истории России в советские времена. У меня приятная обязанность восстанавливать незаслуженно забытые имена.

— Петр Ильич Чайковский ушёл с работы юриста и стал учиться в Консерватории. Это смелый и трудный шаг в финансовую неизвестность. Отказ от стереотипного поведения дворянина. Необходимый душевный кризис, который дал миру гениального композитора. Прослеживаются параллели с вами. Вы тоже оставили прежнюю высокооплачиваемую работу, чтобы посвятить себя вашим именитым предкам. Яркая работа просветителя, зов прошлого?

Я бы не применил ни к нему, ни к себе слово *кризис*. У нас разные истории. У него это любовь к музыке с самого детства, та искра божья, ради которой он пришёл на Землю, а общество и семья отправляли на другой путь. Это был *конфликт*, и он решительным образом принимает болевое решение. У меня своя история. В первую часть жизни, сорок с небольшим лет, я жил очень неплохо, был руководителем производственной компании, но какой-то пришёл управляющий «свыше» сигнал, так я это оцениваю. То есть мне видится, что не я принял решение, а его приняли за меня.

— Нас интересует ваша встреча с Мариэттой Манукян.

У меня в соцсетях более тысячи подписчиков. И вот одна из них обратилась с просьбой приобретения книги. Я не автор, просто выбираю достойные работы, чтобы дать им жизнь и издаю их. Сначала это была очередная встреча, таких у меня десятки-сотни. Однако Мариэтта открылась как человек с очень глубоким, живым интересом к русской культуре. И, самое главное, у неё появилось желание действовать.

— Для нас, живущих во Франции, ваша встреча с Мариэттой, которая устроила вам лекции в Европе и в Америке, — огромный интеллектуальный подарок. Ваша совместная деятельность будет ещё расширяться?

Денис и Мариэтта

На сегодняшний день, благодаря ей, мне удалось провести лекции в четырёх странах: Франции, Швейцарии, Люксембурге и Америке. Мариэтта блестящий организатор, она не просто инициатор, но разрабатывает всё в деталях и делает это очень энергично, чтобы получился эффективный результат. У неё начался новый этап в жизни, она занимается просветительством, даёт мне возможность рассказать то, что я знаю, собирает аудитории, находит новых друзей среди русскоязычных и иностранных слушателей.

— Деликатность, задушевность, тактичность и деловые качества были присущи меценатке Надежде фон Мекк, когда она поддерживала Чайковского и на равных общалась с великим композитором. Не кажется ли вам, что вы в мире отражений благодаря пересечению вашей судьбы с судьбой Мариэтты?

Мы согласны с Мариэттой, что в мире правят высшие силы. В данном случае, это «рука провидения», по словам Петра Ильича Чайковского. Для нас это Надежда Филаретовна фон Мекк. Она нас познакомила и даёт нам энергию на огромное количество поездок, в том числе между континентами. Графики очень напряжённые, но Надежда Филаретовна всем как-то управляет с небес.

— Вместе с Мариэттой вы побывали во Франции в местах, где жила Надежда фон Мекк. В прошлом году Бель Эр около Тура, в этом году вилла в Аркашон. Может быть, поделитесь вашими впечатлениями об этих посещениях?

Бель Эр и Аркашон связаны с Надеждой Филаретовной, с её приездами во Францию. Но это две разные истории. Бель Эр — усадьба, купленная ею, чтобы там мог гостить Чайковский, как до этого он гостил во всех её домах

и усадьбах в России и вне России. Бэль Эр — её новая задумка для него. К сожалению, он так туда и не приехал, и она её продала через шесть лет.

А в Аркашоне она отдыхала с семьёй. Место очень понравилось всем, и туда приезжали ещё два поколения её детей и внуков. Удивительно, когда мы приехали с Мариэттой на сохранившуюся виллу — вилла называется Маргарита — то нам сказали её нынешние владельцы, что они историю виллы знают, чтут и популяризируют. Исключительно благодаря дипломатичности Мариэтты, которая умеет налаживать отношения с незнакомыми людьми, нам разрешили посетить территорию усадьбы и всё подробно показали внутри дома, например, выдвижной столик, на котором Надежда Филаретовна писала письма Чайковскому. Мы много фотографировали. Хозяйка виллы оказалась прекрасной художницей, показала много своих работ и подарила альбом с дарственной надписью, на обложке которого вилла Маргарита.

— Хозяева давно приобрели особняк?

Двадцать лет. Отделка потолков, лестницы, паркет, всё как раньше, а перила — те самые перила, которых касалась рука Надежды Филаретовны!

— А в Бэль Эр, как я поняла, весь интерьер исчез?

Да. Имение было продано в начале двадцатого века французскому Красному Кресту. Длинная история, сколько лет я его искал через Гугл... Выяснилось, что здание встроено в огромный комплекс нынешней современной постройки. Исторически это были два небольших дома, к которым пристроили комплекс. Когда я смотрел со спутниковых снимков, то не мог понять, что это они.

— А сотрудники Красного Креста знают об истории Бэль Эр?

Знают. Помнят. Нас встретила директор и отвела к одной сотруднице, которой было поручено создать га-

лерею фотографий старинных видов и, по возможности, найти историческую информацию. Там было два домика, Надежда Филаретовна предполагала, что они с Петром Ильичом смогут жить в разных зданиях одновременно.

— В прошлом году вы также встретились во Франции с Римскими-Корсаковами. Сын Николая Андреевича Римского-Корсакова, Андрей Николаевич, занимался перепиской двух великих композиторов и ездил для этого в дом-музей Чайковского в Клину в 1940 году. Что вы можете рассказать о связях этих двух знаменитых семей?

У Чайковского и Римского-Корсакова было взаимное уважение, и они любили музыку друг друга. Мне кажется, надо подчеркнуть их близость. 1940 год — столетие со дня рождения Чайковского и было принято несколько судьбоносных решений, в том числе начало выпуска полного собрания сочинений Чайковского как музыкального, так и литературно-эпистолярного. 63 тома музыкальные, 18 — литературно-эпистолярные. Это основа всех знаний про него. Что я могу сказать о дальнейших потомках? Мы состоим в ближнем родстве с Николаем Александровичем Римским-Корсаковым. Он был заместителем министра морского ведомства, троюродный или четырёхюродный родственник композитора. Он женился сначала на Вере Львовне, одной из сестёр Анны Львовны, моей прабабушки, а потом, после смерти Веры, на другой сестре, на Наталье, которая ухаживала за детьми умершей.

— Мне хочется напомнить, что Антон Павлович Чехов посвятил Чайковскому свои сборники «В сумерках» и «Хмурые люди» (1889 год). Посредником между писателем и композитором был Модест Чайковский. Чехов писал о своей встрече с Петром Ильичом: «Он не похож на полубога».

Действительно, Чехов и композитор познакомились благодаря Модесту Ильичу, который был известным и

популярным литературным деятелем. Чехов и Пётр Ильич увиделись после того, как Модест читал вслух рассказ Чехова «Миряне», опубликованный в газете «Новое время» Алексея Сергеевича Суворина. Пётр Ильич восхитился рассказом настолько, что сразу сел писать письмо издателю с просьбой познакомить с автором. Этого не получилось, но Модест поспособствовал встрече. Прекрасный пример моментального знакомства на сильном энергетическом уровне! У Чайковского и Чехова был план написания оперы по мотивам лермонтовских произведений под названием «Бэла». Они также, на мой взгляд, были объединены прекрасным чувством скромности. Чехов писал Модесту: «Я готов день и ночь стоять почётным караулом у крыльца того дома, где живёт Пётр Ильич — до такой степени я уважаю его. Если говорить о рангах, то в русском искусстве он занимает второе место после Льва Толстого, который давно уже сидит на первом (третье я отдаю Репину, а себе девяносто восьмое).

— *Музыка Чайковского влечёт к небесам, очищает, возрождает душу. Что означает для вас философская сторона творчества Чайковского?*

Надо сказать, что Пётр Ильич был глубоко мыслящий человек, интересующийся и развивающийся, что чётко прослеживается в письмах с Надеждой Филаретовной. Они обсуждают много философских трудов и авторов. Надежда Филаретовна покупает труды мыслителей и отправляет ему десятки книг на протяжении многих лет. Я не возьмусь судить, какая философия угадывается в произведениях Чайковского, но это был человек с глубоким мировоззрением, стоящий прочно на религиозной почве. Когда он писал свою музыку, особенно в конце жизни, то на нотах обращался к Богу с благодарностью, что тот позволил ему начать и закончить работу. Кстати, самое частое слово, которое им упоминалось в детстве, это сло-

во *Бог*. Интересующимся этим вопросом, я бы порекомендовал прочитать книгу «Духовный путь Чайковского» Галины Сизко.

— Вы бесплатно распространяете книги о Чайковском, которые вы публикуете в своём фонде. Одна из них просто замечательна, «Непридуманная фабула». Её автор — Елена Ерофеева-Литвинская. Предвидятся ли новые публикации у вас?

Спасибо, что вы это упоминаете. Я издал семь книг и должен сказать, что все книги, которые я выпускаю, не только дарю в бумажном варианте, но они доступны в электронном виде. Их можно найти и читать на первой странице моего фонда. Причём две из них, Галины фон Мекк «Как я их помню» и Елены Ерофеевой-Литвинской «Непридуманная фабула», есть не только в электронном формате, но и в аудиоформате.

— Вы также коллекционер. Расскажите, пожалуйста, о той части коллекции, которая относится к Надежде фон Мекк и к Петру Ильичу Чайковскому.

Разумно об этом вспомнить, тем более что мы с вами встречаемся в предвестии 185-тилетия Чайковского. Я надеюсь, что будут мероприятия и при них выставки.

Я коллекционирую как старинные, так и современные вещи. Старинные — это фотографии, письма, публикации в дореволюционных газетах, книги с автографами Чайковских и известных людей в области культуры. А современная часть состоит из афиш — например, прекрасный фильм «Чайковский» со Смоктуновским — у меня есть афиша из 13-ти стран на 13-ти языках. Моя коллекция «Чайковский в монетах и медалях», вероятно, самая большая в мире. Она демонстрирует признание композитора в огромном количестве стран. Даже выпускаются монеты в других государствах с его портретом. Есть ещё коллекция бюстов и статуэток из 20-ти стран мира: резьба по дереву, бронза, мрамор.

— А что касается Надежды Филаретовны?

Это фотографии. Я нашёл родственников в Голландии, Польше, Англии — у них есть фотографии, некоторыми мы с ними обмениваемся, а некоторые они мне подарили. Есть также вырезки из газет о тех, кому она помогала, когда семья фон Мекк строила железные дороги. Таким образом, фонд расширяется.

В заключение мне бы хотелось сказать, изменив название книги Елены Ерофеевой-Литвинской из «Непридуманная фабула» на «Неоконченная фабула». Эти слова очень подходят к вашей деятельности. Жизнь Чайковского и Надежды фон Мекк продолжается благодаря вам, а для нас во Франции, благодаря вашему творческому союзу с Мариэттой Манукян!

И ещё раз огромное спасибо за это эксклюзивное интервью, которое вы дали нашему литературному альманаху «Новый Глаголъ».

Интервью взяла Елена Улиссова-Пианко
19 ноября 2024 года

КУКОЛЬНИК ИЗ МОНРУЖА

Прибыл с грузом талантов,
Монологов и слёз,
Бедных комедиантов
Полотняный обоз…
Антонин Ладинский

В Монруже напротив мэрии — здание из бургундского красного кирпича с башней в 43 метра. Жители городка с гордостью называют башню старинным словом Le Beffroi. Она выполнена в модном стиле начала двадцатого века Art déco и сочетает классицизм с модернизмом. Автор проекта — житель Монружа, архитектор Henri Decaux.

Art déco, Henri Decaux? Возможно ли с такой фамилией устоять от создания постройки в геометрически-совершенном стиле? Конечно же, нет!

Теперь Le Beffroi — культурный центр. Чувство любознательности не подвело меня: я попала на незабываемый спектакль кукол. Особый вид театра — театр марионеток. Представления с ними проходят в нижнем помещении центра, туда ведёт небольшая лестница. До начала действия, прежде чем пройти в зал, я рассматривала в холле витрины, и становилось празднично на душе. Немолодая дама с мальчиками четырёх-пяти лет обратилась ко мне: «Нравятся витрины? Вижу, что вы восхищаетесь» «Как ими не любоваться? Лица необыкновенно выразительны и какие роскошные одеяния...». «Вы знаете, — доверительно продолжала она, — я около сорока лет прихожу на спектакли, сначала водила дочек, а вот теперь — внуков. И каждый раз очарована увиденным».

Но вот уже публику приглашают на спектакль. Занавес маленького замка раскрывается. Возникает хрупкий сказочный мир, мир миражей, созданный из красочных средневековых гобеленов и миниатюр. Юный пастух убивает людоедов, одерживает победу над рыцарями, получает руку и сердце принцессы. Рыцарские состязания с их строгим ритуалом как будто сошли со страниц книг короля Рене о турнирах и о куртуазной любви поэта к идеальной Даме. О, эти милые глаза детишек, впивающиеся в сцену, сопереживающие куклам, как же вы прекрасны! Мы тоже, взрослые разных лет — молодые родители и ста-

ренькие бабушки и дедушки — вместе с малышами погружаемся без предвзятости в предложенную феерию. Пластика кукол необыкновенна. Оригинальны замыслы энтузиастов: кукольники предлагают зрителям чарующее странствие по средневековью.

После представления мне захотелось поближе познакомиться с создателями зрелища. Я нашла в программке имя директора театра: Фредерик Блэн. Отправила по предложенному адресу мейл и, к своей большой радости, получила без промедления приглашение встретиться для интервью.

Среди множества коробок, стоящих столбиками одна на другой, я не сразу разглядела Фредерика Блэна. Он любезно предложил мне сесть и включить записывающее устройство.

В брошюре указано, что некоторые куклы были созданы в 1934 году. Работаете ли вы с ними?

Ф. Нет, самые старые в моей коллекции — 1947 года.

Они хранятся в запасниках?

Ф. Да. Я начал работать с марионетками в 1958 году, а театр основал мой отец, Андре Блэн.

В 1958 году мэр Монружа Анри Жину предоставил вам помещение для спектаклей.

Ф. Тогда у нас было другое место, не то, где вы видели нас. В пятидесятые годы мы получили от мэрии *Зал с Баром*. Пришлось самим всё оборудовать: не было ни сцены, ни тёмных занавесей, ни кресел для публики — люди сидели на скамейках. Вот так мы играли с 1958 по 2001 год.

А кто кроме отца занимался марионетками с самого начала?

Ф. Моя мама Люсьенн и бабушка со стороны папы. Мой дедушка погиб на войне 1914 года. И бабушка, оставшись без мужа, не хотела стать страждущей, вечно плачущей вдовой в трауре. Она ходила с сыном в театр, благодаря ей тот мечтал стать актёром, певцом и танцов-

щиком. К сожалению, у них не было связей в театральном мире, и сначала отец пошёл в свои семнадцать лет работать в парижскую Биржу и только потом, в 1934 году, создал театр марионеток.

А где хранились куклы?

Ф. В нашем доме в Монруже на улице Баньё. Мои предки жили там с 1895 года, и мастерская была при доме.

Я смотрела ваш спектакль Pimpon d'Or (Золотой Помпон). Прочитала в программке, что музыку написал Мишель Франц, который многие годы, до самой своей смерти, был музыкальным директором в Comédie Française.

Ф. Несмотря на бурную деятельность, Мишель мне никогда не отказывал в помощи. Я звонил: «Мишель, у меня есть проект спектакля». Так появились совместные представления: *Epouse du soleil (Жена солнца), Pimpon d'Or (Золотой Помпон), Panique dans la cave (Паника в подвале), Centaure bleu* (*Синий кентавр)*.

А как вы познакомились?

Ф. Через Ксавье де Курвиля, в его театре *Микропера* работал мой отец. Ксавье был женат на Жаклин из известного музыкального рода Казадесюс. Её старшая сестра Катрин целых 15 лет давала мне уроки фортепиано. Катрин написала музыку для наших спектаклей: *Poucette (Дюймовочка), Maison des quatre vent (Дом четырёх ветров)...* Её племянник Доминик Пропст — известный композитор опер, балетов, театральных и радио-представлений. Он писал для Мориса Бежара, Жана Марэ, Лорана Тарзиева. Доминик загружен работой, и вот через него я и вышел на Мишеля.

Не только музыка, но и голоса в вашем театре замечательны.

Ф. Это профессиональные актёры. Но сначала мои родители говорили в микрофон по ходу действия. Позже мы сделали записи. Так сохранился голос бабушки, мамы и отца.

А ваши костюмы и декорации?

Ф. Они реализованы в момент создания спектаклей. Я сценограф, декоратор и музыкант. Музыку я заказываю: предлагаю композитору атмосферу, тональность, временные рамки. С Мишелем мы вместе делали всю нужную «музыкальную кухню». Но не для всех спектаклей я обращаюсь к знакомым композиторам. Например. для *Princesses de la nuit* (*Принцессы ночи)* я выбрал музыку Отторино Респиги, умершего в 1936 году. Кстати, вы русская? Знаете, он учился в России у Римского-Корсакова! Так вот в моём спектакле звучит произведение *Античные танцы*, это научная оркестровка Респиги старинных рукописей XV–XVI веков.

А декорации? Как вы над ними работаете?

Ф. Всякий раз в них проявляется моё страстное увлечение эпохой. Я занимался ткачеством гобеленов в мануфактуре Обюссон. Восхищаюсь *Анжерским Апокалипсисом* в гобеленах, цветом шпалер и использовал их красочную гамму в декорациях. Для *Pimpon d'Or (Золотой Помпон)* переделал провансальскую сказку, поместив действие в Средневековье. А для *Princesses de la nuit (Принцессы ночи)* по сказкам братьев Гримм архитектурную обстановку выполнил не в немецком стиле, а в итальянском по мотивам живописи Пизанелло (1395–1455), Пьеро Делла Франческа (1412–1492) и Бенноцо Гоццоли (1420–1497). Посещал библиотеки, покупал книги на эту тему. Для спектакля *Epouse du soleil (Жена солнца)* просмотрел огромное количество документации о Перу и Андах.

А кто шьёт костюмы для кукол и обновляет их одежду?

Ф. Моя жена. Она врач, но активно помогает. Вы видели её на кассе. Принимали участие в нашей работе и мои соседи, родители балерины Мюриель Дютертр, той, что танцевала с русскими. Вы мне говорили, что писали о ней в вашем альманахе. А вот лепкой занималась мама. Она создала 4 тысячи кукольных лиц!

А тела марионеток?

Ф. Мы с отцом. Это намного легче лепки. Работа ремесленников, а не художественных творцов.

А на последних представлениях кто управляет куклами?

Ф. Мне нелегко находить марионеточников. Некоторые просто проходят у меня стажировку и потом исчезают. Дело в том, что управляющий прячется за сценой в трудной позе, особенно много напряжения приходится на спину. Да ещё после спектакля надо разобрать всё устройство, убрать в подсобное помещение, а временами и перевезти в другое место. Такова повседневность кукольников. А без них нет спектакля. Но скоро мы закончим нашу деятельность и увезём в провинцию кукольное богатство. Я трезво смотрю на будущее. Ностальгия не приносит радости.

Я вздохнула, процитировав стихи Антонина Ладинского:

В чёрной зале вселенной,
В полотняной стране
Мир прекрасный, но бренный
Рушится, как во сне.

И всё же, — сказала я напоследок, — мне хочется закончить разговор на оптимистической ноте. Ваш театр доставляет радость почти 100 лет. Вы яркий энтузиаст, и представления оставят след в Монруже, где зал назван в честь ваших родителей, Андре и Люсьенн Блэн!

Беседу вела
Елена Улиссова-Пианко

НОВЫЙ ГЛАГОЛЪ

Литературный альманах

Формат 66x88 1/16
Усл. печ. л. 21,8
Подписано в печать
18.07.2025
Печать офсетная